

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
МУЗЕЙ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОЧЕВНИКИ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
И АНТИЧНЫЙ МИР
(проблемы контактов)

Материалы 2-го археологического семинара

Редакционная коллегия:

проф. А. И. Мартынов, к. и. н. Б. А. Раев (отв. редактор), к. и. н. М. Б. Щукин

В оформлении обложки использовано изображение на серебряном канфаре из Острованы. Словакия

Новочеркасск 1989

© Музей истории донского казачества, 1989

СОДЕРЖАНИЕ

Д.А.Мачинский. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э.	7
М.Б.Щукин. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования)	31
А.В.Симоненко. Импортное оружие у сарматов	56
М.Ю.Вахтина. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов)	74
М.Ю.Трейстер. Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.)	89
Г.Н.Курочкин. Ранние этапы формирования скифского искусство (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели)	102
С.А.Яценко. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой пол. III в. до н.э.	120
А.Д.Бабаев. Из истории Средней Азии эллинистического и послеэллинистического времени	127
Н.Ф.Шевченко. Сарматы в восточном Приазовье (I в. до н.э. – II в. н.э.)	140
А.И.Мартынов. О концепции закономерностей исторических взаимоотношений обществ Древнего мира и степной Евразии	148

CONTENTS

D. A. Machinski. Cimmerian Bosphorus and Tanais in the history of the Scythian and Mediterranean region in the 8 th –5 th centuries B.C.	7
M. B. Shchukin. At the Eastern border of Sarmatia.....	31
A. V. Simonenko. Imported weapon in Sarmatia.....	56
M. Ju. Vakhtina. The Greek settlements and the nomads in the Northern Pontic area in 7 th –6 th centuries B. C.	74
M. Ju. Treister. Matrices from Pantikapaion.....	89
G. N. Kurochkin. The early stages of the Scythian art creation.....	102
S. A. Jatzenko. The Sarmatian and Scythian elements in the anthropomorphic depictions in Kuban region from the end of the 4 th to the first half of the 3 rd centuries B. C.....	120
A. D. Babaev. On the history of Middle Asia in hellenistic and post-hellenistic periods.....	127
N. F. Shevchenko. Sarmatian in the Eastern Azov-Sea region.....	140
A. I. Martynov. On the conception of the relations between Ancient World and Eurasian nomads.....	148

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	Археологические исследования в Молдавии (Кишинев)
АО	Археологические открытия (Москва)
АП	Археологічні пам'ятки (Киев)
АСГЭ	Археологический сборник Гос. Эрмитажа (Ленинград)
АЦВМ	Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. ТД к семина-
ВАСК	Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВЛУ	Вестник Ленинградского университета (Ленинград)
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения (Петербург)
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИАК	Известия Имп. археологической комиссии (Петербург)
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Ле-
ИКИУОВО	Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР (Москва)
МАР	Материалы по археологии России (Петербург)
МДАПВ	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині (Львов)
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)
МКАН	Международный конгресс антропологических наук
НАА	Народы Азии и Африки (Москва)
НАИА	Научный архив Института археологии АН СССР (Москва)
ОАК	Отчет Имп. археологической комиссии (Петербург)
ОИПК	Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
СА	Советская археология (Москва)
СГЭ	Сообщения Гос. Эрмитажа (Ленинград)
СЭ	Советская этнография (Москва)
ТГЭ	Труды Гос. Эрмитажа (Ленинград)
АА	Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungarica
ААН	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica.
AI	Acta Iranica
AJA	American Journal of Archaeology
АН	Archaeologia Hungarica.
ArOr	Archiv Orientalni
BAR	British Archaeological Reports
ВМАН	Bulletin des Musees Royaux d'art et d'histoire
CISPP	Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua
JRAS	Journal of Royal Asiatic Society
SCIVA	Studii si cercetari de istorie veche si archeologie
ZfA	Zeitschrift fur Archaeologie

Мачинский Д. А.

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ТАНАИС В ИСТОРИИ СКИФИИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ VIII–V вв. до н. э.

Прошло пятнадцать лет со времени публикации двух моих статей по этногеографии евразийских степей (1; 2); за это время накопился новый археологический материал и были предприняты новые попытки осмысления данных археологии с привлечением письменных источников. Поэтому я рад предоставившейся возможности в сжатой форме (отложив подробную аргументацию на будущее) и в свободной манере изложить накопившиеся за истекшее время соображения как о конкретной этнополитической истории евразийских степей, так и о том месте, которое занимала эта часть ойкумены в социокультурных процессах, охвативших с рубежа IX–VIII вв. до н. э. многие области Старого Света от Атлантики до Тихого океана.

Занятия древней историей и археологией Евразии уже давно убедили меня в том, что население евразийских лесостепей, степей и полупустынь (в дальнейшем – «зона степей»– Д. М.) в «скифское» время (VIII–IV вв. до н. э.) по степени своей включенности в мировые культурно-политические процессы, по ряду качественно-количественных показателей своей культуры, по образной насыщенности, напряженности и совершенству произведений религиозно-магического искусства резко превосходит население этой же зоны в предшествующее и, что особенно важно и удивительно, в последующее время. Нельзя было не отметить, что расцвет «скифской» культуры хронологически совпадает с «эллинским чудом» и с «эпохой пророков» в Палестине (VIII–V вв. до н. э.), с рядом глубочайших духовных откровений в Иране, Индии, Китае. Одновременно становилось ясно, что

все синхронные явления, несмотря на наличие взаимосвязей между некоторыми из них, в основном независимы друг от друга и каждая этнокультурная традиция дает в это время свой самобытный «ответ» на вечные «вопросы» о сущности всего потока бытия, о месте в нем личности и социума. Эти «открытия» глубоко заинтересовали меня, но тут я узнал о книге К. Ясперса и о том, что эпоха великих духовных и социальных сдвигов 800–200 гг. до н. э. в «зоне городских цивилизаций» между Средиземным и Желтым морями уже давно выделена и именуется «осевым временем» (3).

Однако со временем оказалось, что поскольку в своих умозаключениях я исходил не из истории «зоны городских цивилизаций», а из материала лежащей севернее «зоны кочевого хозяйства», постольку мои выводы не полностью совпадают с концепцией К. Ясперса и других авторов и отличаются от них в ряде существенных деталей.

Во-первых, поворотная эпоха должна быть ограничена VIII—V вв. до н. э. Уже в этих хронологических рамках на всей очерченной территории завершились процессы убыстренной кристаллизации прежних и возникновения новых систем религиозно-философских воззрений. В западной части Евразии (Средиземноморье, Передняя Азия, отчасти Европейская Скифия) крупные сдвиги в сфере сакрально-культурной сопровождались столь же радикальными изменениями в сфере социально-политико-экономической, в то время как в восточной части (Индия, Китай; отчасти Азиатская Скифия) крупные обобщения и изменения в сфере духовно-сакральной опередили существенные изменения в экономике и политической системе. Представляется неправомерным расширять временные рамки «осевого времени» до 200 г. до н. э., дабы оно охватило все кардинальные перемены во всех областях жизни Древнего мира, включая создание в III в. до н. э. больших централизованных государств в Индии и Китае.

Во-вторых, грандиозные изменения сакрально-культурного и этносоциального характера охватывают не только зону цивилизаций, но и зону степей и даже южную часть лесной зоны Евразии. Именно в эту эпоху «сакральные пути» стабильно связывают лесостепное и лесное Приуралье и Сибирь с центрами античного мира. Именно в это время (VIII–VII вв. до н. э.) в лесной зоне Восточной Европы

складывается целый ряд новых этнокультурных общностей – «городисщенских культур», – отличающихся от более древних возникновением многочисленных укрепленных пунктов, что говорит о качественно новом характере процессов этногенеза и социальной жизни.

Такое расширение географии «осевой эпохи» имеет принципиальное значение. Оказывается, что «этно-сакрально-социальное напряжение» резко возрастает в это время не только в зоне древних городских цивилизаций, но и в более северных зонах, заселенных «первобытными» этносами. Становится ясным, что глубинные причины великих перемен лежат не в закономерностях развития цивилизаций и классовых обществ, а имеют более всеобщий характер. Однако нельзя считать, как это предлагает А. И. Зайцев, что «переход к железному веку и был важнейшей необходимой, хотя и не достаточной, предпосылкой социальных потрясений, породивших, в свою очередь, новые идейные течения середины I тысячелетия до н. э.» (4, с. 24 сл., 204).

Несомненно, начало массового изготовления орудий уничтожения и орудий производства из железа (и в особенности из стали) было важнейшим этапом в освоении человеком окружающего мира, но даже в области социально-политической результаты этого новшества сказываются не сразу, да и не всегда ясно, откуда исходит первичный импульс к обновлению всей социально-экономической системы. Что касается сферы духовных откровений и сакральных институтов, то говорить об ее односторонней зависимости и опосредствованной «производности» от развития «средств производства» для рассматриваемой эпохи (как и для многих других) нет оснований.

Известное в основном по письменным источникам (и не очень подтверждающееся археологически) производство железа у халибов на северо-востоке М. Азии, контролируемое в XVI–XIII вв. до н. э. Хеттской державой, пережило спад вместе с крахом этого государства; монополия на железо, как видим, не усилила и не спасла хеттов.

В конце XIII – нач. XII вв. до н. э. небывалый натиск «народов моря», передвигающихся и на ладьях, и по суше, сокрушает Микенскую цивилизацию Греции и Хеттскую державу. По степени интенсивности этот натиск приморских племен с севера и запада напоминает позднейшую «эпоху викингов». Видимо, этот взрыв военно-миграционной актив-

ности, причины которого неизвестны, отразился впоследствии у Гесиода в образе «века божественных героев», отделяющего «медный взк» от ненавистного Гесиоду «железного», а также отчасти в «Илиаде» и других героических циклах, приобретших известный нам вид много позднее, в VIII–VII вв. до н. э. Почти одновременно с движением «народов моря» (втор. пол. XIII в.) древние евреи форсируют Иордан и завоевывают «обетованную землю», сталкиваясь здесь с одним из «народов моря» – филистимлянами, давшими имя Палестине.

В дальнейшем, с XII в. до н. э., лидерство в производстве уже многочисленных изделий из железа переходит к Сирии, а к X в. вперед вырывается маленькая Палестина, опережающая и Сирию, и вышедшую на второе место Грецию¹. Борьба за сиро-палестинское железо, возможно, является одним из стимулов создания первого в мире государства имперского типа — Новоассирийской державы, максимум кровавого могущества которой приходится на VIII в. и завершается крахом в конце VII в. до н. э.

Уже к X в. до н. э. в Восточном Средиземноморье хорошо известно производство изделий из стали, sporadически встречавшихся и ранее. В последующее время (IX–VIII вв. до н. э.) производство железа и стали держится в Греции на достигнутом в X в. уровне, не вытесняя бронзу, а полная победа железа наблюдается лишь с VII в. до н. э., когда уже были заложены основы социально-политических и сакральных новаций, определивших лицо эллинской цивилизации.

В Китае же первые данные о знакомстве с производством железа относятся к VII–VI вв. н. э., а сколько-нибудь существенное место в производстве орудий уничтожения и созидания оно занимает не ранее IV–III вв. до н. э., что, вероятно, является одной из предпосылок создания империи Цинь. Однако, как в Греции, так и в Китае, новые явления в духовной культуре, определившие лики двух цивилизаций на тысячелетия вперед (мистерии Деметры, орфизм, свободная философия, лирическая поэзия и т. д. – в

¹ Я пользуюсь данными о времени наступления железного века, суммированными и исследованными в докладе: Бочкарев В. С. К вопросу о ранней стадии использования железа в Северном Причерноморье. Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения М. И. Артамонова. 12 декабря 1988 года. Ленинград. Приношу благодарность В. С. Бочкареву за разрешение пользоваться его данными и выводами.

Греции; книга И цзин, даосизм и конфуцианство в Китае), возникают одновременно в пределах VII–VI вв. до н. э., т. е. в Греции лет на 250–300 позднее наступления железно-стального века (X в. до н. э.), а в Китае лет на 250–300 раньше, чем он наступил (IV–III вв. до н. э.).

Аналогичная картина наблюдается и в «зоне степей». На западной окраине этой зоны в Северном Причерноморье железо уже ощутимо присутствует в материалах Белозерской культуры XII–X вв. до н. э. (и, вероятно, в материалах соседних культур). На восточной окраине зоны степей, в Южной Сибири, карасукские памятники того же времени не дают изделий из железа. В IX в. до н. э. на всей территории степей совершается переход больших масс населения к чисто кочевым и полукочевым формам хозяйства. Несомненно, что первичный толчок для «цепной реакции» перехода к кочеванию был дан в восточной и центральной частях евразийского пояса степей, не западнее междуречья Волги и Дона, хотя так же несомненно, что распространение кочевого хозяйства по всей зоне произошло очень быстро, возможно, в пределах жизни двух поколений.

Наиболее древним ярким проявлением бурного расцвета новой социальности и новой сакральности в степях является курган Аржан в Туве, созданный в нач. VIII в. до н. э. и несущий все черты новой культуры кочевого мира, ориентированной на включение и жизни, и обновляющей жизнь смерти – в единый, объединяющий предков и потомков поток Большой Жизни.

Итак, новый социально-сакральный уклад жизни и тип мировоззрения складывается в азиатской части степей, на базе культур эпохи бронзы, а не европейской, где уже важное место занимает железо. В дальнейшем, с переходом к кочеванию, в IX–VIII вв. до н. э. в Европейской Скифии по-прежнему сохраняется «бронзо-железная» культура, а окончательная победа железа наступает лишь с VII в. до н. э. На востоке, в Азиатской Скифии, железо становится ощутимым фактором на Алтае с VII–VI вв., а в прилегающих степях – с VI–V, а местами и с III в. до н. э.

Итак, рассматривая железные орудия и оружие как важную характеристику новой эпохи, я не могу видеть в них «первопричину» всей цепочки радикальных изменений. Наиболее ощутимой синхронной «осью», пронизывающей все рассмотренные зоны и области в интересное время, является неожиданное появление многочисленных пророков, ве-

ликих учителей жизни, апогей чего приходится на VI в. до н. э. (при этом к «пророкам» зоны цивилизаций прибавим «пророков» варварского мира – Залмоксиса, Анахарсиса, Токсариса, Абариса и пророка пограничья двух миров – Заратуштру).

Великое общечеловеческое дело «пророков», творимое уединенными могучими личностями перед лицом своего внезапно пробудившегося глубинного «я», всматривающегося в мировые бездны, протекает на фоне невероятно интенсифицирующего коллективного сознания (это в первую очередь относится к Греции, Палестине и Евразийской Скифии),

Происходит кристаллизация этнического самосознания эллинов, противопоставляющих себя всему остальному человечеству («варварам») и воплощающих в себе идею «европейского», противостоящего «азиатскому», одновременно обостряется идея «богоизбранности» у древних евреев. Важно отметить, что кристаллизация этносамосознания протекает у греков в условиях отсутствия даже намека на единое государство, в процессе расселения их на огромные расстояния по всем берегам Средиземноморья; обострение же самосознания иудеев, завершающееся к концу V в. до н. э. сложением ядра ветхозаветного канона, протекает в условиях распада государства на две части, в эпоху завоевания Палестины Ассирией и вавилонского плена. Если важным связующим и формирующим моментом самосознания иудеев были пророки, то у греков такими моментами были создание общегреческого героического эпоса, проецирующее в прошлое и реализующее в эпическом прошлом настоятельную потребность в общеэллинском единстве, а также возникновение двух главных и независимых от государственного контроля общегреческих святилищ. Одно из них (Дельфы) было сакральным центром, руководившим всем процессом греческой колонизации и регулировавшим отношения между полисами и с варварами, центром, как бы посылавшим радиальные импульсы во все участки расширяющейся панэллинской «вселенной». Другое (Олимпия) раз в четыре года собирало у себя цвет эллинства и приоткрывало на время молений и игр все распри, дабы тело и душа Эллады пережили контакт с божеством, посвятив себя ему и освятив себя его благосклонностью. Так было лишь в идеале, но именно эти «идеи» обоих святилищ делали их двуединым органом, регулировавшим и осознававшим основные пульсации этносакрального «поля» эллинства.

Создается впечатление, что в VIII–V вв. до н. э. происходит не только кристаллизация личностного индивидуального сознания, но и повышается напряжение коллективного этнического и этносакрального «поля». В это время разрушаются великие этнополитические реальности (Ассирия, Урарту) и возникают новые (Персия, скифы). Крах древнего «блока культур» в X–IX вв. и сложение нового в VIII–VI вв. до н. э. в евразийских степях и лесах также имеет касательство к качественному изменению этносамосознания у «варварских» этносов. В VII–V вв. до н. э. отмечается консолидация кельтов в приальпийской зоне, к этому же времени лингвисты и археологи приурочивают первичное выделение и обособление общегерманского и праславянского языков.

Поразительный феномен человеческой активности, именуемый «великой греческой колонизацией», протекает на фоне всех очерченных явлений, одновременно являясь существенным фактором формирования и эллинского самосознания, и эллинского полиса. Можно утверждать, что вся уникальность, все единство, все особенности эллинского мира формируются в процессе «взрыва», в процессе взрывообразного расселения во всех направлениях, куда можно было проникнуть морем. Осмелюсь утверждать, что причины великой колонизации необъяснимы ни в рамках «аграрной», ни в рамках «торговой» теорий, ни в рамках концепции «поиска металлов», ни при помощи различных метисов этих теорий. Видимо, древнейшим признаком приближающегося «взрыва» может считаться резкий рост количества святилищ еще в конце IX в. до н. э., в числе которых возникают и три общеэллинских – Олимпия, Дельфы и Делос. Следующий важный этап –770-е–740-е гг., когда возникают Олимпийские игры (776 г. до н. э.), начинается расцвет и распространение ионийского эпоса, зарождается фигурная живопись и возрождается грамотность. Последнее совпадает по времени с появлением в Палестине первого пророка не из священников – пастуха Амоса, впервые записавшего свои проповеди. В кругу этих явлений (как видим, преимущественно духовного и культурного характера) стоит и начало великой колонизации (774 г., заселение Питекусы) и начало демографического «взрыва» в Греции ок. 760 г. К этому же времени относится и грандиозный памятник сакрализованной социальности кочевого мира Евразии – курган Ар-жан в Туве, вслед за созданием которого последовало мощное продвижение кочевников на запад. Формирование гре-

ческого полиса и полная победа железа относятся лишь ко времени около 700 г. до н. э.

Признаюсь, что в отличие от поклонников решающей роли железа и стали, я не могу назвать первопричину отмеченных явлений ни в Греции, ни во всей ойкумене.

Несомненно, на особенности исторического пути греков, на этнопсихику существенный отпечаток наложили особые природные условия Греции и Эгеиды, но этот фактор был лишь вторичным корректором и преобразователем какого-то, куда более мощного и глубинного импульса, сказавшегося во всей Евразии. Представляется, что мы имеем дело с проявлением какой-то циклически повторяющейся и еще не уловленной закономерности или с однократным возмущением в неких сферах геокосмической системы. Несомненно, что воздействие неизвестных законов или импульсов проявилось в форме резкого возрастания индивидуальной и коллективной активности людей. Наиболее стабильно и синхронно эта активность проявлялась в области индивидуальной духовности и коллективной сакральности, в силу чего полагаю, что человеческая психика обладает способностью как к непосредственному, так и к опосредствованному восприятию действия неких неизвестных факторов или же к самостоятельному взрывному усилению своей деятельности по достижении некой «критической точки». Одновременно или почти одновременно с этим развивается и активность социальная, политическая и экономическая.

Необходимо отметить, что «осевая эпоха» почти совпадает по времени с отмечаемым климатологами периодом похолодания и климатической неустойчивости, падающим на 900–300 гг. до н. э. Я не думаю, что именно похолодание стимулировало человеческую активность. Скорее, и природа, и человечество одновременно ощутили воздействие неких более всеобщих неизвестных факторов и отреагировали на это. Другое дело, что и похолодание, и возрастание человеческой активности взаимно влияли друг на друга, изменяя в чем-то и человека, и природу (ярче всего это отразилось, видимо, в сложении кочевого хозяйства евразийских степей). И вот в эту-то уникальную эпоху волна греческой колонизации достигает в середине VII в. до н. э. наших земель, северных берегов Понта и Меотиды. Греки осваивают замерзающие берега Днепро-Бугского лимана, Азовского моря и Керченского пролива в условиях сурового климата, в усло-

виях, когда здесь незадолго перед этим обосновались новые воинственные пришельцы из восточных степей, в условиях переселения эллинов в иную и непривычную климатическую и хозяйственную зону. Традиционное объяснение особой привлекательности Северного Причерноморья для греков наличием у скифов-пахарей избыточного зерна недавно потерпело блистательный крах. Как доказал Щеглов А. Н., местные жители не продавали в VII–V вв. до н. э. своего хлеба грекам, а известная фраза Геродота о скифах-пахарях, что они «сеют хлеб ... на продажу» должна переводиться «сеют хлеб ... для сожжения» (5). В связи с этим вспоминается, что культура скифов-пахарей еще А. А. Спициным была названа «зольничной культурой» – т. е. культурой зольников — холмообразных скоплений культурного слоя, образовавшихся в результате интенсивного культа огня и обычая сохранения остатков сожжения в пределах жилого двора; вспоминается, что верховной богиней скифов была Табити – Гестия, богиня царского очага и мирового творческого огня, воплощенного в священном золоте, в частности – в золотом плуге. И вновь наиболее яркой чертой, на этот раз уже варварского этноса, оказывается не особенность экономики, а особенность сакрального сознания, накладывающего отпечаток и на традиционную экономику.

Что касается колонизации эллинами замерзающих заливов и проливов Понта, то, несомненно, нужно было обладать особой «пассионарностью», избытком жизненных сил, невероятной жадой нового, смелостью и любознательностью, чтобы не только отважиться на трудное переселение, сулившее весьма проблематичные экономические выгоды, но и закрепиться на новых местах, создав на века восточные форпосты распространения средиземноморско-европейской культуры вплоть до низовий Дона, Кубани и Риона.

Заключая разросшийся вводный экскурс, предлагаю свои наименования эпохи VIII–V вв. до н. э. для всей Евразии: «эпоха великих духовных откровений и этно-социо-экономических новаций» или «эпоха великих пророков и общественных новаций».

* * *

Необходимо ознакомить читателя с основанной на географической реальности и учитывающей концепции древнегреческой географии системой членения Евразии, которую я обосновал в других работах и в соответствии с которой строю свои дальнейшие рассуждения (6).

Представляется продуктивным при широких историко-культурных исследованиях принимать следующее членение континента Евразии:

I. Субконтинент Европа (в узком смысле) или Кельтика охватывает огромный Европейский полуостров, ограниченный на востоке линией, соединяющей Балтику и Черное море в месте их наибольшего сближения между устьями Вислы и Днестра, где проходит ряд климатических, ботанических и этнополитических рубежей. К Кельтике относятся также прилегающие острова и южная часть Скандинавского полуострова.

II. Система субконтинентов Азия (в узком смысле) или Персо-Индия – южная часть Евразии, ограниченная на севере по 40°–41° сев. шир. Понтом, Кавказом, Каспием, пустынями, Памиром, Тибетом и Великой Китайской стеной. Эта область зарождения древнейших цивилизаций делится на ряд субконтинентов (Передний Восток, Индостан, Юго-Восточная Азия).

III. К востоку от Кельтики и к северу от Персо-Индии лежит гигантский субконтинент Скифия, отличающийся монолитностью территории, суровым континентальным климатом, широтным расположением природных зон. В Скифии позднее, чем в других частях Евразии, возникли стабильные государства, но зато ее природная целостность нашла себе социально-политическое воплощение в XVII–XIX вв. в лице Российской империи, ядро которой зародилось в VIII–XI вв. в западной, европейской части Скифии. В историко-культурном плане наиболее важным представляется членение Скифии на:

III а. **Азиатскую Скифию** к востоку от Боспора Киммерийского, Танаиса и

III б. **Европейскую Скифию** западнее Танаиса, расположенную в бассейне сближающихся верховьями рек, текущих в контролируемые жителями Кельтики (европейцами) Черное и Балтийское моря, являющиеся соответственно восточными частями:

IV. **Эллинского Средиземноморья** (система морей, островов и побережья Средиземноморья, включая Понт, обретшая историко-культурную целостность с эпохи Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э. и ставшая зародышем европейской культурной общности) и

V. **Скандинавского Средиземноморья** (система Северного моря и Балтики, обретшая историческую целостность с эпохи викингов конца VIII–XI вв.).

Под Боспорским регионом в контексте темы понимается не только Керченский и Таманский полуострова, составлявшие ядро Боспорского царства, но также Крым, Нижнее Прикубанье, Восточное Приазовье, Нижнее Подонье и Побережье Таганрогского залива, входившие в разные периоды в состав Боспорского царства. Боспорский регион географически находится на пограничье Европейской и Азиатской Скифии, переднеазиатской части Персо-Индии (Азии), Эллинского Средиземноморья и, учитывая господство на нем европейцев (греков, позднее римлян), также и Кельтики (Европы). Собственно Боспор Киммерийский был точкой пересечения и преломления разнообразных природных, сакрально-культурных и социально-экономических импульсов. Столица Боспора (Пантикапей – позднее Тьмутаракань) представляется как бы скрепляющим гвоздем, вбитым в точке перекрещения путей, идущих с СЗ на ЮВ и с ЮЗ на СВ. Особо важной была роль Боспора в передаче средиземноморско-европейских и переднеазиатских импульсов в глубь территории Скифии в период времени **от эпохи великих духовных откровений и этно-социо-экономических новаций (VIII–V вв. до н. э.), охватившей всю Евразию, до окончательного сложения европейской христианской феодализирующейся культурно-политической общности (XI в.).**

В первый ряд своей истории (VII – нач. VI вв. до н. э.) Боспор служит дорогой мощных миграций киммерийцев и скифов по линии СЗ – ЮВ (и обратно), в итоге которых, под влиянием заимствований и впечатлений, полученных на Переднем Востоке, у скифов Северного Причерноморья складывается первое на территории субконтинента Скифия варварское протогосударство. Одновременно через Боспор проходят ведущие с ЮЗ на СВ (и обратно), из Эгеиды и Пропонтиды через Боспор Фракийский сакральные пути в приуральскую и заалтайскую части Азиатской Скифии (Арис-

тей. Проконесский, посольства гипербореев на Делос) и торгово-промыслово-колониационные пути в Северное Приазовье.

В 1971 г. в своей статье по этнографии Скифии я пришел к выводу, что ядро того кочевого объединения, которое позднее именовалось «скифы царские», появляется в степях западнее Волги не позднее нач. VII в. до н. э., а вероятно, еще в конце VIII в. до н. э. (где-то между 720-ми и 670-ми гг.); при этом базовой территорией скифов первоначально является Предкавказье и Боспорский регион. За истекшее время мои взгляды не изменились. Считаю, что и археологические свидетельства присутствия «скифской триады» улавливаются в Причерноморье довольно рано. Во всяком случае, не вижу оснований датировать курган № 2 у с. Жаботин, где произведения скифского «звериного стиля» сочетаются с «предскифскими» удилами с двукольчатыми и стремявидными петлями, временем позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э. К близкому времени относятся некоторые комплексы с элементами «скифской триады» в Нижнем Подонье и Предкавказье.

Почти одновременно с появлением скифов на Боспоре Киммерийском и по соседству с ним сюда направляется и первый уловимый импульс от берегов Боспора Фракийского, из области эллинской цивилизации. Я имею в виду путешествие Аристея из Проконнеса, достоверность которого ныне не вызывает сомнений. Время его жизни и путешествия принято относить ко второй четв. VII в. до н. э., опираясь на косвенные соображения, в том числе и на устаревшие археологические данные (датировка грифономахия на келермесском зеркале нач. VI в. до н. э.). Я не вижу оснований отвергать свидетельство Геродота, исходя из коего путешествие Аристея датируется не позднее 670 г. до н. э. Первый этап своего пути на северо-восток Аристей проделал, несомненно, морем. Вся практика греческих передвижений архаической поры говорит за это, и невероятно, чтобы этот островитянин нарушил ее. Но вот в какую часть он прибыл морем, уже не столь ясно. Однако вся сумма косвенных данных говорит в пользу Боспорского региона. Во-первых, сохраненный Павсанием маршрут того же пути, но в обратном направлении (от гипербореев в Эгиду) проходит от скифов к Синопе, которая была связана морским путем именно с предкавказской Скифией. Под скифами, которые везут да-

ры гиперборейцев в Синопу, следует, вероятно, понимать зависимых от скифов синдов, которых источники нередко причисляют к скифам (у Плиния упоминается даже «Синдская Скифия») и в земле которых была «Синдская гавань» — первоначально, видимо, морской порт Синдики. Уже Геродот знает прямой путь между «страной Синдов» и Фемискирой, находившейся неподалеку от Синопы, а позднее Страбон указывает на путь от Бат (рядом с Синдской Гаванью) на Синопу как на кратчайший путь через восточный Понт. Отдельные фрагменты легенды об аргонавтах также привязывают их путешествие к Боспорскому региону. Особенно важно хорошее знакомство с Боспорским регионом Гекатея Милетского, обобщившего данные, накопленные к концу VI в. до н. э., причем особо хорошо ему известно Нижнее Прикубанье. Поскольку Гекатей считал границей Азии реку Фасис, но при этом утверждал, что Фасис «не впадает в море», дандариев помещал в Европе, а Синдику в Азии, то весьма вероятно, что Фасисом и границей континентов он считал Кубань, основным руслом впадавшую не в море (Понт), а в Меотиду (обычно именовавшуюся «озером» или «болотом») и разграничивавшую Синдику и дандариев.

Правда, судя по одному отрывку, Гекатей имел представление и о Танаисе (Нижнем Доне). Путь Аристея через низовья Дона также представляется возможным, так как по письменным и археологическим данным, выходцы из Эгеиды весьма рано освоили эти места. Я имею в виду те сведения, которые проникли в античную историко-географическую традицию, видимо, в III в. до н. э., в связи с основанием города Танаиса и сохранены Страбоном, Плинием и Птолемеем. Все эти три автора хорошо знают реку Танаис, город Танаис (Страбон и Плиний знают и обстоятельства его основания) и остров Алопекию, но кроме того сообщают о первичном освоении этих мест карийцами, клазоменцами и меонами. И напрасно исследователи ставят под сомнение свидетельство Птолемея на том основании, что указанный в некоторых списках его «Географии» пункт неподалеку от устья Танаиса имеет наименование «кароиа», не могущее быть отражением этнонима «карийцы». Во-первых, мы не знаем достоверно ту языковую среду, в которой трансформировалось и сохранялось это название, и поэтому категорические суждения о невозможности его связи с этнонимом «карий-

цы» преждевременны. Во-вторых, один хороший список «Географии» все же дает название «Кариа», явно связанное с карийцами. В-третьих, неверно, что, за вычетом не вполне достоверного Птолемея, свидетельство Плиния остается единственным, фиксирующим поселенческую активность карийцев в Понте: в перипле Ариана, восходящем к сведениям конца IV – нач. III вв. до н. э., имеется сообщение о находившихся в Понте южнее Истра местечке «Кариа» и гавани карийцев. В-четвертых, как известно, Аристей был служителем культа Аполлона, а гипербореи через скифов отправляли свои дары на родину бога – Делос, где, по источникам, фиксируются карийцы. В-пятых, Плиний послэ карийцев называет не только клазоменцев (чье присутствие в Меотиде подтверждено и Страбоном), но и меонов, которые, как и карийцы, были малоазийским народом.

Наконец, неподалеку от тех мест, где Птолемей помещает Карию, обнаружено под водой античное поселение у Таганрога, время основания которого датировано родосски-ми киликами второй пол. VII в. до н. э. Учитывая слабую изученность затопленного поселения и то, что тщательное изучение античных городов (Ольвия и Березанское поселение) обычно удрежняет время их основания, следует относить основание Таганрогского эмпория, вероятно, к третьей четв. VII в. до н. э. Относящиеся ко второй пол. VII в. до н. э. греческие сосуды из погребений Темир-Горы, Криворожья и Циркана могли попасть к варварам и через Таганрогский эмпорий. О неких древних эмпориях неподалеку от Танаиса знает и Геродот, сообщающий, что оттуда выселились греки в находящийся где-то в среднем течении Танаиса город Гелон. Видимо, один из этих эмпориев, Кремны, он упоминает в связи с легендой о происхождении савроматов, отражающей реальность не позднее нач. VI в. до н. э. Кстати, эта легенда говорит о реальности прямого пути между юго-восточным берегом Понта и северным берегом Меотиды на рубеже VII–VI вв. до н. э.

Однако, несмотря на доказанное присутствие выходцев из Эгеиды уже в VII в. до н. э. на северных берегах Меотиды, я склоняюсь к тому, что пути Аристея и гиперборийских даров проходили через Прикубанье. Именно в Прикубанье, в Келермесских курганах, обнаружено зеркало второй пол. VII в. до н. э. (видимо, малоазийской работы) с древ-

нейшей известной сценой грифономании, возможно, косвенно отражающей легенду Аристея о борьбе аримаспов с грифонами. Именно в Прикубанье, в Семибратних курганах V в. до н. э., найдены изображения грифонов и чубарых оленей, наиболее близкие таким же изображениям на Алтае, где, как увидим ниже, и следует локализовать «борьбу аримаспов с грифами», описанную Аристеем. Наконец, в Прикубанье же в кургане Б. Блиэница обнаружен калаф IV в. до н. э. со сценами грифономании.

В своем путешествии, имевшем место не позднее третьей четв. VII в. до н. э., а вероятнее, около 670-х гг., Аристей достиг лишь земель непосредственных соседей скифов на северо-востоке, приуральских исседонов, у которых он и собрал некоторые сведения как об их собственных обычаях, так и о народах, живущих «выше», т. е., в данном случае, восточнее исседонов. По Геродоту, Аристей провел в этих странствиях семь лет. Во всяком случае он оставил нам обобщенную, но весьма достоверную и согласующуюся с данными других источников «этнокарту» части степей от Кавказа до Алтая. Он впервые, далеко опережая историков последующих веков, установил «закон степей» эпохи кочевого хозяйства: неуклонное движение кочевых орд с востока на запад, военное преобладание восточных соседей над западными. Создается впечатление, что он застал эти народы еще в состоянии движения и военных столкновений, что говорит в пользу 670-х гг. до н. э. как даты путешествия: именно в это время скифы-ишкуда, изгнанные из Закаспия и Заволжья массагетами и исседонами, сломив киммерийцев, впервые прорываются к югу от Кавказа. К эпохе Аристея относится погребение 3-го Гумаровского кургана нач. VII в. до н. э. в Приуралье. Несколько позднее в степях происходит стабилизация и формируются археологические культуры, которые с известной долей вероятности можно сопоставить с большими объединениями кочевников. Как я показал в 1971 г., исседонов наиболее аргументированно можно соотносить с самаро-уральской группой археологических памятников конца VII – рубежа V–IV вв. до н. э. Некоторые возражения и уточнения К. Ф. Смирнова на этот предмет не показались мне убедительными, равно как и попытки отнести приуральских кочевников к дахо-массагетскому кругу племен. Эта не слишком однородная археологическая общность

может называться «самаро-уральской» или «орской» культурой, поскольку принятое именование ее «савроматской» вносит дезориентацию и путаницу.

Весьма интересно, что центральной темой своей поэмы «Аримаспейя» Аристей избрал не хорошо знакомых ему исседонов, и не «священных» гипербореев, которые в его времена уже присылали девушек с дарами Аполлону на Делос, и которыми он как адепт культа Аполлона должен был особенно интересоваться, а таинственных аримаспов, о которых ему рассказывали исседоны. Он изображает их, как самый отдаленный и могучий из скотоводческих народов, военный натиск которых и приводит в движение на запад всю степь. Они длинноволосы и обладают разнообразными стадами. В их этнониме угадывается корень, соответствующий иранскому наименованию лошади. Однако, видимо, не эти «реальные» черты привлекли внимание Аристея и сделали аримаспов главными участниками «центрального мифа» его поэмы.

Аристей отправился в это путешествие «одержимый Фебом», то есть одержимый световой сущностью Аполлона — этого многоликого малоазийского бога-демона. Сам Аристей был адептом культа Аполлона, способным впадать в состояние экстаза-транса, во время которого возможны ясновидение и перемещения в пространстве (в случае Аристея — в виде ворона). Напомним, что и все другие легендарные путешествия на северо-восток или с северо-востока связаны с идеей полета, с культом небесных светил и материализованной в золоте огненно-световой сущности мира (полет Фрикса на золотом баране, полет Ифигении на лани Артемиды, путешествие Язона за золотым руном к сыну Гелиоса, полет гиперборея Абариса на стреле, полеты Аполлона на лебедях к гиперборейцам). На северо-востоке восходит солнце в период своего могущества в июне. На юго-западе оно заходит в период своей слабости в декабре. Путь на северо-восток вместе с весенними птицами мог восприниматься как путь в направлении огненно-световой сущности мироздания. Поэтому-то Аристея так поразила миф о том, что на дальней границе аримаспов в местности с богатой почвой, но безлюдной, у подножия высоких Рипейских гор, «с которых дует Борей и никогда не сходит снег» (Дамаст), живут свирепые грифы, стерегущие золото у некоего «золотоносного потока» (Эсхил), с которыми ведут борьбу за обладание им одноглазые аримаспы; за Рипеями живут уже священные гипербореи.

Рипейские горы древнейшей традиции Аристея и Дамаста могут быть сопоставлены лишь с Алтаем, прерывающим непрерывную последовательность евразийских степей, над всегда заснеженными вершинами которого действительно (особенно зимой) существует область высокого давления, вызывающая постоянные ветры, дующие на юго-запад. Золото у подножия гор, в местностях с богатой почвой и неким «потокотом», может быть сопоставлено с древними разработками золота в верховьях Иртыша, где добывается оно и сейчас (месторождения Миалы). Думаем, что с мощным объединением аримаспов можно с осторожностью соотнести тасмолинскую культуру центрального и северного Казахстана, простирающуюся на востоке до предгорий Алтая и верхнего Иртыша.

Итак, реальная основа мифа — золото верховьев Иртыша и предгорий Алтая, на восточной границе аримаспов, заинтересованных в добыче золота. Однако, чтобы понять основания для преобразования этой реальности, как мне представляется, в некое ядро основного мифа Скифии, необходимо рассмотреть весь ее «географо-этнографический антураж». Итак, реальные месторождения золота находятся у истоков великой реки, несущей свои воды в Ледовитый океан, и у подножья огромных снежных гор в географическом центре Евразии, представляющих как бы источником мирового холода, прообразом мировой горы. Реальный основной прообраз Аристеевых грифов, позднейших грифонов — это гигантские грифы, особенно многочисленные в пустынных предгорных районах, питающиеся падалью и благодаря этому как бы олицетворяющие собой связь всего живущего и круговорот веществ и энергий; это же роднит их с золотом, материализованным всепожирающим огнем, как это явствует из скифской этнографической легенды, и сближает с самими кочевниками, во всяком случае, исседонами и массагетами, которые ритуально поедали плоть своих умерших отцов. Судя по отдельным намекам, эти грифы более всего угрожали основному богатству аримаспов — коням. Напомним, что начиная с VI в. до н. э. образ орлиноголового грифа или грифона, терзающего ассоциируемого с солнцем оленя или коня-оленя, занимает ведущее место в искусстве Алтая.

За Рипеями живут гипербореи, которых некоторые источники отождествляют с аримаспами (Каллимах и Стефан Ви-

зантийский). Их земли простираются до другого, священного северного моря. Рядом с их землей находится мировой полюс, их земле при- сущи полугодовой день и полугодовая ночь. Они, в отличие от всех более юго-западных народов, занимаются земледелием, в частности, возделывают пшеницу, в соломе которой они посылают весенние «начатки растений» на Делос, у них есть леса и рощи, они не воинственны. В древности, до времен Аристея, начиная с мифического времени при- бытия на Делос Латоны, родившей там Аполлона и Артемиду, весен- ние «начатки» переносились на Делос девушками-жрицами, которых охраняли сопровождающие мужчины. Могилам этих дев и мужей по- клонялись на Делосе еще во времена Геродота. Впоследствии, когда девы в пути подверглись оскорблениям, дары стали передаваться на границе от соседей к соседям. Еще позднее, как сообщают Мела и Плиний в тех местах своих сочинений, которые, видимо, отражают ре- альность конца IV – нач. III вв. до н. э., передача даров прекратилась совсем.

Думается, что реальным соответствием гипербореев Аристея могут являться заалтайские полукочевые племена, населяющие горные кот- ловины по Енисею в Туве и Красноярском крае. В этих местах и распо- ложен курган Аржан, свидетельствующий о невероятном расцвете са- крализирующего сознания уже в VIII в. до н. э. В северном священном море, ограничивающем с другой стороны землю гипербореев, можно видеть и «славное море, священный Байкал» и (что вероятнее ввиду связи моря с мировым полюсом) Северный Ледовитый океан, путь к которому лежал вниз по Енисею. Однако все же Тува лежит к востоку от Алтая, а населявшие ее кочевники отличались воинственностью и мощью, в то время как источники все время нажимают на астрономи- чески более северное положение гипербореев, их миролюбие и исклю- ченность из системы военных агрессий с востока на запад. Поэтому полагаю, что наилучшим реальным прообразом полумифических ги- пербореев могут быть жители лежащей к северу от Алтая Минусинской котловины, а также других котловин, тянувшихся на север до впадения Ангары.

Минусинская степная котловина в скифское время по характеру культуры тесно связана с Великой степью, однако жители ее не явля- ются чистыми кочевниками и в скифское время занимались и земледе- лием, в том числе ирригационным. Пшеница и в настоящее время явля- ется базовой куль-

турой этого района. Уже полумезелдческий тип хозяйства и не- большие пространства степей делали население котловин более мир- ным, чем жители Великой степи, и это находит выражение в том, что железо не играет здесь никакой роли вплоть до III в. до н. э. Здесь рас- пространен вариант «скифо-сибирского звериного стиля», отличаю- щийся изысканностью, изяществом и некоторой застойностью; однако характерные для Великой степи и Алтая жестокие сцены терзания не получают заметного развития в минусинском искусстве. Севернее устья Ангары над широким Енисеем уже хорошо ощутимы «белые но- чи», а путешествия вниз по нему позволяли минусинцам рассказывать южным соседям о многодневном непрерывном дне.

Однако особая историческая судьба этих мест раскрывается только в большой исторической перспективе. Земледелие и скотоводство, за- родившееся в VIII–VII тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье, по- степенно распространяясь на северо-восток, достигло и зоны степей, где комплексное скотоводчески-земледельческое хозяйство практико- валось носителями ямной и афанасьевской культур в конце III тыс. до н. э. Небольшая группа двигавшихся с запада европеоидов- афанасьевцев достигла Минусинской котловины – самой северо- восточной, самой холодной точки комплексного скотоводчески- земледельческого хозяйства. Предполагаю, что в условиях высокоса- крализованного сознания ранних земледельцев сакральные связи, обес- печивающие урожай в зоне рискованного земледелия, связали Мину- синскую котловину с культовыми центрами Восточного Средиземно- морья уже на рубеже III–II тыс. до н. э. В начале II тыс. до н. э. в Ми- нусинской котловине складывается Окуневская культура, связанная с притоком сюда местного, азиатского, частично монголоидного насе- ления. Для этого времени археологически фиксируется высокий уровень сакрализован-ности местного общества, выражающийся в появлении большого количества малых и огромных каменных изваяний, среди ко- торых мы отметим те, которые изображают женское мифическое суще- ство, обычно отличающееся характерным «трехглазием» (причем цен- тральный «третий» глаз часто изображается в виде солярного знака или связан с солярным знаком поднимающейся из него псевдоорнамен- тальной полосой). Различные изображения на голове и в руках этих существ были убедительно интерпретированы А. И. Марты-

новым (7) как изображения прорастающих зерен, весенних всходов и молодых растений, т. е. тех «начатков плодов», которые гиперборейские девушки несли на Делос. Итак, отметим, что, наряду с географическими аргументами в пользу «минусинской локализации» гипербореев, мы фиксируем в окуневских стелах комплекс «мифические женские существа – солярные знаки – весенние всходы», что соответствует фиксируемому для гипербореев комплексу «священные девы – несущие световому богу – весенние начатки растений». Правда, время изготовления каменных стел и изваяний отстоит от времен Аристея на тысячу лет, однако напомним, что традиция подчеркивает одновременность прибытия на Делос богов и первых гиперборейских дев, что говорит о глубокой древности сакральных связей южной Сибири и восточного Средиземноморья. Изначально точкой притяжения мог быть не Делос, а некое святилище Аполлона в Малой Азии. Кроме того, окуневские стелы лишь с VII в. до н. э., в Тагарскую эпоху, начинают встречаться в каменных оградах вновь создающихся курганов, что говорит о том, что в предшествующее время они зачастую оставались на своих первоначальных местах, где продолжали быть объектами культа, каковыми некоторые из них и были вплоть до XX в. Итак, в Карасукскую эпоху, до IX в. до н. э. «трехглазые» стелы сохраняли, видимо, всю свою культово-магическую актуальность, да и в Тагарское время не утратили ее полностью. Отмечу, что когда со II в. до н. э., в Таштыкскую эпоху, в могилах появляются портретные расписные маски, то основным элементом воспроизводящей татуировки росписи часто являются спиральные завитки или концентрические окружности с центром примерно в той части лба, где на окуневских стелах имеется «третий глаз».

Полагаю, что сохранившиеся в античной традиции воспоминания о посольствах гиперборейских девушек восходят ко II тыс. до н. э. и соответствуют эпохе, когда все пространство евразийских степей занято было населением, обладавшим комплексным, скотоводческо-земледельческим типом хозяйства и чтившим древние сакральные связи с сакрально приоритетными областями первичного земледелия в Восточном Средиземноморье.

Переход населения степной зоны в IX–VIII вв. до н. э. к кочевому хозяйству как бы разрезал надвое единую зону комплексного хозяйства и сделал древние сакральные пути,

пролежавшие теперь через воинственных кочевников, более опасными; подвижки кочевого населения приводили к нарушению традиций, и древние весенние дары стали передаваться от этноса к этносу. Наконец, новое крупное передвижение кочевников на запад, в IV – нач. III вв. до н. э., совпавшее с окончанием эпохи высокого сакрально-социального напряжения, привело к окончательному перерыву древней традиции.

Отметим, однако, что «третий глаз» на лбу окуневских (гиперборейских) изображений находит некоторую перекличку с причисляемыми отдельными античными авторами к гиперборейцам аримаспами, «каждый из коих имеет один глаз на прекрасном челе» (Аристей). Если третий глаз на стелах явно ассоциируется с солярным знаком, то единственный глаз аримаспов явно связан с их борьбой за золото – т. е. за материализованный солнечный и космический свет.

Как известно, наиболее полно концепция третьего глаза (в определенных ситуациях становящегося единственным воспринимающим суть явлений органом) разработана в индийско-тибетской религиозно-философской традиции. По индуистской мифологии, бог Шива, после самосожжения первой своей жены Сати, предавался аскезе. Однако Сати возродилась под именем Парвати («Горная») и поселилась рядом с Шивой на горе Кайласе (Южный Тибет). Пытаясь отвлечь Шиву от аскезы, Парвати, подойдя сзади, закрыла ладонями два глаза Шивы, и тогда у него появился третий глаз посреди лба. Боги послали бога любви Каму возбудить у Шивы любовь к Парвати, но Шива сжег его огнем своего третьего глаза.

Третий глаз – это точка над переносицей, отмечаемая в Индии особым значком и, по данным индийско-тибетской традиции, являющаяся важным энергетическим центром, на котором надо сосредоточиваться при медитации, чтобы окончательно отрешиться от остатков самосознания своего «я», а также для усиления экстрасенсорных каналов восприятия.

В Тибете над некоторыми детьми, отобранными для подготовки к высоким степеням посвящения в тайны миропознания, с их согласия проводилась операция по открытию «третьего глаза», т. е. по проделыванию в соответствующем месте лобной кости отверстия (впоследствии затягивающегося кожей), что резко повышало возможности экстрасен-

сорного восприятия, в частности, позволяло отчетливо видеть ауру и диагностировать по ней.

Полагаю, что третий глаз минусинских стел и единственный глаз аримаспов связан с очерченной тибетско-индийской традицией мифологии и тайных знаний. Отмечу, что «культура третьего глаза» явно связана с высокогорными областями и с огненно-световыми явлениями (сожжение третьим глазом, восприятие ауры). Поэтому вполне вероятно наличие подобного органа (разработанного упражнениями или открытого операционно) у тех немногочисленных групп людей из числа «аримаспов» и «гипербореев», которые были заняты добычей огненно-светового золота в предгорьях священных Рипеев (Алтая). Третий глаз у окуневских женских изображений Минусинской котловины, видимо, связан с «тайноведением» в области плодородия и управления солнечной энергией. Недаром в окуневской культуре столь часты погребения женщин-шаманок и девчонк-шаманок, а на некоторых черепахах из окуневских погребений место «третьего глаза» обозначено охрой.

Легенда же, дошедшая до нас в пересказе исседонов и греков, превратила в «одноглазых аримаспов» целый огромный этнос кочевников, вероятно, соответствующий тасмо-линской культуре Казахстана, которая на востоке граничит с предгорьями Алтая – Рипеев.

Аристей, по совокупности сохранившихся сведений о нем и об его эпохе, представляется фигурой, уходящей корнями в мир древних культов и мистерий Средиземноморья, адептом культуры Аполлона, не чуждым традиции «шаманского» транса и экстаза, но затронутым мощным духовным подъемом «эпохи пророков», сделавшей и его «пророком» культа Аполлона в Скифии и одновременно чуть ли не единственным в Эллинском Средиземноморье возвестителем реальных и мифических знаний о народах Скифии. От его поэмы остались фрагментарные отрывки и пересказы, что говорит о чуждости Аристея более поздней и более рациональной эпохе. Но грандиозность этой фигуры продолжала ощущаться, отразившись в устойчивом мнении, что он был учителем Гомера. И впрямь, со времен Страбона до современности обнаруживают связь между образами киммерийцев и, особенно, циклопов и аримаспов у Аристея и у Гомера. В любом случае «одержимый Фебом», т. е. охваченный световой сущностью Аполлона, т. е. «просветленный» Аристей

обладал сакральным приоритетом по отношению к ориентированному на военную аристократию Гомеру. Видимо, целью путешествия Аристея было достижение отдаленных мест летнего восхода солнца на северо-востоке, откуда на родину бога, священный Делос, где запрещено воевать, рождаться и умирать, прибывают посланцы мирных, счастливых и блаженных земледельцев-гипербореев. Несомненна роль Делоса и других святилищ, служивших центрами союзов городов-амфикистий, в колониационном освоении Пропонтиды, где лежал Проконнес, и, отчасти, Понта. Путешествие же Аристея представляло собой «сакральное освоение» далекой Скифии. И поразительно, что Аристей сделал центральным образом своей «Аримаспейи» не реально достигнутых им исседонов и не идеальных мирных гипербореев, а реально-мифических буйных аримаспов, в легендах о коих он прозрел поразивший его миф, который представляется мне ядром основного мифа степной Скифии «эпохи великих пророков и общественных новаций». Основные «действующие лица» этого мифа поэтически очерчены Эсхилом, использовавшим образы Аристея: «Берегись остроклювых, безгласных псов Зевса грифов, и одноглазой конной рати аримаспов, живущих у златоносного Плутонова потока».

Действие мифа происходит в глубинах Скифии у подножия священной снежной горы (реально находящейся в центре субконтинента), за которой – «гиперборейский рай», с которой дуют холодные ветры и от которой аримаспы начинают постоянные войны и переселения на юго-запад. В этом географическом и мистическом центре и происходит вечная борьба между сакрализованными, вероятно, связанными с культом солнца (вспомним абсолютность культа солнца – коня у соседних с аримаспами, а иногда и замещающих их массагетов) конными одноглазыми аримаспами и также сакрализованными, но более связанными с хтоническими силами – грифами. Борьба идет за скрытое в недрах земли и вод золото, материализованную огненно-световую основу космической жизни. Этот же миф, воплощенный в образе грифов, грифонов (и иных хищников), терзающих солярный диск, оленя или коня, и становится ведущим образом «звериного стиля», воплощающего великое мирочувствие степной Скифии. Подчеркнутый дуализм этого «основного мифа», нескончаемая борьба двух начал на всех уровнях и во всех ипостасях позволяют сопоставлять это мирочувствие с зоро-

астризмом родственных скифскому миру иранцев Средней Азии и Персии. Однако, судя по данным Аристея и образности «звериного стиля», «равноправие» двух противоборствующих начал было выражено в мироощущении Скифии более строго, чем в классическом зороастризме, и, тем более, в маздеизме персидских царей. Становится понятным постоянное осуждение северных кочевников как «поклоняющихся девам» в текстах зороастризма и надписях Ахеменидов. Этот «вечный бой», вечная борьба за огненно-световой источник жизни, борьба, в которой нет намека на хотя бы конечное преобладание «светлых» сил над «темными», борьба, в которой не актуально разделение на абсолютные благо и зло, борьба чем-то родственная более мирному взаимодействию китайских «инь» и «ян» в единстве «тайдзи» — и является, видимо, основной «философемой» Скифии. И велик Аристеи, который сумел осознать и записать «прамиф» субконтинента, вступающего в историческую фазу своего существования.

На землю Скифии Аристей впервые ступил где-то в пределах Боспорского региона, скорее всего — в северо-западном Предкавказье. И именно здесь, в Прикубанье, а также в долинах Алтая — Рипеев, археологи обнаружили золотые или позолоченные изделия VII–IV вв. до н. э., наиболее ярко воплощающие этот миф вечной борьбы жизни и смерти за огненно-световую сущность мира, за Вечную Жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. М а ч и н с к и й Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, вып. 13.
2. М а ч и н с к и й Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. — АСГЭ, 1974, вып. 16.
3. J a s p e r s К. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. 3 Aufl. München, 1952.
4. З а й ц е в А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Ленинград, 1985.
5. Щ е г л о в А. Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н. э. — Северное Причерноморье в VII–V вв. до н. э. Письменные источники и археология. Тбилиси, 1989 (в печати).
6. М а ч и н с к и й Д. А. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства. — АСГЭ, 1988, вып. 29.
7. М а р т ы н о в А. И. Растительная символика на изваяниях окуневской культуры. — Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов. Кемерово, 1983.

М. Б. Щукин

НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ САРМАТИИ

(некоторые проблемы и задачи исследования)

Попробуем проследить по данным письменных источников и археологии, как постепенно сдвигалась на запад граница сарматского мира до того момента, пока сарматские племена не стали в Подунавье непосредственными соседями Римской империи. То есть нас будут интересовать события в Днепровско-Дунайском междуречье от первого движения сарматов на запад в конце IV в. до н. э. до нач. II в. н. э. Последующие отношения сарматов с Империей должны быть предметом отдельной работы.

Долгое время считали, что красочно описанное Диодором нашествие сарматов, превратившее Скифию в пустыню (Диодор, II, 43, 7) относится ко II в. до н. э. Но, как заметил Д. А. Мачинский, уже между 330 и 310 гг. до н. э. сарматы зафиксированы в районе Сиваша, в центре расположения скифов царских, а следовательно, и разгром Скифии может относиться к этому же времени. Во всяком случае, не позже 310 г. до н. э., если верна дата смерти Гераклида Понтийского, оставившего это свидетельство (1, с. 45–46).

Археологически эти данные подтверждаются не столько распространением в Скифии сарматских находок, сколько трансформациями в скифской культуре — прекращением захоронений «царских» курганов, концентрацией новых памятников — позднескифских городищ — в Крыму и Нижнем Поднепровье (2, с. 46–47). В остальной Скифии практически нет скифских древностей, дата которых ограничивалась бы III в. до н. э., имеются лишь памятники с широкой датой IV–III вв. до н. э. На Правобережье, по Г. И. Смирновой, подольская группа существовала только до V в. до н. э., а ситуация после этого остается неясной (3, с. 25–27). В ря-

де случаев, однако, возникают разительные противоречия между скифско-античной и латенской системами хронологии. Если наличие в скифских подольских курганах серой кружальной керамики, напоминающей латенскую (4, табл. XV, 6, 9), можно объяснить тем, что она более ранняя фракийская, а находку на поселении Иване Пусте бронзового рубчатого браслета (5, рис. 2, 4), считающегося кельтским (6, с. 194), тем, что подобные существовали и в Гальштате, то такие находки, как латенский меч в Верхней Тарасовке в Надпорожье (7, рис. 1), латенские фибулы в кургане 378 у с. Глинное в Молдавии (8, табл. XXII, 1) и в Волковцах Сумской области (9, № 355–356, 452), духцовская фибула на поселении Долиняны (10, рис. 4, 2), объяснить достаточно трудно. Все они заметно позднее, чем сопровождающий скифский материал. Очевидно, назревает вопрос о специальном обобщающем рассмотрении соотношения всех культурных групп Скифии, их хронологии, условий находки вызывающих сомнения комплексов. Только после этого можно будет попытаться реконструировать существовавшую здесь в IV–II вв. до н. э. ситуацию.

Что касается сарматов, то пока никаких сколько-нибудь отчетливых следов их проникновения к западу от Днепра на рубеже IV–III вв. до н. э. не обнаружено, за исключением разве что Грушевки в непосредственной близости от Днепра и еще некоторых пунктов, отмеченных К. Ф. Смирновым, но вызвавших обоснованные сомнения у редакторов его последней книги (11, рис. 25, 1–7, с. 34, 36, 38).

Документом, доказывающим появление сарматов западнее Днепра на рубеже III–II вв. до н. э., мог бы быть ольвийский декрет в честь Протогена (12, с. 100–101). Некий царь Сайтофарн требовал от ольвиеполитов «даров проезда», а некоторое время спустя некие фисаматы и сандараты наряду со скифами искали укрытия за городскими стенами, «опасаясь жестокости галатов», угрожавших и Ольвии. Кто такие фисаматы и сандараты, неизвестно, другими источниками они не упоминаются, но частичка «фарн» в имени царя могла бы указывать на его сарматское происхождение, поскольку это понятие свойственно сарматской ветви ираноязычных кочевников (13, с. 93), а среди известных скифских имен не встречается.

Памятников, которые можно было бы связать с подданными сайтофарна (вероятно, племенем каких-то сайев-цар-

ских), мы не знаем. Пока появилось лишь одно, впускное в курган эпохи бронзы, сарматское погребение с тремя достаточно характерными сосудами у с. Никольское в Слободзейском районе МССР. Погребение детское, с южной ориентировкой (14, с. 6, табл. 4). Датируется оно среднелатенской фибулой с закрученной в спирали ножкой ступени С₁, т. е. приблизительно между 225–150 гг. до н. э. (15, 1, рис. 5). Кроме того, обращает на себя внимание уже целая серия «странных» находок в Днепро-Дунайском междуречье. Это «клады» с наборами оружия и конской сбруи в Бобуечи (17), Бравиченах (18, рис. 1), Марьевке (19), Великопложском и Семеновке (20, 21). К сожалению, обстоятельства всех находок не определены, за исключением Семеновки (21). Здесь находка сделана специалистами, но тоже имела «странность» – клад, обнаруженный под насыпью кургана 20, к погребениям в этом кургане не имел отношения.

Комплексы из Великопложского, Семеновки и Марьевки исследователи рассматривают как позднескифские, и самым веским аргументом тому служит наличие своеобразных конских налобников III–II вв. до н. э. (22), восходящих типологически к более ранним скифским и производившихся в Палакии (Неаполе-Скифском), столице крымских скифов, где найдена формочка для отливки такого налобника. Но содержат эти комплексы и вещи явно сарматского, во всяком случае, восточного происхождения – бронзовый котел и удила с крестовидными псалиями из Великопложского. Упомянутые налобники встречаются и в сарматских комплексах, например у хут. Клименково (23), а налобники из Бравичен и Марьевки, не имеющие, в отличие от прочих, широкой лопасти, аналогичны находке из кургана в имение Зиссерманов на Северном Кавказе (24, рис. 1, 5).

Кроме того, представлены здесь и вещи западные, европейские — шлемы типа Монтефортино и бронзовая ситула в Марьевке, шлем и пластины с чеканными человеческими головками и оленями в Бобуечах, крючки-застежки в виде колечка со звериной головкой, характерные для Латена С₁–С₂ (25), в Бравиченах и Марьевке и др.

Все эти комплексы, безусловно, отражают какую-то сложную обстановку разнообразных культурных взаимовлияний, сложную этнополитическую ситуацию, но для определения этнической принадлежности их владельцев конкретных данных не достаточно. Даты их тоже, к сожалению, шире даты

декрета Протогена. Насколько эти «странные» комплексы синхронны в рамках III–II вв. до н. э., на современном уровне хронологических разработок сказать трудно.

Судьба скифского населения Днепро-Дунайского региона остается неясной. Скифское царство «Малой Скифии» с центром в Палакии в Крыму (26, 27), объединяющее, возможно, и жителей Нижнеднепровских городищ (28), вероятно, впитало в себя и выходцев из других районов Скифии. Но известно также из сообщений Страбона (IV, VII, 5), что часть скифов (вероятно, после сарматского разгрома) укрылась в другой «Малой Скифии» на территории обруджи, однако сколько-нибудь отчетливых археологических следов их пребывания там пока не выявлено. Имеются лишь монеты с именами скифских царей, чеканенные в западнопонтийских городах (28, с. 144–147, 30). С другой стороны, не ясно, кому могли принадлежать сравнительно бедные курганы, раскапывавшиеся Стемповскими на Тираспольщине, в т. ч. курган 378 у с. Глинное со среднелатенской фибулой (31). Достаточно подробную этнокарту региона между Днепром и Дунаем дает Страбон (VII, III, 17). Трактровка этого известного текста вызывает, однако, ряд трудностей. Во-первых, не совсем ясна датировка нарисованной им картины. П. О. Карышковский и И. Б. Клейман полагают, что в данном случае географ пользовался источниками, современными декрету Протогена (32, с. 69). Но известно также, что Страбон родился в Амисе в Малой Азии, его прадед был одним из полководцев Митридата Евпатора, а один из родственников – главным жрецом в Коммагене. Храмы же в древности были и архивохранилищами. Таким образом, Страбону могли быть доступны документы эпохи Митридата и устная информация участников митридатовских войн. Ситуация, им описанная, может относиться к рубежу II–I вв. до н. э. Наконец, естественно, не мог он не вносить корректив и в соответствии с современным ему состоянием дел. А жил он долго, с 64 г. до н. э. по 24 г. н. э. Над книгой работал до 18 г. н. э. Возможно, все три пласта сведений каким-то образом совместились в тексте. Ситуация все это время вряд ли оставалась неизменной, потому что на II в. до н. э. приходится новая волна сарматского движения на запад, «массагето-роксолано-аорская». В степях Причерноморья появляются ревксиналы-роксоланы, выступающие как союзники скифов и противники Диофанта (33). С этой волной распространяются греко-бактрийские фалары (11, с. 80–113; 34).

И вторая трудность. По Страбону, между «гетской пустыней» и Днепром размещаются «языги сарматы так называемые царские и урги» (Страбон, VII, III, 17). Понимание этого пассажа зависит от расстановки знаков препинания. Возможны разные варианты: «языги-сарматы, царские...» или «языги, сарматы-царские...» и т. д. Очевидно, необходимо новое текстологическое исследование с изучением всех списков «Географии», идет ли речь о трех или о четырех народах?

Если принять датировку сведений Страбона митридатовским временем, то появление языгов на Правобережье можно было связать с движением второй сарматской волны. «Царские»-саи могли бы быть наследниками подданных Сайтофарна, а урги так и остаются загадкой. Но археологических соответствий все эти племена не находят, археологические данные очень окупы.

С учетом самого верхнего хронологического предела на митридатовское время могли бы прийтись и комплексы из Марьевки и Бравичен, из прочих – два погребения у с. Кут на Днепре и два у Ново-Григорьевки на Южном Буге (11, рис. 25, 8–10, рис. 28, 44, с. 62–63, 114), но последние еще не опубликованы. А с учетом самой ранней даты бытования простых проволоочных фибул среднелатенской схемы сюда можно было отнести и погребение 4 в могильнике Холмское в Буджаке (35, с. 8–10, рис. 2).

Если отсутствие сколько-нибудь достоверного и выразительного пласта сарматских памятников III–II вв. до н. э. на Правобережье не является результатом слабой изученности региона, то можно сделать два вывода:

1. Идея Я. Харматы о существовании в 125–61 гг. до н. э. огромной державы Сарматов Царских между Днепром и Дунаем (36, с. 16–39) не находит археологического подтверждения.

2. Этот регион был лишь зоной набегов, отдельных проникновений, возможно, использовался в какой-то мере для пастбищ, но основной домен сарматов, где они хоронили своих сородичей, оставался за Днепром. Продвижению на запад могли препятствовать и цепочка позднескифских городищ в нижнем течении реки, и возникшие в нач. II в. до н. э. городища зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Пересечь Днепр без согласия жителей городищ можно было в Надпорожье и на участке выше его, до устья Тяс-

мина. Не могли ли носители зарубинецкой культуры и нижнеднепровские скифы контролировать и имеющиеся здесь переправы? Вопрос этот требует специального изучения.

Со второй волной сарматского движения можно было бы связать и находки фаларов из Галиче в Болгарии и Щерце-Суркеа в Румынии (37). С греко-бактрийскими фаларами II–I вв. до н. э. их объединяет и целый ряд стилистических деталей, и тот факт, что изображены на них персонажи с многовитковыми гривнами на шее. Появление таких гривен, имеющих явно восточное происхождение (38, с. 168–188), на Северном Кавказе сопоставимо с этим же движением. Но на этот раз мы не имеем никаких свидетельств письменных источников о столь раннем проникновении сарматов в Подунавье. Находки фаларов поэтому следует рассматривать или как свидетельство каких-то дипломатических контактов фракийцев с сарматами, или как результат сарматского рейда в Подунавье в 16 г. до н. э., первого зафиксированного источниками столкновения сарматов с Римом. События эти описаны Дионом Кассием (IV, 20, 3, V, 30, 3–4), жившим 200 лет спустя, но в данном случае вызывающим доверие, поскольку они имеют конкретную хронологическую привязку – консульство Лициния Руфа.

Еще во время войны Рима с Митридатом в 82 г. до н. э. на Дунае возникло мощное Дакийское царство Буребисты; в 60 г. до н. э. он учинил разгром своих западных соседей – бойев и теврисков. Эти кельтские племена Среднего Подунавья вынуждены искать новые земли на западе, в Галлии. Вместе с ними, покинув свои места, двигаются и геллы Швейцарии, что дало Цезарю повод для завоевания Галлии.

В 50-е гг. I в. до н. э. Буребиста захватил и греческие города западного побережья Черного моря вплоть до Ольвии, воспользовавшись тем, что в Риме шла гражданская война и римлянам было не до соблюдения своих интересов на берегах Черного моря. Постоянными союзниками западнопонтских городов в I в. до н. э. были бастарны (29, с. 172), две группировки которых, атмоны и сидоны, все по тому же свидетельству Страбона, жили к северу от упомянутых племен кочевников, «в глубине материка» (Страбон, VII, III, 17). Есть основания видеть бастарнов в носителях пояншты-лу-кашевской и зарубинецкой культур (39, с.). Они неиз-

бежно должны были бы пострадать при действиях Буребисты, и прекращение ряда могильников Молдовы и Молдавии в середине I в. до н. э., возможно, связано именно с этими событиями (40, с. 210). Пострадали как будто от нашествия Буребисты и нижнеднепровские городища (41). Так или иначе, действия Буребисты должны были в какой-то мере ослабить и скифов, и бастарнов, потерпевших затем поражение и от легионов Марка Красса в 29 г. до н. э. С гибелью Буребисты в 44 г. до н. э. царство его распалось, ослабело, и в этих условиях для сарматов открылась возможность для дальнейшего проникновения на запад, нашедшая выражение в конечном итоге в их вторжении в Мезию в 16 г. до н. э.

В Прутско-Днестровском междуречье имеется целый ряд погребений, датирующихся рубежом н. э., хотя большинство из них содержит сравнительно небольшой набор инвентаря, не всегда позволяющий определить, какие из них могли бы быть связаны с сарматским проникновением ок. 16 г. до н. э., а какие со следующей волной середины I в. н. э.

Один из наиболее ранних комплексов – погребение 4 в Холмском (35, с. 8–10, рис. 2) со среднелатенской фибулой варианта В по классификации И. Костшевского (42). Застежки такие бытовали долго, на протяжении II–I вв. до н. э. Затем курган 7 могильника Турлаки с обломком среднелатенской фибулы «неапольского варианта» и бляшками, аналогичными из упомянутого погребения в Холмском (43).

Свидетельством рейда 16 г. до н. э. на территорию Империи может быть и найденная в «Соколовой могиле» золотая ложечковидная фибула варианта J по Костшевскому, середины – второй пол. I в. до н. э., хотя попала она в комплекс более поздний, уже середины I в. н. э. (44, рис. 36, 7–9, табл. 4).

К сожалению, при современном уровне хронологических разработок и состоянии материала довольно трудно установить, когда были разрушены укрепления городища на Днестре и совершены сарматские захоронения на его валу (45, с. 115, 126–129, 235–236). Не совсем ясно и время сарматского нападения на зарубинецкие городища в районе Кане-ва, их пожарищ и перестроек (46, с. 97–103). И найденные здесь наконечники сарматских стрел, и прочие материалы датируются слишком широко. Стрелы такие (тип 3, подтип А, вариант 2) бытовали на Северном Кавказе, судя по данным А. М. Ждановского, со второй пол. I в. до н. э. по

нач. II в. н. э. (47). Все события можно приблизительно с равным основанием связать и с набегом ок. 16 г. до н. э., и с последующим, середины I в. н. э.

С большей определенностью с третьей сарматской волной ок. 16 г. до н. э. можно связать появление сарматских памятников в Верхнем и Среднем Поднестровье, датирующихся рубежом и первой пол. I в. н. э. Это островец в Ивано-Франковской области, где в погребении 2 найдена поздне-латенская фибула варианта 0 по Костшевскому (48), впускные погребения в Ленковцах и Кельменцах (49), захоронения в Скаенах-Безенах и в Новых Костештах (50, рис. 2; 51, с. 8, 10), в Бурякивке (52). Возможно, к этой же группе следует отнести и впускные погребения могильника в Ленковцах (53), и бескурганный могильник в Киселове (54), хотя даты их и не очень надежны. В целом они более поздние, а материал недостаточно выразителен, чтобы определить время основания могильников. Из расположенных южнее к этому же периоду рубежа – первой пол. I в. н. э. В. И. Гросу относит погребения в Старых Дубосарах, Тараклии 1, Беляевке и катакомбу кургана 10 в Казаклии, хотя датировки всех их достаточно широкие (I в. до н. э. – I в. н. э.), за исключением погребения 9 в Старых Дубосарах с фибулой варианта 0 (43).

Большая часть этих памятников оставлена, по всей вероятности, теми сарматами-языгами, которых знал Овидий, живший в Томах с 8 по 18 гг. н. э. Поэт видел на улицах города сарматских всадников, выучил язык сарматов, был свидетелем языгских набегов, знал, что языги постоянно переходят Дунай по льду (Tr. III, 10, 34; V, 7, 13–14, 56; V, 12, 58; Ep. IV, 7, 9 – 10; Ep. III, 2, 40).

Хотя многие свидетельства поэта действительно являются не более чем «литературной фикцией» (55, с. 129), но факт проникновения языгов через замерзший Дунай в Добруджу отрицать не приходится (55, с. 131). Овидий в данном случае ссылается на авторитетных очевидцев (Ep. IV, 7, 9–10; Ep. IV, 9, 85). И не исключено, что действительно три года подряд, в 10–12 гг. н. э., Дунай замерзал (Tr. V, 10, 1 – 2) и гонимые стужей и бескормицей языги продвигались на юг в поисках зимних пастбищ.

Непосредственно в Добрудже сарматских захоронений пока не обнаружено, и остается видеть овидиевских языгов именно в упомянутых памятниках. С северной их группой в

Верхнем и Среднем Поднестровье имели тесные контакты и представители сложившейся здесь в 20–30-х гг. I в. н. э. своеобразной группы Гринев–Звенигород (56; 57; 58), являющейся сплавом элементов пшеворских, дакийских и, вероятно, поянештских (бастарнских), поскольку в этом регионе культура Поянешты–Лукашевка не прерывалась в середине I в. н. э., как на юге, а существовала дольше, о чем свидетельствуют материалы могильника в Долинянах (59). Здесь же размещаются и бастарны в описании Прикарпатья Плинием (Плиний, IV, 81).

В одном из трупосожжений могильника Звенигород был найден согнутый в соответствии с пшеворским ритуалом сарматский меч с кольцевым навершием (56, рис. 21, 10; 57). На том же могильнике есть и два женских труположения (№ 15 и № 17 из раскопок 1954 г.) с сарматскими зеркалами и остатками шкатулки с румянами, датированные фибулами Альмгрен 68 40-х – 70-х гг. н. э. (56, рис. 53, 1–6, 7–14). Возможно, это прямое археологическое подтверждение свидетельства Тацита о бастарнах, «обезображенных браками с сарматками» (Тацит, Германия, 46).

Результатом сармато-бастарнских контактов этого времени может быть находка характерного центральноевропейского умбона в кургане «Садовый» на Дону (60).

К той же группе, вероятно, относятся и северомолдавские Ханкауцы (51, с. 11) и Изворы (61, с. 44–45), но они датируются широко, в пределах всего I в. н. э. Как и расположенные южнее захоронения в Толмазах, Селиште и Глубоком (51, с. 12–14), они с равным основанием могут быть связаны и с овидиевскими языгами, и со следующей волной сарматского проникновения на запад в середине I в.

Некоторые погребения в Румынии с находками мечей, имеющих кольцевое навершие (62, р. 15), и обычно датируемых сарматологами I в. до н. э. – I в. н. э. (63), тоже можно было бы отнести к овидиевскому времени, но на западе этот вид оружия, по всей вероятности, существовал дольше, вплоть до маркоманнских войн 167–180 гг. Именно тогда римские и германские кавалеристы позаимствовали у сарматов кольцевое навершие для своих тяжелых рубящих спат (64). Судя по другим данным, за Прутом сарматы появились лишь после поражения царя Децебала в 106–107 гг. (62).

О проникновении отдельных сарматских групп в чуждую им среду знал и Страбон, хотя и смутно. «Но что находится

за Германией, нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — языги или роксоланы, или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно». (Страбон, IV, 7, 4). В данном пассаже о Германии географ пользовался информацией, полученной римлянами во время войн за Рейном с 15 г. до н. э. по 13 г. н.э., когда Страбон делал последние вставки в свою книгу. У него есть упоминания о триумфе Германика в 17 г. и о начавшейся тогда же вражде германских вождей Арминия и Маробода, но нет данных о разгроме последнего готонами Катуальды в 19 г.

«Естественная история» Плиния Старшего была издана после смерти автора, погибшего в 79 г. при извержении Везувия, но основными его информаторами о ситуации в Северном Причерноморье были боспорский царь Митридат VIII, живший после 49 г. в Риме, и наместник Мезии с 57 по 63 г. Плавтий Сильван. Оба знали ситуацию достаточно хорошо, поскольку регион входил в сферу их непосредственных интересов.

При сопоставлении этнокарт Страбона и Плиния бросается в глаза резкое отличие. Языгов, как уже указывалось, первый помещает к западу от Днепра в непосредственном соседстве и вперемешку с бастарнами, роксолан — там же и между Борисфеном и Танаисом (Страбон, VII, III, 17), аорсов — между Меотидой и Каспийским морем, а сираков южнее их, ближе к предгорьям Кавказа (Страбон, XI, V, 7–8).

У Плиния же аорсы–гамаксобии, роксоланы и впервые появляющиеся на арене аланы «занимают места, прилегающие к побережью», «к северу от Истра» (Плиний, IV, 80). Относительно алан ему вторит и его современник Сенека, погибший в 62 г.: «Истр, представляющий путь к бегству диким аланам» (Сенека, Вестник, 630). Речь, очевидно, идет о каких-то набегах аланов где-то между 49 г. (или 57 г.) и 62 г. н. э.

Сираки же у Плиния оказываются в Крыму, в районе «Ахиллова дрома», рядом со скифами-сардами (Плиний, IV, 83), а языги далеко на западе «между Дануviем и Геркинским лесом, вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и тех мест, где граница германцев» (Плиний, IV, 80), т. е. на Большой Венгерской низменности.

Таким образом, между 18 г. и 63 г. в расселении сарматских племен произошли существенные изменения, их массовое передвижение на запад.

Археологически это подтверждается резким увеличением числа сарматских памятников, прежде всего в Молдавии. Если на территории Прутско-Днестровского междуречья для рубежа н. э. В. И. Гросу насчитал всего 9 памятников, а для первой пол. I в. — 16, то для периода второй пол. I — нач. II в. их уже 38 (43).

Не все эти памятники датированы достаточно надежно, но имеется целая серия комплексов, где узкая дата по сочетаемости вещей хорошо укладывается во вторую пол. — конец I в. Это Зернешты, Семеновка, Костешты, Негурены и ранние комплексы могильников у с. Старые Куконешты (51), а также комплексы в Бутештах и Кобуска-Веке (61). Возможно, проникали в это время сарматы и за Прут, но из более чем 100 памятников, отмеченных Г. Бикиром в Молдове и Мунтении, лишь погребения в Васлуй (62, Т. 16, 1–17) и Лехлю (62, Т. 22, 1) могут быть связаны с этой, четвертой по счету, волной сарматского переселения, остальные же или не имеют определенной даты, или, безусловно, позже — II — первой пол. III в. Г. Бикир, судя по всему, прав, полагая, что основное проникновение сарматов сюда началось лишь после краха царства Децебала, завоевания Дакии и установления Транслутанского лимеса.

Четвертое сарматское нашествие затронуло и лесостепные районы Среднего Поднепровья. Приблизительно в 40–70-е гг. прекращают функционировать все крупнейшие зарубинецкие могильники Среднего Поднепровья и Полесья (65; 66). В ареале зарубинецкой культуры появляются достигающие широты Киева сарматские памятники, в том числе Калантаевский могильник (67) и отдельные погребения, всего около 30 пунктов. К уже рассматривавшимся в литературе раньше (65; 68) можно добавить еще погребение в кургане 361 около Смелы с норико-паннонской фибулой Альмгрен 236 (69, табл. 1, 4). К сожалению, из-за ракурсной фотографии и утрачен ного приемника трудно определить ее вариант. Скорее всего, это вариант d или e, соответственно, или вторая пол. I в., или конец I — первая пол. II в. (70, рис. 5, 3; 6, 31, с. 33–34). Южнее в это время были заложены сарматские могильники в Подгородном (71) и Усть-Каменке (72).

При картировании памятников I в. н. э. в Нижнем Поднепровье можно заметить, как выявленные отдельные сарматские погребения достаточно плотным кольцом окружают

позднескифские городища, хотя большинство сарматских захоронений Правобережья не поддается точной датировке (73, рис. 2, с. 66), и только погребение в Ново-Петровке золотыми сережками с фигурками птичек, золотым туалетным флакончиком и бронзовым римским ковшом типа Эггерс 142 (74, с. 153–154; 73, с. 66) надежно датируется второй пол. I в.

Сами городища, очевидно, под напором четвертой сарматской волны устояли. На них, за исключением Знаменского, не зафиксировано следов разгрома, которые можно было бы отнести к середине I в., но отмечено возведение новых, поспешно строившихся укреплений (45, с. 217; 75, с. 72).

Следует отметить также, что для рассматриваемого периода материальная культура скифов и сарматов не очень различается. Бытуют одни и те же формы фибул, украшений, пряжек, даже керамики, и только обряды погребений несколько различны. Для сарматских погребений не характерны Т-образные катакомбы с несколькими костями. Аналогичные явления для второй трети I в. н. э. можно наблюдать и в Крыму, что связывается с проникновением сарматов в скифскую среду (76).

К сожалению, степень разработанности хронологии на сегодня такова, что даже для таких одноразовых и кратких явлений, как совершение захоронения, основание или прекращение могильника, пожара и разрушения городищ, их перестройка или возведение укреплений, мы можем оперировать лишь временными интервалами около полувека, редко – более узкими (в пределах 30–40 лет), а чаще – только веком. Поэтому трудно установить с достоверностью, являются ли все отмеченные явления результатом ряда не связанных между собой политических событий или, наоборот – результатом событий, произошедших за короткий промежуток времени, всего за несколько лет, и тесно взаимосвязанных. Некоторые данные позволяют склоняться к возможности второй трактовки, но об этом чуть позже.

Сарматские памятники промежуточной территории между Поднепровьем и Днестром пока изучены слабо. Можно упомянуть лишь погребение в Могильно (77), в Траянах (78, с. 201, рис. 255; 79) и Колодистом (80, с. 120). Первое, с фаянсовыми скарабеями, датировано I–II в., второй комплекс по сочетанию бронзового зеркала и ковша Эггерс 140 – второй пол. I в., третье не имеет определенной даты.

Таким образом, резюмируя все сказанное выше о четвертой волне сарматского движения на запад, думается, можно с достаточным основанием констатировать резкое увеличение числа сарматских памятников к западу от Днестра приблизительно ок. середины I в.

Не исключено, что значительная часть сарматов, погребения которых были совершены на землях к западу от Днестра, во второй пол. I в. входила в состав политического объединения, возникшего в 49 г. и просуществовавшего ок. 30 лет. Имеется в виду царство Фарзоя и Иненсимея, чеканивших свои монеты в Ольвии. Историки и нумизматы обычно считали их царями крымских скифов, но есть достаточно оснований думать, что они были представителями каких-то сарматских племен (81; 82; 83; 84; 106). Приблизительные границы этого объединения очерчивают находки монет Фарзоя – «в реке Прут», у с. Брынзены в Единецком районе на севере Молдавии, где наблюдается скопление сарматских памятников второй пол. I в., затем «около Бердичева» и «в Херсонской губернии, на левой стороне Днестра». А не фиксирует ли северо-западный угол этого «царства» находка в Задрости в Тернопольской области 5-метровой каменной стелы с «сарматскими знаками», один из которых напоминает тамгу Фарзоя, известную по монетам? (85). О том, что сарматы бывали в самой Ольвии, свидетельствуют две фигуры каменных львов, испещренные «сарматскими знаками» (86). По расчетам П. О. Карышковского, чеканка новых медных денег в попавшей в зависимость от Фарзоя Ольвии началась или в 49 г. (81, с. 119), или в нач. 50-х гг. (82, с. 14, табл. 1). Чеканку золотых монет Фарзой позволил себе лишь на 6-м году правления, утверждая тем самым независимость и самостоятельность политики своего «царства».

Таким образом, возникновение нового политического организма, каким было царство Фарзоя, приходится или на тот же год, или на ближайшие последующие годы после еще одного важного политического события, произошедшего в другой части сарматского мира. Это довольно подробно описанная Тацитом война между сираками и аорсами, втянутыми в конфликт боспорских царей Митридата и Котиса, в свою очередь инспирированный римлянами, высадившими десант в Пантикапее (Тацит, *Анналы*, XII, 15–21).

Аорсо-сиракский конфликт, возможно, нарушил неустойчивую стабильность сарматского мира и заставил ряд групп

сарматского населения двинуться на запад, подталкивая и вовлекая в движение новые группы. В 50 г. языги впервые со всей очевидностью фиксируются в Среднем Подунавье в связи с реальными историческими событиями (Тацит, *Анналы*, XII, 29–30).

Совпадение трех дат – аорсо-сиракско-римско-боспорско-го конфликта, образование царства Фарзоя и появление языгов на Среднем Дунае и заставляет склоняться в пользу краткой, одноразовой версии трактовки наблюдаемых археологических явлений.

Мы не знаем точно об отношениях нижнеднепровских скифов с сарматами царя Фарзоя. Но поскольку сами городища от набегов не пострадали, а, наоборот, скорее процветали в сарматском окружении, поддерживая интенсивные торговые контакты с греко-римским миром через Ольвию (73), контролируемую Фарзоем, то можно думать, что в данный момент отношения сложились дружественные. Более того, встает вопрос, не была ли куплена безопасность городищ ценой добровольного политического подчинения? Во всяком случае, они явно выступают как союзники, что вытекает из свидетельства эпитафии Плавтия Сильвана (XIV, 3608) (87, с. 47–48).

Став в 57 г. легатом Мезии, «он переселил в провинцию из племен, обитавших за Дунаем, более 100 тыс. человек с женами и детьми, со знатью и царями». Возможно, это было именно то население, которое вытеснила волна четвертого сарматского нашествия. Затем, отправив большую часть своего войска в Армению, Сильван «подавил волнения сарматов, привел из-за реки царей, ранее римскому народу неведомых или ему враждебных... и раздвинул пределы провинций, ибо осадой заставил царя скифов отступить от Херсоне-са, что находится по ту сторону Борисфена». Тогда же он «возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков – братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами», возможно, теми же сарматами четвертой волны.

Таким образом, намечаются две коалиции – римлян поддерживали бастарны, даки и роксоланы, а противниками их выступали сарматы и скифы. Поскольку для Сильвана «Херсонес находится за Борисфеном», его поход был, по всей вероятности, сухопутным и ему пришлось форсировать Днепр. В таком случае на его пути находилась и Ольвия, еще ранее поддерживавшая мятежного Митридата VIII (88,

с. 173–176; 89, с. 341–342), а в этот момент находившаяся под властью Фарзоя. Вряд ли речь может идти о прямом захвате города сарматами, скорее имел место тот более или менее добровольный и взаимовыгодный симбиоз античного полиса и кочевников, примеры которого для более раннего времени мы знаем и для самой Ольвии и для некоторых западнопонтийских городов.

Выпуск Фарзоем золотой монеты с полной его титулатурой «базилевса» и «первого архонта», очевидно, царя для варваров и первого архонта для ольвиеполитов, не мог не взволновать римлян, тем более что именно в эти годы Нерон, не сумев достигнуть решающего перевеса в войнах с парфянами на месопотамском фронте, вынашивал планы флангового удара по Парфии, плацдармом для которого должно было служить Причерноморье. Возникновение царства с явной антиримской направленностью политики и настроений, объявившего о своей независимости, способного угрожать черноморским коммуникациям, и было, вероятно, воспринято как «волнения сарматов». Акция Плавтия Сильвана должна была последовать.

Если наши рассуждения верны и события развивались именно таким образом, то реально предположить, что и Фарзой был среди тех «неведомых ранее римлянам царей и им враждебных», которых Плавтий Сильван «заставил склониться перед его знаменами» и «привел на свой берег». Должны были, очевидно, римляне оставить и гарнизон в Ольвии, простоявший там до 68 г., до смерти Нерона, после чего мезийские войска покинули провинцию, чтобы принять участие в гражданской войне.

В таком случае реально и высказывавшееся П. О. Карышковским предположение о разрыве в выпусках монет Фарзоем (81, с. 120–121), от которого он позже, однако, отказался (82, 83). Его смутил тот факт, что некоторые чеканы монеты ранних и поздних эмиссий совпадают. Но если допустить, что с 62 по 69 г. чеканы могли сохраниться, были каким-то образом укрыты от римских властей, то все данные согласуются.

Вернемся, однако, к языгам, которые с четвертой волной сарматского нашествия ушли за Карпаты и оказались в Среднем Подунавье. Произошло это при обстоятельствах, которые будут не совсем понятны, если не упомянуть о некоторых более ранних событиях в Центральной Европе.

Когда Август в 15 г. до н. э. начал активно захватывать земли по Рейну и Дунаю, Маробод, вождь германского племени маркоманнов, размещавшихся в долине Майна, увел в 9–6 гг. до н. э. своих людей от греха подальше, в глубь Герцинского леса, в Бойерхайм, на территорию Чехии, пустовавшую с тех пор, как Бурбиста выбил оттуда боев.

Здесь, «присоединив одни племена силой оружия, а другие посредством договора» (Патеркул, I, 108), он создал обширный союз племен, охватывавший все земли между Эльбой и Вислой, вплоть до Балтики (90).

Попытка разбить Маробода в 6 г. н. э. не принесла успеха, поскольку в тылу южной группировки римских войск, возглавляемых Тиберием, вспыхнуло паннонско-далматинское восстание. С Марободом пришлось срочно заключить мир.

Хотя с тех пор Маробод сохранял нейтралитет в германо-римских отношениях и даже отказался в 9 г. поддержать своих сородичей после восстания Арминия и уничтожения трех легионов в Тевтобургском лесу, само существование этого царства не могло не смущать римлян.

На Дунай был послан сын Тиберия Друз, для обеспечения спокойствия на этой границе. Он же, предпочитая не прямые военные действия, а политику «плаща и кинжала», начал сеять раздоры между германскими вождями.

В 19 г. один из подданных Маробода, обиженный им чем-то молодой готон Катуальда, напал неожиданно на маркоманнов. Маробод был разбит и бежал к римлянам. Сам Катуальда был вслед за тем разбит гермундурами и тоже укрылся на территории Империи.

Остатки дружин того и другого римляне поселили «между Маром и Кузом», в юго-западной Словакии, создав здесь «буферное государство» во главе с Ваннием из племени квадов (Тацит, *Анналы*, II, 62–63). Через 30 лет против Ванния двинулись «несметные силы» его северных соседей – гермундуров и лугиев. «Пехота у Ванния была собственная, а конница – из сарматского племени языгов», но несмотря на их поддержку, Ванний был разгромлен (Тацит, *Анналы*, XII, 29–30). Это первое достоверное свидетельство об участии языгов в реальных событиях в Центральной Европе. И произошло это в 50 г., через год после аорсо-сиракской войны. Тацит не уточняет, где находились языги до этого, но, исходя из всего сказанного выше, можно думать, что приглашение Ванния пришлось языгам Поднепровья как нельзя кстати.

Некоторые венгерские исследователи считают, что языги проникли в пушту и раньше. Краеугольным камнем этой гипотезы служила строительная надпись о возведении каменных укреплений в Аквинке на Дунае. Считалось, что надпись сделана в 17–20 гг. во время деятельности здесь Друза, и укрепления строились якобы именно в связи с языг-ской угрозой (91, с. 267–268). Но оказалось, что надпись из Аквинка более поздняя, времени Веспасиана, 73–76 гг. (92).

В распоряжении сторонников ранней даты остаются два упоминания источников о нападении сарматов в 6 и 7 гг., во время паннонско-далматинского восстания. Но свидетельства об этих сарматских набегах имеются лишь у авторов поздних – у Диона Кассия и в «Хронике» Евсебия. А ни современник событий Великий Патеркул, сам служивший под командованием Тиберия в Паннонии, ни Плиний, получавший информацию от таких компетентных людей, как наместники Паннонии и Мезии Флавий Сабин и Плавтий Сильван, ничего не говорят об этих набегах.

А. Мочи приводит еще такой довод. Друз, проводя политику создания буферных государств вдоль доверенной ему границы по Дунаю, должен был, кроме царства Ванния, создать «буфер» и против беспокойных даков, отдав пушту языгам (93). Логично, но прямого подтверждения в источниках этот тезис не находит. А. Мочи пытался обосновать раннее появление языгов и археологическим путем, но опять же опираясь больше на логику, чем на реальные материалы (94). В 87 г. в связи с приходом в Дакии к власти Децебала, враждебного сарматам, контакты языгов с Причерноморьем должны были прерваться. А. Мочи причислил к этой группе 20–80-х гг. могильники Сегед-Фельшёпустасер, Кишкёрёш-Чукашто, а также ряд отдельных погребений и случайных находок. Датировки вещей этой группы он, однако, подробно не рассматривал, аналогий не приводил. Сам факт наличия мелких золотых украшений и отсутствия фибул служил достаточным аргументом. Но среди мелких золотых украшений, найденных на памятниках, отмеченных А. Мочи, есть одна категория находок, позволяющих установить дату достаточно четко. Это маленькие подковообразные подвески из благородных металлов, иногда со вставками голубой эмали на концах (95, Т. XXI, 1, 5, 7, 61; XXII, 22; XXVIII, 9; XXIX, 29; X, 9; 96, Т. I, 7; 97, Т. XIV, 1). Такие подвески достаточно широко распространены во всем античном Сре-

диземноморье. Самые ранние происходят из Помпей, Геркуланума и Боскореале. Известны они в Салониках, на Кипре и в Элевтерполисе в Палестине, где относятся уже ко II в. (98, с. 186). Носили их в римское время и в Египте. Изображения таких украшений мы находим на женских портретах II–III вв. из Фаюма (99, табл. 36, 75). Аналогичные известны также на сарматских памятниках Румынии (62, fig. 1) и на постзарубинецком могильнике Рахны на Южном Буге (100, рис. 4, 17, 18). Можно заметить их эволюцию во времени от конца I до нач. III в. Ранние – уже, изящнее, со вставками эмали или с зернью на концах, поздние – грубее, шире, с большим расстоянием между концами, которые уже не орнаментированы. Оказывается, что венгерские погребения с мелкими золотыми украшениями и бляшками не оправдывают ожиданий А. Мочи; большинство их совершено не между 20–80-ми гг., а позже – в конце I или даже во II в. Проблема выделения языгов из более чем 450 сарматских памятников, собранных в работах М. Пардуца, остается нерешенной. Во всяком случае, у нас не больше оснований думать, что бесфибульные захоронения совершены в 10–20-е гг., чем в 50–70-е гг.

Если же отказаться от идеи раннего поселения языгов в Венгрии и допустить, что они появились здесь около 50 г. именно в связи с упомянутыми событиями в Словакии, то среди материалов М. Пардуца можно найти и погребения современников Ванния, хотя даты опять же достаточно расплывчаты. Это – погребение 17 могильника Сегед-Фелынё-пустасер с браслетами с завязанными концами и с фибулой типа Аукиса первой пол. I в. (95, Т. XIII, 2–5, 11, 13; Т. XIV, 1–7, 11). Затем – погребение 22 могильника Ходмёзевашар-кей-Фехерто, где найдено зеркало из числа производившихся в римских лагерях Нижней Германии в течение I в. н. э., а особенно интенсивно в клавдиевское время (96, Т. 3; 101).

Ко времени, близкому к событиям в Словакии, могут относиться и случайные находки из Эрвень (102, Т. I, 6, 7, 12, 13; II, 1, 3) – бронзовое зеркало с концентрическими кругами и дырочками по краю (103, р. 35), золотая подковообразная подвеска, пирамидальный колокольчик и фибула Альмгрен 69 флавиевского времени, а также погребение 145 могильника Сент-Киштоке с трубковидной фибулой (104, Т. XXII, 2).

Оживленно дискутируется в венгерской и румынской литературе вопрос о пути движения языгов в междуречье Тиссы и Дуная – с юга, через Мунтению, Олтению и Банат, или с севера – через горные перевалы Карпат и Верхнее Потисье (91, с. 268). Последнее представляется более правдоподобным. Ближайшие хронологически и территориально сарматские памятники найдены в Верхнем Поднестровье. Памятники же Молдавии и Румынии не раньше венгерских, в Банате они не ранее III в. (105). Да и переход достаточно большой группы переселенцев со всем их скотом через плотно заселенные даками и гетами районы или по территории провинции вряд ли мог произойти незамеченным, не отразиться в источниках.

Горные же перевалы Карпат доступны и для прохода всадников, и для скота, и находятся они на стыке нескольких культурных массивов, а чаще всего именно по таким «швам» предпочитали двигаться мигранты.

После смерти Нерона в 68 г. началась гражданская война, мезийские войска, втянутые в нее, покинули провинцию, граница обнажилась, и сарматы этим не преминули воспользоваться. Тацит подробно и красочно описывает события 69 г., когда на Балканы вторглись роксоланские катафрактары. Не окажись здесь случайно III Галльского легиона, посланного в Италию Веспасианом из Иудеи, судьба Балканских провинций могла бы быть печальной (Тацит, История, I, 79). В том же 69 г., на 21-м году эры Фарзоя, возобновилась чеканка его золотых и медных монет в Ольвии, продолжающаяся еще ок. 10 лет. Затем его, вероятно, сменил Иненсимей, выпускавший серебряные монеты. К 83 г., когда Ольвию посетил Дион Хризостом, город уже освободился от власти «скифских» царей (81; 84).

Яркой иллюстрацией этой эпохи являются находки из мужского и женского погребений у с. Пороги в Среднем Поднестровье (106) и комплекс из погребения 1 «Рошава Драгана» в Болгарии (107). На вещах из Порогов имеется тамга Иненсимея, а на украшениях ножен меча из «Рошава Драгана» – тамги обоих ольвийских царей. В могиле сарматского вождя или фракийского аристократа из «Рошава Драгана» оказался и богатый набор римской бронзовой посуды, и стригили, и шлем-маска римского центуриона, и полный доспех сарматского катафрактария, включая панцирные штаны. Изображение с ног до головы покрытых панцирной

чешуей сарматских всадников на колонне Траяна нашло реальное археологическое подтверждение. Ножны длинного меча из этого же погребения украшены бляшкой и бутеролью в бирюзово-золотом сарматском «зверином стиле», скобы для крепления ножен сделаны из нефрита и орнаментированы в китайском стиле эпохи Хань.

Х. Буюклиев датировал погребение «около середины I в.», и для попадания таких вещей во Фракию, если здесь захоронен представитель местной знати, было несколько возможностей. Это могли быть и трофеи, захваченные или при отражении роксоланского рейда в 69 г., или при участии в акции Плавтия Сильвана. Могли они попасть во Фракию и в результате каких-то дипломатических контактов с сарматским миром как в Причерноморье, так и в Парфии. В 46 г. Фракия стала провинцией, и местные аристократы могли принимать участие в качестве командиров вспомогательных войск в самых разных действиях римской армии.

Вещи из катакомб в Порогах тоже сделаны в бирюзово-золотом стиле, а поиски истоков этого стиля ведут далеко на восток – к «Сибирской коллекции» Петра I (108; 109), к Тилля-Тепе в Афганистане (110) и другим восточным находкам. Вероятно, и истоки волн сарматских переселений, в том числе и четвертой, следует искать в событиях, происходивших в тех же отдаленных районах – мы знаем о каких-то «волнениях» гирканцев при Нероне, приславших к нему своих послов (Тацит, *Анналы*, XIV, 25), там же происходит образование Кушанского царства, начальная дата которого вызывает столько споров (111), и другие события.

В самом конце I или в нач. II в. по землям к западу от Днепра прокатывается следующая, пятая, волна сарматского нашествия. В начале II в. прекратились погребения могильника Золотая Балка (112; 73), большая часть нижнеднепровских городищ была покинута (73). Ольвия к 83 г. освобождается от власти «скифских» царей. На Днестровском лимане появились памятники типа Мологи, оставленные беженцами из Нижнего Поднепровья (113). В Буджаке появились новые сарматские памятники (114; 35), в Молдавии был заложен могильник в Боканах (18; 51), совершены погребения в Корпаче (115), Первомайском (116; 51), в Паш-канах (61), в Олонештах (117; 51).

Во II в. сарматами была занята и достаточно плотно заселена Молдова и Мунтения (62). Появляются новые памятники в Венгрии (91).

Сарматы оказываются втянутыми и в борьбу Децебала с Римом, а затем в маркоманнские войны. Но более подробному рассмотрению обстоятельств новой волны проникновения сарматов на запад и сложившейся во II в. в Северном Причерноморье и Подунавье исторической ситуации следовало бы посвятить специальную работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. М а ч и н с к и й Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднестровье по свидетельствам античных письменных источников. – АСГЭ, 1971, вып. 13.
2. Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. – АСГЭ, 1987, вып. 28.
3. С м и р н о в а Г. И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. – АСГЭ, 1968, вып. 10.
4. S u l i m i r s k i T. Scytowe na zachodnim Podolu. Lwow, 1936.
5. Г а н і н а О. Д. Поселения скифского часу в селе Иване Пусте. – Археолопя, 1965, т. 19.
6. W o z n i a k Z. Wschodnie pogranicze kultury latenskiej. Wroclaw etc. 1974.
7. Б о д я н с к и й А. В. Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье. – СА, 1962, № 1.
8. Ф а б р и ц и у с И. В. Археологическая карта УССР. Киев, 1951, вып. I.
9. Х а н е н к о Б. И., Х а н е н к о В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1900, вып. III.
10. С м и р н о в а Г. И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка на Буковине. – СА, 1981, № 3.
11. С м и р н о в К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
12. С м и р н о в К. Ф. Ольвийский «декрет в честь Протогена» и сарматы. В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск, 1980.
13. Л и т в и н с к и й Б. А. Сармато-кангюйский фарн. Душанбе, 1967.
14. А г у л ь н и к о в С. М. Отчет о работе Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Кишинев, 1988. Рукопись.
15. P e s c h e l K. Fibeln mit Spiralfuss. – ZFA, 1972, Bd. 6.
16. К а с п а р о в а К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена. – АСГЭ, 1984, вып. 25.
17. Отчет исторического музея. Москва, 1908.
18. Ф е д о р о в Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИ А, 1960, № 89.
19. С и м о н е н к о О. В. Пізньоскіфський комплекс з с. Марівка Миколаївської області. – Археолопя, 1986, вып. 55.
20. Д з и с - Р а й к о Г. А., С и н ч у к Е. Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское. В кн.: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.

21. Субботин Л. В., Охотников С. Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья. В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
22. Симоненко А. В. О позднескифских налобниках. В кн.: Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
23. Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца.— КСИА, 1962, вып. 89.
24. Гущина И. И. К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н. И. Веселовским в 1900 году. В кн.: История и культура сарматов. Саратов, 1983.
25. Бидзиля В. И., Шукин М. Б. Памятники латенской культуры Закарпатья и на землях к востоку от Карпат. В кн.: Ранние славяне и их соседи. Сер. Археология СССР. М. (в печати).
26. Раевский Д. С. Неаполь или Палакий?—ВДИ, 1976, № 1.
27. Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном.—ВДИ, 1958, № 2.
28. Шultz П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971.
29. Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VIII—I вв. до н. э. М., 1952.
30. Youroukova Y. Nouvelles données sur la chronologie des rois scythes en Dobrudza.—Thracia, 1977, t. 4.
31. Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и М. П. Стемпковских).—МИА, 1962, № 115.
32. Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
33. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э.—АСГЭ, 1974, вып. 16.
34. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л, 1940.
35. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984.
36. H a g m a t t a J. Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950.
37. F e t t i c h N. Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen.—ААН, 1953, Bd. 3. Fasc. 1–4.
38. Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
39. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры.—СА, 1981, № 2.
40. B a b e s M. Date arheologică și istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte de noiștră.—SCIVA, 1985, t. 36, n. 3.
41. Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
42. K o s t r z e w s k i J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit.—Mannus-Bibliothek, 1919, Nr. 18–19.
43. Гросу В. И. Периодизация сарматских памятников Днестровско-Прутского междуречья. Дисс. канд. ист. наук. Кишинев, 1988.
44. Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
45. Погребнова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское).—МИА, 1958, № 64.
46. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР.
47. Ждановский А. М. История племен Среднего Прикубанья во I в. до н. э.—III в. н. э. Дисс. канд. ист. наук. М., 1985.
48. Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець, Стаіславської обл.—МДАПВ, 1962, вип. 4.
49. Смирнова Г. И. Курганы у с. Ленковцы и Кельменцы в среднестровском Правобережье (эпоха бронзы и сарматы).—Древние памятники культуры на территории СССР, вып. 3 (в печати).
50. Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья.—СЭ, 1966, № 1.
51. Гросу В. И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.—АИМ, 1977–1978. Кишинев, 1982.
52. Малеев Ю. М., Пирого Ю. С. Сарматські поховання в с. Бу-ряківка на Тернопільщині.—Археологія, 1973, вип. 12.
53. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре.—КСИИМК, 1953, вып. 51.
54. Винокур И. С., Бакуленко Л. В. Киселевский могильник I–II вв. н. э.—КСИА, 1967, вып. 112.
55. Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста.—ДГ, 1983. М., 1984.
56. Свешников И. К. Могильники липецкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное).—КСИИМК, 1957, вып. 68.
57. Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.).—КСИА, 1974, вып. 140.
58. Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подштрові і Західному Побужжі Київ, 1984.
59. Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешты—Лукашевка на Буковине.—СА, 1981, № 3.
60. Шукин М. Б. Умбон щита из кургана «Садовый» (к вопросу о сармато-германских контактах).—АЦВМ. Новочеркасск, 1987.
61. Гросу В. И. Новые сарматские памятники на территории Молдавии.—АИМ, 1979–1980. Кишинев, 1983.
62. B i c h i r G h. Les sarmates au Bas-Danube.—Dacia, 1977, t. 21.
63. Хазанов А. М. Сарматские мечи с кольцевым навершием.—СА, 1967, № 2.
64. R a d d a t z K. Ringknafschwerten aus germanischen Kriegergräbern.—Offa, 1959–1961, Bd. 17–18.
65. Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой.—АСГЭ, 1972, вып. 14.
66. Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.—СА, 1976, № 3.
67. Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля с. Калантаєво.—Археологія, 1961, т. XII.
68. Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье.—В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
69. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. Спб., 1901, т. III.
70. G a r b s h J. Die norisch-pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München, 1965.

71. Ковалева И. Ф., Костенко Ё. И. Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья. В кн.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Вып. 3. Днепропетровск, 1976.
72. Махно Е. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці.— АП УРСР, 1960, т. IX.
73. Щукин М. Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры.— АСГЭ, 1970, вып. 12.
74. Отчет археологической комиссии. Спб., 1903.
75. Раевский Д. С. Некоторые вопросы истории Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации.— Сб. докл. на IX и X ВАСК. М., 1968.
76. Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя). В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971.
77. Сымонович Э. А. Погребение I–II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии.— КСИА, 1966, вып. 107.
78. Отчет археологической комиссии 1913–1915 гг.
79. Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского периода.— Труды ОИПК, 1941, т. I.
80. Известия Археологической комиссии. Спб., 1904, вып. 12.
81. Карышковский П. Й. 3 історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї.— АП, 1962, т. XI.
82. Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя. В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
83. Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.
84. Щукин М. Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья.— СГЭ, 1982, вып. 47.
85. Драчук В. С. Стела со знаками с Тербовельщины.— СА 1967, № 2.
86. Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
87. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981.
88. Болтунов А. И. К надписи IPE, II, № 400.— ВДИ, 1954, № 1.
89. Gajdukewicz V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin—Amsterdam, 1971.
90. Dobias J. Dejiny Ceskoslovenskeho územi pred vystoupeniem Slovanu. Praha, 1964.
91. Parducz M. Einige Probleme der Sarmatenforschung des Karpatenbeckens. — Actes de VIIIe CISPP, T. I, Beograd, 1971.
92. Toth E., Vekony G. Zu Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus.— ААН, т. 22, 1970.
93. Moscu A. Die Einwanderung der Jazygen.— АА, 1977, т. 25, ф. 1–4.
94. Мочи А. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи.— ААН, 1954, IV, 1–4.
95. Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd. 1.— АИ, 1941, Bd. 25.
96. Parducz M. Szarmata temeto Hodmezovasarhely–Feherton.— АЕ, 1946–1948.
97. Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd. 3.— АН, 1950, Bd. 30.
98. Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery. London, 1961.
99. Павлов В. В. Египетский портрет I–IV веков. М., 1967.
100. Щукин М. Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования. В кн.: Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
101. Lloyd-Morgan G. Some Bronze Mirrors in the Collection of the Rijksmuseum G. M. Kam, Nijmegen.— ВМАН, 1974, 6e ser. 46e annee.
102. Parducz M. Az Örnényi jazyg lelet.— Folia Archaeologica, 1941, t. 3–4.
103. Roth-Rubi K. Zur Typologie römischer Griffspiegel.— ВМАН, 1974, 6e ser. 46e année.
104. Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd. 2.— АН, 1944, Bd. 28.
105. Барачки Ст. Накит сармата у Банату са прегледом сарматских налазишта. Каталог уз изложбу. Вршац, 1975.
106. Симоненко А. В. Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н. э.— АЦВМ, Новочеркасск, 1987.
107. Буюклиев Х. Тракийский могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг.— Разкопки и проучвания, 1986, кн. 16.
108. Клейн Л. С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов. В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
109. Раев Б. А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели.— Тезисы докл. 2-й археол. конф. «Скифо-сарматский мир». Кемерово, 1984.
110. Сарианиди В. Н. Афганистан: сокровища безымянных цай. М., 1983.
111. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
112. Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. М., 1972.
113. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога П. В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.
114. Дзиговский А. Н. Сарматские памятники II–III вв. в нioвьях Днестра. В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
115. Гросу В. И. Сарматский курган у с. Корпач.— СА, 1979, № 2.
116. Рикман Э. А., Хынку И. Г. Погребение II в. н. э. у с. Первомайск.— МИА, 1970, № 176.
117. Мелюкова А. И. Сарматское погребение у с. Олонешты.— СА, 1962, № 1.

А. В. Симоненко

ИМПОРТНОЕ ОРУЖИЕ У САРМАТОВ

Античные импорты в сарматской культуре давно и плодотворно изучаются. Помимо фундаментальных исследований В. В. Кропоткина, Б. А. Раева, Д. Б. Шелова, содержащих типологию и хронологию импортных изделий, анализ времени и путей их проникновения к сарматам и другие исторические обобщения, к этой категории вещей так или иначе обращались и обращаются практически все исследователи сарматской культуры. Это и неудивительно, если осознать я учесь ту огромную роль, которую играл античный мир как основной политический и экономический контрагент степных кочевников. Объединявшие их давние и прочные связи находят четкое отражение в археологическом материале.

Основным объектом исследования были и остаются такие категории античного импорта, как керамика, металлическая и стеклянная посуда, ювелирные изделия, предметы туалета, нанимавшие ведущее место в товарообмене¹ древности и чаще других встречающиеся поэтому в погребениях сарматов. Гораздо меньше внимания привлекало импортное оружие. В разное время о нем писали Б. А. Раев (2, с. 260 сл.), М. Б. Щукин (3, с. 49–61), В. П. Шилов (4, с. 111 сл.), А. М. Хазанов (5, с. 21) и автор (6, с. 104 сл.). Объективной причиной столь малого внимания к этой теме явились редкость импортного оружия в сарматских погребениях, с одной стороны, и слабая разработанность общих вопросов сармат-

¹ Относительно путей поступления некоторых видов импорта (в частности металлической посуды и драгоценностей) существуют разные точки зрения (обзор их см. 1, с. 65 сл.; 11, р. 64; 45, с. 204 сл.), которые по необходимости будут рассмотрены ниже

ского оружиеведения, с другой. Кроме того, по мере накопления археологического материала источниковая база проблемы увеличилась и позволяет предложить варианты решения некоторых специальных и общих вопросов, связанных с импортным оружием у сарматов. К их числу относятся типология и хронология импортных экземпляров, отношение их к собственно сарматскому вооружению, дальнейшие исторические судьбы и, наконец, время и пути попадания к сарматам импортного оружия.

Среди сарматского клинкового оружия импортные экземпляры весьма малочисленны. Собственно, это даже не оригиналы, а подражания, изготовленные сарматами. Речь идет о мечах из кургана у хут. Арпачин (2, с. 260 сл.) и Старо-Кишишкского могильника (7, с. 35). Оба они, по мнению опубликовавших их исследователей, сделаны под влиянием латенского оружия. Если это безусловно верно для старо-кишишкского меча, то, на мой взгляд, происхождение арпачинского от кельтских не обнаруживается сразу. В самом деле, на старокишишкском экземпляре, при всей его необычности и для сарматов, и для кельтов, есть бесспорно латенский признак — характерное перекрестие (иногда его называют «ласточкин хвост»). Некоторое подобие средне-латенского имеет и длинная рукоять-Штырь этого меча. Всех этих черт лишен арпачинский меч, сходство которого с латенским чисто формальное — длинный клинок, рукоять-штырь без перекрестия, костяное цилиндрическое навершие. Мне кажется, что Б. А. Раев усмотрел связь арпачинского меча с латенскими скорее хронологическую — в то время, которым датируется меч из Арпачина (первая пол. I в. до н. э.), у сарматов бытует оружие с серповидным и кольцевым навершием, а подобное арпачинскому появляется позже². Правда, именно господство у сарматов этого времени принципиально иных клинков, хронологический разрыв между подобными савро-матскими и синдо-меотскими мечами и хронологическая близость однотипному латенскому (и, добавлю, позднескифскому) оружию делают предположение Б. А. Раева весьма близким к истине.

2. Я не имею ввиду единичные экземпляры таких мечей в савроматской культуре и у синдо-меотов (8, с. 38 сл.). При общем визуальном сходстве со средне- и позднесарматскими, говорить об их генетическом родстве не позволяет большой хронологический разрыв и общая картина развития сарматской культуры.

Не исключают возможности знакомства сарматов с латенским вооружением и исторические обстоятельства. Декрет в честь Протогена отмечает одновременную угрозу Ольвии со стороны галатов и скифов и появление у стен города неких саев во главе с их царем Сайтафарном для сбора дани. Этнический облик саев служит предметом давней дискуссии. Одна из точек зрения, наиболее полно сформулированная К. Ф. Смирновым, обосновывает их сарматскую принадлежность (9, с. 67–68). Подробный анализ декрета в честь Протогена в этой связи проведен мной в сданной в печать монографии, и здесь уместно будет привести лишь вывод. Саи Сайтафарна могут быть признаны сарматами с той разницей, что в конце III – начале II вв. до н. э. (время событий, описываемых в декрете) они не обитали, согласно К. Ф. Смирнову, близ Ольвии, а осуществляли туда набеги, базируясь на кочевьях Нижнего Дона. Во время этих набегов сарматы и смогли столкнуться с кельтами (галатами). Не исключен и другой путь проникновения отдельных экземпляров кельтского оружия к сарматам – во время Митридатовых войн (10, с. 4; 11, с. 86). Наконец, находки импортных кельтских мечей в позднескифских захоронениях II–I вв. до н. э. (12, с. 54–56) намечают еще один возможный источник – контакты сарматов с позднескифским населением Нижнего Днепра и Крыма. Единичность таких клинков в сарматских погребениях подчеркивает редкость и спорадичность перечисленных контактов.

Еще одним экземпляром импортного клинкового оружия является недавно найденный в богатом сарматском захоронении у с. Пороги Винницкой обл. боевой нож. Это оружие с клиновидным в сечении однолезвийным клинком с прямой спинкой и прямым лезвием, от пяты клинка под небольшим углом к лезвию отходит рукоять-штырь. Она слегка расширяется к концу, квадратная в сечении. На клинке и рукояти сохранились следы кожи, которой были обтянуты ножны (деревянные?) и рукоять. Длина сохранившейся части клинка (конец его обломан) 19 см, ширина у пяты 2,7 см, длина рукояти 10,8 см. Комплекс, в котором он найден, датируется последней четвертью I в. н. э. (13, с. 55).

Хотя воинских сарматских погребений этого времени известно около тысячи, такое оружие встречено впервые. Морфологически ему близки большие бронзовые и железные ножи скифов и савроматов эпохи архаики (14, с. 49–51; 15, табл. 18, 16, 17), но исследователи совершенно справед-

ливо считают их ритуальными. До недавнего времени в сарматских памятниках подобных вещей не встречалось, однако в последние годы в ряде сарматских погребений рубежа – первых вв. н. э. в Нижнем Поволжье и Подонье (Котлубань близ Волгограда, Ростов-на-Дону Высочино IV, Лебедевка VI, Чугуно-Крепинка)³ обнаружены длинные, до 40 см, однолезвийные клинки с черенком для деревянной рукояти, т. е. ножи. Примечательно, что они, как более ранние скифские и савроматские, почти всегда лежали парами, в одном случае на деревянном блюде. Эти обстоятельства заставляют предположить и сходное их назначение – ритуальные жертвенные ножи. Перечисленные находки, по моему мнению, не могут служить аргументом в пользу генетической преемственности савроматов и сарматов – вероятно, мы имеем дело с общеиранской традицией.

Клиники этих ножей очень близки порожскому, который отличается от них рукоятью: она подквадратная в сечении, отчетливо отделена от клинка и обтянута кожей, следов дерева на ней нет. Таким образом, хотя перечисленные ножи морфологически сходны с порожским, но в деталях отличаются от него. Других находок подобного вооружения в сарматских погребениях до сих пор нет, несмотря на то, что их исследованное количество уже превысило 3000. Можно считать, что в сарматском оружии боевые ножи как тип вооружения практически отсутствуют. С другой стороны, именно боевые ножи разнообразных форм являются одним из популярных видов оружия у гальштатских и кельтских воинов вплоть до последних вв. до н. э. (16, с. 280). В дальнейшем они характерны для франкского оружия эпохи Меровингов, в VI–VII вв. широко распространены в Западной и Северо-Западной Европе под названием скрамасаксы, откуда позже отдельные экземпляры попадают на Русь (17, с. 72). Именно последние обнаруживают наибольшее сходство с порожским боевым ножом – у них прямые спинки и лезвие, слегка отогнута рукоять. В целом, традиция боевых ножей характерна для западно- и средневропейского оружия. Думается, что даже при отсутствии прямых аналогий не будет ошибкой связать с этим кругом и порожский экземпляр, учитывая, с одной стороны, географическую близость дако-

³ Выражаю искреннюю благодарность А. С. Скрипкину за любезно предоставленную информацию.

гетского массива племен, с другой – практически полное отсутствие прототипов и аналогов в оружии евразийских кочевников. Скорее всего, порожский «скрамасакс» является импортом с запада.

Известны импортные образцы и среди метательного оружия. Мне кажется, что таковыми являются сложносоставные рефлексрующие луки с костяными накладками. Здесь нет возможности привести обширную литературу и разнообразные точки зрения о времени и месте появления таких луков. Отмечу лишь, что у специалистов за этим типом лука закрепился достаточно условный термин «гуннский», введенный А. Алфельди и И. Вернером (18, с. 33 сл.). И хотя они имели в виду луки гуннов эпохи Великого переселения народов, следует сказать, что в данном случае исследователи «угадали». Изучение археологических материалов Тувы, Забайкалья, Горного Алтая и Тянь-Шаня (19, с. 26 сл.) убеждает в том, что тип лука с жесткими концами и рукоятью, усиленными костяными накладками, и с гибкими плечами появился в кон. II–I вв. до н. э. у хунну (находки в Ноин-Уле, Ильмовой и Черемуховой падях) и к исходу последнего столетия до н. э. уже распространился далее на запад – в степи Казахстана, горные долины и оазисы Средней Азии, в Парфию и Иран. В I в. н. э. луки «гуннского» типа появляются в римских лагерях Центральной и Западной Европы, куда они попали с лучниками из вспомогательных частей римской армии – сирийцами и парфянами (5, с. 33).

В сарматских погребениях костяные накладки на лук «гуннского» типа достаточно редки. Сводка их дана в работе А. М. Хазанова (5, с. 35), и за прошедшие с момента ее выхода 17 лет к ним добавились в лучшем случае 2–3 находки. А. М. Хазанов полагает, что лук «гуннского» типа появился у сарматов в I–II вв. н. э. под влиянием «восточных соседей» (Кого? – А. С.) и в контексте общего развития этого вида оружия. Боюсь, что это не совсем так.

Одной из особенностей лука «гуннского» типа являются большие размеры и вес наконечников стрел, применяемых в нем. Так вот, изучение наконечников стрел как Азиатской (5, с. 35 сл.), так и Европейской (12, с. 64 сл.) Сарматии показало, что вплоть до III в. н. э. подавляющее большинство их имеет размеры и вес, практически соответствующие скифским. Наконечники же стрел к лукам «гуннского» типа гораздо больше и тяжелее. Это обстоятельство заставляет

Предположить, что в течение существования сарматской культуры основным типом собственно сарматского лука являлся так называемый «скифский» – также сложный, но без костяных накладок, более короткий и с другой кинематикой (20, с. 7 сл.). Немногочисленность костяных накладок в сарматских погребениях лишь подтверждает это предположение. Обратимся же к ним.

К I в. н. э. относятся две находки. Это обломок концевой накладки из к. 29 у ст. Усть-Лабинской и концевые и срединные боковые накладки из Порогов. Остальные 13 известных костяных накладок происходят из погребений II – нач. IV вв. н. э. Примечательно, что в тех сарматских погребениях с «гуннскими» луками, где сохранились наконечники стрел (Пороги; Суслы, к. 51; Усть-Лабинская, к. 29; Калининский могильник, к. 7, 36 и др.), все они были с головкой длиной от 5 до 8 см, т. е. гораздо крупнее типичных сарматских длиной 3–3,5 см. Иными словами, луки с костяными накладками всегда имели комплектные к ним стрелы с крупными мощными наконечниками.

Редкость в сарматских погребениях этого оружия и подавляющее преобладание мелких наконечников говорят о том, что у сарматов, вплоть до конца III в. н. э., бытовали луки двух типов. Наиболее популярным оставался лук «скифского» типа. Начиная с I в. н. э. к сарматским воинам sporadически попадали и новые «гуннские» луки, причем всегда с калиберными для них стрелами. Сосредоточение таких находок в Азиатской Сарматии неудивительно – ее обитатели граничили со среднеазиатско-хуннским миром, где подобное оружие было массовым уже с последних веков до н. э. Относительная редкость «гуннских» луков в сарматских погребениях объясняется тем, что они попадали к сарматам как трофеи или подарки, но не производились ими. И. П. Засецкая уже обращала внимание исследователей на необычный для сарматов восточный облик вооружения воина, погребенного в кургане 51 Сусловского могильника (21, с. 62). Она полагает, что этот похороненный по сарматскому обряду воин был не сарматом, а хунну, и к нему в могилу положили его родовое оружие. Я не имею целью дискутировать с И. П. Засецкой по вопросу этнической принадлежности погребенного (хотя мне кажется, что реальнее – соблюдение всего погребального обряда предков, чем помещение в могилу только их оружия. В таком случае — это сармат с тро-

фейным (?) среднеазиатским луком), но важность ее наблюдения неоспорима.

В этой связи хотелось бы вновь вернуться к погребению в Порогах. Оно было совершено по сарматскому обряду, с ярким сарматским инвентарем и с луком «гуннского» типа и колчаным набором, необычность которого стоит того, чтобы на ней остановиться подробнее. Представленные в нем типы наконечников стрел практически не встречаются в сарматских могилах. Лишь один из них – трехлопастные, с треугольной головкой и прямым углом атаки – можно считать сарматским. Правда, они гораздо крупнее обычных, что обусловлено типом лука. Известен в сарматском комплексе, случайно обнаруженном у Стеблева (Черкасская обл.), и другой тип – с округлыми гранями и муфтой-упором при переходе в черенок. Однако в сарматском оружии ни прототипов, ни более или менее представительного количества их нет. Скорее всего, как и остальные (см. ниже), этот тип наконечников происходит с востока. Такие наконечники есть в Средней Азии на рубеже – в первых вв. н. э. (22, с. 82). Остальные наконечники из порожского набора принадлежат иным, не сарматским типам.

Прежде всего, это ярусный наконечник, считающийся характерным для хунно-гуннского оружия (23, с. 82). Они появляются в хуннских памятниках Монголии (Ноин-Ула) и Забайкалья (Ильмовая Падь и др.) в конце II–I вв. до н. э. и надолго становятся одним из ведущих типов гуннских стрел. Подобные наконечники практически неизвестны западнее Казахстана ранее IV в. н. э., когда они появляются в Европе в связи с гуннскими походами. Форма бойка и лопастей таких наконечников варьирует в направлении изменения угла перехода бойка в лопасти и очертаний самого бойка. Наш экземпляр – с пламявидным бойком и отходящими от него под прямым углом лопастями – близок некоторым экземплярам Тувы и Забайкалья (19, с. 32), отличаясь от них несколько меньшими размерами. Не вдаваясь в уже проделанный рядом авторов подробный анализ ярусных наконечников, следует отметить тот очень важный для нашего исследования момент, что такие наконечники характерны именно для хунну и в рассматриваемое время нигде, кроме южно-сибирских и монгольских степей, неизвестны.

Количественно преобладают в порожском колчане два типа наконечников – трехлопастные с острым углом атаки

и четырехгранные с пирамидальной головкой. Первые иногда встречаются у сарматов (5, с. 38), но редки у них. Наиболее характерны эти наконечники для оружия Средней Азии, где они появляются в III–II вв. до н. э. и широко бытуют вплоть до III в. н. э. (22, с. 78, 81). Подобные порожским крупные наконечники появляются у среднеазиатских кочевников на рубеже эр и в первых веках н. э. становятся массовым оружием. Они известны в Тулхарском, Лявандакском и Кую-Мазарском могильниках, в Тилля-Тепе, а у сарматов – в кургане 51 Сусловского могильника. Четырехгранные наконечники с пирамидальной головкой также принадлежат к традиционно сарматским типам. Они вообще редки в памятниках рубежа – первых вв. н. э. И у хунну, и в Средней Азии преобладают трехгранные. Подробно разбиравшие этот вопрос Б. А. Литвинский и И. П. Засецкая единодушно считают трехгранные и четырехгранные наконечники традиционными для Средней Азии. Уникален плоский наконечник из порожского набора. При всем разнообразии типологически близких наконечников полную аналогию ему найти не удалось. Вероятно, это реплика костяных наконечников стрел, широко известных на территории Евразии.

Таким образом, колчаный набор из Порогов имеет ярко выраженный восточный характер. В сочетании с восточным луком он, как мне кажется, может служить аргументом в пользу изложенных соображений об импортных для сарматов луках «гуннского» типа.

В составе сарматской паноплии был еще один тип оружия, который, насколько мне известно, не нашел отражения в литературе. На территории Волгодонских степей и в При-кубанье в разные годы были обнаружены бронзовые и железные втульчатые наконечники стрел, во втулки которых были вставлены, по определению исследователей, железные черенки или стержни⁴. Кроме того, в одном из погребений в Краснодарском крае⁵ у левого бедра скелета находились железные стержни в деревянном футляре, два из которых были заострены. В кургане 10 у ст. Тифлисской найден фрагмент железного стержня, оканчивающийся трехлопастным

⁴ Визенмиллер, 4/3 (24, с. 115–116); Ленинск (25, с. 22–23); ст. Калининская, 1/4, 5/10 (26, с. 38, 50).

⁵ ст. Раздольская, 7/13. Раскопки А. А. Нехаева, 1978 г., материал не опубликован.

наконечником, откованным вместе со стержнем (ГИМ, инв. № 84). Длина всех этих черенков или стержней различна – от 7,5–10 см до 33–46 см. В свое время М. Г. Мошкова предположила, что такие длинные черенки использовались для скрепления наконечника с тростниковым древком (7, с. 32). Безоговорочно признать верным это объяснение трудно: переходные стержни известны в более раннее время (20, с. 26–27), однако все они короткие и изготовлены из твердых пород дерева. Трудно представить себе, что железный черенок длиной до 46 см не повлияет на балансировку и, соответственно, на баллистические качества стрелы; недаром у столь искусных лучников, как скифы, ничего подобного не известно. Наконец, настораживает редкость таких находок: на тысячи воинских погребений приходится 7 комплексов с железными черенками. Сомнительно, чтобы при широком распространении тростниковых древков такое изобретение, если оно действительно было рациональным, использовалось столь ограниченно. И если те из черенков, которые были вставлены во втульчатые наконечники, можно рассматривать как переходные стержни, то как быть с экземплярами из Визенмиллера, Раздольской (стержень без наконечника) и особенно Тифлисской, толщина которых от 0,5 до 1 см и длина до 33 см?

Между тем, практически полные аналогии столь странному и необычному для сарматов оружию имеются в Китае. Это арбалетные болты, т. е. стрелы для арбалетов⁶. В III в. до н. э. они, как правило, биметаллические – с бронзовым втульчатым наконечником и железным древком (ср. оружие этого же времени из с. Ленинск). Великолепные экземпляры такого оружия найдены в гробнице Цинь-Шихуанди (27, табл. 20, 1). Биметаллические болты продолжают бытовать в раннеханьское время (28, табл. 48, 12, 15, 16), а в позднем Хань сменяются цельножелезными (28, табл. 58, 10). Фрагмент болта I в. н. э. из ст. Тифлисской как нельзя лучше соответствует позднеханьским. Известны в китайских материалах и сами арбалеты. В сарматских могилах они не найдены и вряд ли будут – судя по всему, это оружие попадало к сарматам случайно и редко.

⁶ Благодарю М. В. Горелика, любезно обратившего мое внимание на этот материал.

Таким образом, если изложенные соображения верны, мы можем говорить о бытовании у сарматов еще одного вида импортного оружия – китайских (а в то время других просто не было) арбалетов. Рассмотренные находки документируют начало контактов сарматов с Китаем еще в III в. до н. э. Правда, о характере их я судить не берусь – не исключено, что арбалеты попадали к сарматам не непосредственно от китайцев, а через «третьи руки» (Средняя Азия? хунну). Тем не менее, наряду с другими китайскими вещами эти находки свидетельствуют о длительности и устойчивости сарматско-китайских связей. Среди импортного метательного оружия сарматов следует упомянуть и пилум из ст. Воздвиженской (5, с. 50).

Таково импортное или сделанное по импортным образцам наступательное оружие сарматов. Значительно шире представлено импортное защитное вооружение. Прежде всего, это кельтские (по мнению М. Ю. Трейстера и Б. А. Раева, этрусские) шлемы. О них неоднократно шла речь в литературе (4; 6; 10; 11), и я подведу лишь краткие итоги исследования. Всего таких шлемов на территории Восточной Европы известно 9. Они бронзовые, относятся к типу Монтефортино по классификации Г. Робинсона. Этот тип имеет несколько хронологических разновидностей. Как считают Б. А. Раев и М. Ю. Трейстер, наиболее ранние из известных на нашей территории шлемов относятся к разновидности Монтефортино А (по Г. Робинсону; или Монтефортино С по Ф. Коарэлли). Датируются такие шлемы концом IV – первой пол. III в. до н. э. Мне кажется, что эти шлемы ближе разновидности Монтефортино В (по Г. Робинсону), которая датируется концом III–II вв. до н. э. (29, с. 19). Вероятно, прав Б. А. Раев, объединяя их в разновидность А/В, которой нет у Г. Робинсона, так как эти шлемы действительно имеют признаки и той, и другой разновидности. Наиболее поздние из исследуемых шлемов – экземпляры из хут. Веселого, Мариенталя и аула Чегем. Последний, хотя и найден в комплексе конца II–I вв. до н. э., переделан из раннего Монтефортино. Первые два близки шлемам I в. до н. э. – I в. н. э. группы С по Г. Робинсону (6, с. 110).

На территории Сарматии известны кельтские шлемы и других типов⁷. В Грушевском могильнике найден бронзовый

⁷ Материалы готовятся к публикации их исследователями, поэтому я ограничусь лишь кратким обзором.

шлем «южногреческого» типа по классификации М. В. Горелика (30, с. 14–28). Этот термин достаточно условен, что признает и сам М. В. Горелик, и введен им вместо явно неверного «фракийский». Недавно Н. Хартуче опубликовал совершенно аналогичный грушевскому шлем из Гавани (Румыния), найденный в кельтском захоронении III в. до н. э. (31, с. 122). Ссылаясь на аналогичные находки в Окна-Сибилуй, Коми-ни и Монтефортино, исследователь считает этот тип шлема кельтским или этрусским. Подобный шлем был в свое время обнаружен при случайных обстоятельствах в Краснодарском крае (32, с. 94–100).

Очень интересный железный шлем был обнаружен в комплексе II–I в. до н. э. у хут. Бойко-Понура в 1982 г. По ряду признаков он близок кельтскому шлему из Циумеши (Румыния), хотя последний несколько более ранний (33, с. 43). Наконец, в 1986 г. у г. Курганинска в Закубанье на жертвеннике сарматского времени был найден бронзовый шлем (34, с. 48) илиро-кельтского облика.

Пути проникновения кельтского оружия к сарматам уже рассматривались выше. Все они достаточно доказуемы, и каждая по-своему правдоподобна. Нужно надеяться, что дальнейшие исследования еще более уточнят наши взгляды на этот интереснейший аспект сарматской истории.

Среди импортных шлемов, употреблявшихся сарматами, известны, кроме западных, образцы иного происхождения. К ним относятся однотипные боевые наголовья из ст. Ахтанизовской и Мерджан. Нетрудно заметить общие черты этих и южногреческих (по М. В. Горелику) шлемов. Это прежде всего наличие на лобной части рельефного ребра, по бокам тульи переходящего в волюты; хорошо сохранившийся ахтанизовский шлем имеет, кроме этого, козырек, характерно отогнутый назатыльник, нащечники такой же формы, как и южногреческие. Отличает их форма тульи – вместо традиционной полусферической для южногреческого у шлемов типа ахтанизовского она колоколовидная.

Н. И. Сокольский предположил меотское происхождение этих шлемов (35, с. 165). Но меотские шлемы практически неизвестны, поэтому мысль Н. И. Сокольского не имеет подтверждения. С другой стороны, вряд ли эти шлемы являются сарматскими. Шлемы типа ахтанизовского, скорее всего, сформировались на эллинистическом Востоке. Только там колоколовидная тулья являлась в античное время традици-

онной. Такие важные детали, как козырек, назатыльник, нащечники, которые повышали боевые качества шлема, быстро привились на местной основе. В качестве аналогии можно привести изображение подобного шлема на монете селевкидского царя Трифона (142–139 гг. до н. э.) из Сирии (36, с. 12). Хотя в силу характера вещи изображение весьма условное, все же отчетливо видны козырек, налобное ребро с волютами, отогнутый назатыльник, нащечники.

Этническая атрибуция ахтанизовского и мерджанского комплексов затруднительна, так как оба найдены при случайных обстоятельствах. Однако ряд признаков (наличие фаларов, характерных украшений, изображений) позволяет предположить их сарматскую принадлежность. Первый датируется концом II–I вв. до н. э. (37, с. 31). Комплекс из Мерджан, содержащий два фрагментированных шлема, найден при случайных обстоятельствах, и трудно что-либо определенно сказать о его дате. Золотые вещи, найденные в Мерджанах, отнесены М. И. Ростовцевым к III в. до н. э. (38, с. 137), но нет уверенности, что шлемы были найдены вместе с ними.

Имеются и импортные сарматские доспехи, прежде всего кольчуги. Вопросы ее генезиса и появления на исследуемой территории весьма дискуссионны. Н. И. Сокольский и Е. В. Черненко считают, что древнейший образец кольчуги на нашей территории происходит из погребения IV–III вв. до н. э. Васюринской горы (39, с. 11; 40, с. 55). Основанием для такого вывода служит то обстоятельство, что более поздних погребений в кургане нет (40, с. 55). Сохранившиеся фрагменты кольчуги из Васюринской горы ничем не отличаются от более поздних сарматских, и, на первый взгляд, выводы Н. И. Сокольского и Е. В. Черненко верны. В таком случае этот экземпляр древнейший не только на нашей территории, но и во всем мире. Однако среди опубликованных М. И. Ростовцевым материалов из конских погребений этого памятника имеются вещи явно более поздние. Это кольцо с обоймой для ремня и грибовидная подвеска – типичные детали позднесарматской узды (41, табл. 18, 10, 11). Без сомнения, при тогдашней несовершенной методике раскопок была допущена ошибка, и находившееся в кургане поздне-сарматское погребение (или иной комплекс) осталось незамеченным. Во всяком случае, главный аргумент в пользу датировки кольчуги из Васюринской горы IV–III вв. до н. э.

несостоятелен, так как именно более поздние материалы в нем есть. Скорее всего, эта кольчуга и найдена в каком-то впускном позднесарматском комплексе.

Вопрос о происхождении кольчуги достаточно сложен. Тем не менее исследователи в любом случае исключают возможность изобретения ее на нашей территории (5, с. 60). Наиболее ранние изображения кольчуги имеются на рельефах Пергамского алтаря на галатских наемниках (29, с. 164). Г. Робинсон приводит сообщение Варрона о том, что изобретателями кольчуги были галлы, от которых этот до-спех стал известен римлянам. Это свидетельство современника особенно ценно. На ряде римских рельефов I в. до н. э. уже широко представлена кольчуга. Это триумфальный фриз Эмилия Павла в Дельфах, так называемый алтарь Домициана Агенобарба, статуя галла из музея Гранет, О-эн-Прованс и др. Показательно и то, что на более восточных территориях нет ни археологических, ни иконографических материалов по кольчуге древнее I в. до н. э. Таким образом, точка зрения Г. Робинсона о кельтском (галльском, галат-ском) происхождении кольчуги в III в. до н. э. мне кажется аргументированной. И в этом случае кольчуга никак не могла оказаться в погребении Васюринской горы, которое минимум на полвека старше времени ее изобретения.

Импортными являются найденные в нескольких сарматских погребениях (ст. Воздвиженская, Зубовский курган, Никольский могильник 2/1, Лысая Гора, Высочино VII, 15/1) комбинированные доспехи, в которых кольчужная основа была усилена, очевидно, на груди, бронзовыми и железными чешуйками с вертикальным ребром по оси (Никольский могильник) или полусферическими выпуклостями по нижнему краю (Лысая Гора). Ближайшие аналогии имеются среди остатков доспехов, найденных в римских лагерях на территории Великобритании и континентальной Европы, а также на Ближнем Востоке. Бронзовые чешуйки с округлыми нижними краями и центральным вертикальным ребром обнаружены в Ньюстедде (Великобритания), Ауддорпе (Нидерланды), бронзовая кольчуга с такими же чешуйками хранится в музее Аугсбурга (29, с. 173). Подобные чешуйки найдены в римских слоях Масады в Израиле (42, с. 54), что дало возможность Е. В. Черненко также предположить римскую принадлежность зубовско-воздвиженских доспехов (40, с. 30).

Комплексы, в которых найдены доспехи этого типа, датируются I в. н. э., и пути проникновения к сарматам защитного вооружения ясны – в это время они в очередной раз вступают в военные контакты с имперской армией. Я имею в виду события 49 г. н. э., когда аорсы в союзе с римлянами разгромили боспорско-сиракскую коалицию, созданную мятежным Митридатом VIII. Сарматы могли познакомиться с кольчугой несколько раньше, во время Митридатовых войн.

Интересный доспех найден в нескольких захоронениях II—III вв. н. э. Золотого кладбища (ст. Казанская, 2/1, 17/1, 20/1; Ладожская, 26/1, 28/1; Тбилисская, 3/1). Несмотря на то, что все эти погребения ограблены, они дают устойчивое сочетание следующих элементов доспеха: большие прямоугольные пластины (размеры сохранившегося экземпляра 18 X 7 см), мелкие чешуйки с треугольным нижним краем и полусферической выпуклостью в нижней части и узкие дуговидные пластины с вертикальным бортиком и отверстиями вдоль него. На некоторых фрагментах сохранились один-два ряда мелких чешуек с выпуклостями, заходящие на большую прямоугольную пластину. Реконструировать этот доспех пытался, и не без успеха, еще Э. Ленц (43, с. 129). Он справедливо полагал, что крупные пластины и чешуйчатый набор были прикреплены к одной кожаной подкладке. Узкие дуговидно изогнутые пластины, по его мнению, служили для защиты плеч. И здесь он близок к истине с той поправкой, что они, вероятно, окантовывали проймы для рук. Совершенно аналогичные пластины панциря, найденного в Тразименском озере, помещаются именно там (29, с. 153, рис. 434). В раскопках Э. Ленца были большие прямоугольные целые пластины трех размеров: 9,5, 12 и 16 см длины. Сейчас они все фрагментированы, и мне удалось восстановить лишь одну, 18 X 7 см, из к. 2 у ст. Казанской. Как и все пластины доспеха из этого кургана, она плакирована золотом, в одном углу сохранилась заклепка.

Среди известного мне археологического материала ничего подобного обнаружить не удалось. Однако на граффито III в. н. э. из Дура-Европос, изображающем, по мнению Г. Робинсона, парфянского клибанария (29, с. 186), изображен доспех, имеющий все элементы исследуемого. Подобными пластинами защищены руки воина на мето-пе II в. н. э. из Адамкисси (29, с. 170, рис. 477). Несмотря на условность

источника, есть все основания считать доспехи Золотого кладбища принадлежащими тому же типу, что снаряжение клибанария с граффито из Дура-Европос. В таком случае мы имеем дело с еще одним им-

портным доспехом – на сей раз парфянским. Его появление у сарматских воинов легко объяснимо в контексте оживленных военно-политических контактов сарматов с восточными провинциями Империи (5, с. 80).

Наконец, еще один тип импортного доспеха — железная кираса из 1-го Прохоровского кургана (44, с. 13–14). Для исследуемого периода кираса является доспехом архаичным. Широкое их распространение в классической и раннеэллинистической Греции приходится на V—IV вв. до н. э. (40, с. 130). Позже во всем античном мире она сменяется панцирями других типов. Наиболее поздние находки кирас относятся к III в. до н. э. Хотя в римской скульптуре и на рельефах кирасы изображаются и в первые вв. н. э., Г. Робинсон считает, что это была дань традициям эллинистического искусства (29, с. 147).

Таким образом, прохоровская кираса едва ли не самый поздний экземпляр этого типа доспехов. Необычен и материал — большинство кирас бронзовые. К сожалению, вскоре после находки доспех был разбит (44, с. 5 ел.), не восстанавливался, и исследовать его очень сложно. Судя по фотографиям и описанию фрагментов, он не имел, подобно классическим, выделенной мускулатуры торса, состоял из двух частей: нагрудной и наспинной; проймы для рук, вырез для шеи и низ кирасы были оконтурены приклепанными изогнутыми пластинами. Конструктивно он также отличается от античных бронзовых кирас. Общее лишь то, что он состоит из двух половин. На этом возможности исследования исчерпываются.

Известны у сарматов и импортные щиты, железные «стожковатые» умбоны которых найдены в Садовом кургане и могильнике Высочино. Исследовавший их М. Б. Щукин (3, с. 49) справедливо связывает появление таких щитов с контактами сарматов и германцев во второй половине I в. н. э. в Верхнем Поднестровье, где соприкасаются ареалы сарматской и пшеворской культур. Находки деталей щитов на Нижнем Дону еще раз подчеркивают мобильность сарматских войск и динамичность исторических связей этого времени. Предложенный обзор импортного оружия из сармат-

ских памятников отнюдь не претендует на исчерпывающее решение проблемы. Он лишь намечает основные группы материалов и вероятные пути проникновения в сарматскую среду образцов импортного оружия. В раннесарматское время это походы галатов на западе и юго-западе и контакты с циньским и ханьским Китаем. Последние, в силу ограниченности источников, пока еще едва улавливаются. В средне- и позднесарматское время к сарматам попадает римское вооружение и некоторые образцы восточного, среднеазиатско-парфянского, оружия. Историческим фоном этого проникновения являлись постоянные военно-политические контакты сарматов с Империей на ее восточных границах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья. — КСИА АН СССР, 1973, вып. 138.
2. Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хут. Арпачин. — СА, 1979, № 1.
3. Щукин М. Б. Умбон щита из кургана «Садовый» (к вопросу о сармато-германских контактах). — АЦВМ, Новочеркасск, 1987.
4. Шилов В. П. Кельтские шлемы на территории степей Восточной Европы. — Проблемы советской археологии. М., 1978.
5. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
6. Симоненко А. В. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы. — Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.
7. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1–10.
8. Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа. — КСИА АН СССР, 1980, вып. 167.
9. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983.
10. Трейстер М. Ю. Этрусский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения. — АЦВМ, Новочеркасск, 1987.
11. Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. — BAR International Series, 268. Oxford, 1986.
12. Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. — III в. н. э. Дисс. канд. ист. наук. К., 1986.
13. Симоненко А. В. Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н. э. — АЦВМ, Новочеркасск, 1987.
- Н. Ильинская В. А., Мозолева Б. Н., Тсреножки А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В кн.: Скифия и Кавказ Киев, 1980.
15. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1–9.

16. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Т. 2. М., 1974.
17. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— САИ, 1966, вып. Е1—36.
18. Werner J. Bogenfragmente aus Carnuntum und der unteren Wolga — ESA, T. 7, 1932.
19. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
20. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
21. Засецкая И. П. Погребение у с. Кызыл-Адыр Оренбургской обл. (к вопросу о хунно-гуннских связях). — Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982.
22. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, 1965, № 2.
23. Засецкая И. П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв. н. э.). В кн.: История и культура сарматов. Саратов, 1983.
24. Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.— ИКИИЮВО, т. I. Саратов, 1926.
25. Шилов В. П. Отчет о работе Астраханской экспедиции в 1956 г.— НА ИА АН СССР. Д. 1314.
26. Марченко И. И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани.— Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, Изд-во КГУ, 1984.
27. Ян Хун. Сборник статей о древнем оружии Китая. Пекин, 1980 (кит. яз.).
28. Чжоу Вэй. Очерки истории китайского оружия. Пекин, 1957 (кит. яз.).
29. Robinson G. The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
30. Горелік М. В. Про «фракійські» шоломи. — Археологія, 1983 № 44.
31. Hartuche N. La tombe princiere Thraco-Gete de Havani dept de Braila.— Thracia-Pontica II. Jambol, 1975.
32. Анфилов И. Н. Новые находки бронзовых античных шлемов IV—V вв. до н. э. на северо-западном Кавказе.— Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
33. Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров IV—I в. пр. н. е. София, 1984.
34. Каминский В. К, Берлизов Н. Е. Раскопки кургана-кладбища в городе Курганинске в Восточном Закубанье.— Древности Кубани. Краснодар, 1987.
35. Соколовский Н. И. Военное дело Боспора. Дисс. канд. ист. наук. М., 1954.
36. Gamber O. Kataphracten, Glibanarier, Normannenreiter.— Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien. Wien, 1968, Bd. 64.
37. Амброза К. Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1—30.
38. Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49.
39. Соколовский Н. И. Военное дело Боспора. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1954.
40. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
41. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1914.
42. Jadin J. The Art of Warfare in Biblican Lands. Jerusalem, 1963.
43. Ленд Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области. — ИАК, 1902, вып. 4.
44. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918.
45. Клейн Л. С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону. В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1979.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

И КОЧЕВНИКИ В VII—VI вв. до н. э.

(к проблеме первых контактов)

Греческие переселенцы, основавшие свои колонии на северном побережье Черного моря, встретили здесь многочисленные племена варваров, своеобразие внешнего вида и образа жизни которых нашло свое отражение на страницах «Истории» Геродота. Греки столкнулись и вступили в контакты с носителями двух различных хозяйственно-культурных типов – оседлыми земледельцами лесостепи и кочевниками, занимавшими зону степей Восточной Европы. Несомненно, что контакты греков с кочевниками были принципиально иными, чем их связи с оседлым земледельческим населением.

В настоящей работе мы попытаемся, опираясь на археологические источники, приблизиться к пониманию своеобразия взаимодействий греческих центров Северного Причерноморья и кочевников в эпоху архаики. Это время представляет собой особый период в истории становления и развития греко-варварских взаимодействий. Нижняя граница его определяется возникновением поселения на о. Березань в 647/6 или 646/5 гг. до н. э. Концом периода можно считать рубеж VII—VI или первую четв. V в. до н. э., когда в Северном Причерноморье фиксируется ряд существенных перемен: прекращается деятельность поселений Ольвийской хоры в первой четв. V в. до н. э. (1, с. 142), существование ряда крупных варварских городищ правобережного Приднепровья (Немировское, Трахтемировское) в нач. V в. до н. э., на це-

лом ряде укрепленных городищ левобережного Приднепровья фиксируются пожары (2, с. 14).

На Боспоре, согласно свидетельству Диодора Сицилийского (VII, 31, 1), в 480 г. до н. э. власть сосредоточивается в руках Археанактидов. Принято считать, что это сообщение свидетельствует об объединении греческих центров Керченского полуострова (3, с. 100).

Эти факты позволяют говорить о второй пол. VII – первой четв. V в. до н. э. как о периоде стабильных и относительно мирных отношений между греческими колонистами и автохтонным населением (4, с. 37).

Очевидно, в конце этого периода в целом существенно меняется и система греко-варварских связей, хотя в отдельных случаях, несомненно, могли сохраняться тенденции более раннего времени.

Основными археологическими источниками наших знаний о контактах между греками и номадами являются находки греческих вещей в степных комплексах, а также вещи, связанные с жизнью кочевников, из древнейших слоев античных поселений.

В настоящее время известны 12 памятников кочевого населения, содержащих греческие вещи. Это отдельные погребения, разбросанные по всей территории степи, а также случайные находки из разрушенных погребений.

Четыре комплекса были расположены в Северо-Западном Причерноморье – погребения у с. Анновка, «близ Херсона» (точное место находки неизвестно), Литой курган (Мельгуновский клад) и Острая Томаковская могила на правом берегу степного течения Днепра (5, с. 59 сл.); четыре погребения – Темир-Гора (6), Филатовка (7), у с. Золотое (8) и у с. Колоски (9) в Крыму и, наконец, четыре комплекса происходят из района степного течения Дона – курганы у с. Ново-Александровка (10), близ Азова, на р. Калитве и р. Цуц-кан (11, с. 90 – 111).

Курганы Темир-Гора, Филатовка, Цуцкан надежно датируются второй пол. VII в. до н. э. по находкам восточногреческой керамики; к рубежу VII—VI вв. до н. э. относится Литой курган; концом VI – нач. V в. до н. э. датируется погребение в Острой Томаковской могиле; все остальные памятники относятся к VI в. до н. э.

Большинство погребений представляют собой подкурганные захоронения по обряду трупоположения, характерные

для степной зоны Северного Причерноморья в эпоху архаики. От них резко отличаются погребения в Литом Кургане и на р. Калитва, совершенные по обряду трупосожжения. При сооружении этих памятников использовался камень. Кроме того, эти два самых северных памятника в рассматриваемой группе отличаются от прочих по богатству погребального инвентаря, в состав которого входили золотые вещи, парадная восточная мебель (12, с. 69). Все эти комплексы традиционно связывают с кочевыми скифами (13, с. 88).

Однако не исключена возможность, что в конце VII–VI вв. до н. э., в степях Северного Причерноморья могли обитать и различные этнические группировки, объединенные в рамках единого хозяйственно-культурного типа – кочевого скотоводства. Такая картина представляется вполне вероятной — она часто имела место и в более поздние эпохи, при завоевании степных пространств новой волной кочевников. При этом, с одной стороны, происходит как бы нивелировка черт погребального обряда (отдельные погребения разбросаны по всей степи, «богатые» погребения единичны), с другой стороны, в его рамках можно проследить самые разнообразные черты — как новые, привнесенные, так и особенности обряда, господствовавшего здесь в предшествующую эпоху (14, с. 16 сл.; 15, с. 231).

В настоящее время мы не можем однозначно ответить на вопрос об этнической принадлежности степных древностей VII–VI вв. до н. э., хотя большинство из них, несомненно, связаны с кочевыми скифами, и не должны исключать возможности того, что в это время в сферу греко-варварских связей могли быть вовлечены другие группировки кочевников.

В советской археологической литературе была высказана точка зрения о том, что на раннем этапе существования греческих поселений Северного Причерноморья основные торговые интересы греков были направлены на лесостепные районы, контакты же с кочевниками были случайными и единичными (5, с. 39; 16, с. 49 сл.; 17, с. 59). Это мнение базируется на численном преобладании находок греческих изделий VII–VI вв. до н. э. в лесостепи по сравнению со степной зоной. Однако следует отметить, что для интересующей нас эпохи лучше воздерживаться от выводов, сделанных на основе количественного сопоставления памятников двух зон. В это время степная зона Восточной Европы вообще чрезвы-

чайно бедна археологическими памятниками: здесь известны лишь отдельные погребения и случайные находки. В зоне же лесостепи подобного «археологического запустения» нет: здесь существовали многочисленные крупные городища, селища, могильники (18, с. 230 сл.).

По одной из существующих сводок, для степной зоны Северного Причерноморья известно 24 погребения второй пол. VII–VI вв. до н. э. (19), по другой, учитывающей памятники, широко датирующиеся концом VI—V вв. до н. э., таких комплексов более 30 (20, с. 9 сл.). Таким образом, в самом «худшем» случае, одна треть степных комплексов Северного Причерноморья архаической эпохи содержит греческие вещи. Интересно отметить, что в районе правобережного лесостепного Приднепровья, куда, как принято считать, шел основной поток греческого импорта (5, с. 40 сл.), доля памятников, содержащих античные вещи, несколько меньше. Так, например, лишь четвертая часть погребений VII–VI вв. до н. э., известных в бассейне р. Тясмин, отражает греко-варварские связи. Однако, если в дальнейшем, при открытии новых памятников степной зоны, соотношение количества памятников с греческим импортом и общего количества останется прежним (1/3), это, очевидно, позволит более определенно говорить о чрезвычайно интенсивных контактах греков с кочевым миром Северного Причерноморья.

Пока же отметим, что греческий импорт, попадающий в степь, был достаточно многообразен и включал парадную (Темир-Гора, Филатовка, Калитва, Цуцкан) и простую (Золотое, «близ Херсона») столовую посуду, амфоры (Колоски, Ново-Александровка), золотые украшения (Литой курган, Томаковка), бронзовые зеркала (Анновка, «близ Херсона»), парадное оружие (Томаковка), металлические сосуды (Литой курган).

О времени установления контактов между греческими колонистами и кочевым населением степи можно судить по находкам самых ранних греческих вещей в степных погребениях.

Самой ранней греческой вещью, найденной в кочевническом погребении, является известная родосско-ионийская ойнохоя из кургана на Темир-Горе близ г. Керчь (21, с. 156).

Время ее изготовления – 40-е годы VII в. до н. э. К 635 – 625 гг. до н. э. относится ойнохоя из кургана у с. Филатовка (7, с. 103). Интересно отметить, что самый ранний греческий

материал из района лесостепи – фрагменты родосско-ионийских сосудов из Немировского городища в Побужье – немного «моложе» ойнохой из Темир-Горы и относятся к последней четв. столетия (21, с. 157 сл.). Это обстоятельство позволяет допустить, что греческие переселенцы вступили в контакты с непосредственными соседями-кочевниками несколько раньше, чем с оседлым земледельческим населением лесостепных районов.

Несколько предположений можно высказать о том, откуда попадали к кочевникам греческие вещи и как они распространялись в степном мире. Очевидно, для памятников Северо-Западного Причерноморья источниками торговых контактов являлись греческие поселения Нижнего Побужья – сначала Березань, затем Ольвия. Сложнее дело обстоит с более восточными памятниками.

В литературе было высказано предположение, что ойнохой из Темир-Горы попала к местному населению из Пантикапея (22, с. 183; 23, с. 15). Решающим аргументом послужил тот факт, что курган на Темир-Горе расположен в непосредственной близости от Пантикапея. Однако греческий сосуд из Темир-Горы старше самого раннего материала из Пантикапея (24, с. 79). Скорее всего, курган на Темир-Горе был сооружен до его основания.

Фрагменты ойнохой, стилистически чрезвычайно близких к ойнохое из Темир-Горы и даже, по предположению Л. В. Копейкиной, изготовленных с ней в одной мастерской, были найдены на Немировском городище в Побужье (21, с. 158). То, что эти сосуды попали на городище из греческих центров Побужья-Поднепровья, скорее всего, с поселения на о. Березань, не вызывает сомнения (5, с. 39 сл.; 16, с. 5). Скорее всего, из этого же центра попала к кочевникам и ойнохой из Темир-Горы. В пользу «тяготения» погребения в кургане на Темир-Горе к более западным районам свидетельствует и картирование аналогий негреческим вещам из этого комплекса: они сосредоточены в районе правобережного Приднепровья (6; 25; 26, с. 70).

Как мы пытались показать, через район Восточного Крыма в эпоху архаики проходил путь регулярных миграций скифов, связывавший степное Приднепровье и Кубань (27, с. 157 сл.). Этот путь упоминается в сообщении Геродота (IV, 28); в пользу его существования свидетельствуют и многочисленные данные археологии (27, с. 159 сл.). Представ-

ляется более чем вероятным, что курган на Темир-Горе, расположенный недалеко от самой узкой части пролива, наиболее удобной для переправ, содержал погребение скифского аристократа, похороненного у наиболее трудно преодолимого рубежа степного пути.

Скорее всего, на этом же пути было оставлено и погребение у с. Филатовка, недалеко от Перекопа. Обычай же кочевников насыпать курганы вдоль главных степных «дорог» хорошо известен исследователям (28).

Не исключена возможность, что погребение в Томаковском кургане конца VI – нач. V вв. до н. э. также оставлено на пути миграций кочевников. Этот памятник расположен в непосредственной близости от знаменитой Кичкаской переправы через Днепр, известной по средневековым письменным источникам с X в. (29, с. 236) и в XVII в. считавшейся излюбленной переправой татар (30, с. 24). О том, что переправа использовалась и в скифскую эпоху, возможно, свидетельствует появление здесь Кичкаского могильника в IV в. до н. э. (31, с. 63).

Если допустить, что погребение в Томаковке могло находиться на том же сезонном пути в Предкавказье, что и погребения Темир-Горы и Филатовки, это, несомненно, усилит гипотезу Н. А. Онайко о том, что парадный меч из этого комплекса был получен скифами в результате контакта с греческим населением Боспора (32, с. 170).

В районе степного течения Дона результатом контактов варваров с греческими поселениями Нижнего Побужья-Приднепровья является фрагмент фигурного сосуда конца VII в. до н. э., найденный на р. Цуцкан. К сожалению, мы не можем судить, является ли это погребение захоронением кочевника, мигрировавшего на Дон из более западных районов, или же греческий сосуд достиг Подонья в результате интенсивного межплеменного обмена.

Что касается погребения у с. Ново-Александровка, то обряд погребения и инвентарь (колчанный набор, костяная головка) сближает его с памятниками типа Темир-Горы, расположенными в более западных районах. К сожалению, уникальность найденной в этом комплексе греческой амфоры затрудняет решение вопроса о пути ее проникновения в туземный мир. Вполне вероятно, что кочевники получили ее из греческих поселений Боспора; транспортировка сосуда по степи из Нижнего Побужья представляется мало вероятной.

Греческий одноручный сосуд из кургана у с. Золотое, возможно, попал к кочевникам из античных центров Боспора, так же как и кувшин с росписью в виде полос и волнистых линий из кургана под Азовом.

О присутствии в составе населения первых греческих поселений Северного Причерноморья выходцев из степной зоны говорят находки керамических форм степных типов в слоях и комплексах VI в. до н. э. античных поселений Нижнего Побужья (33, с. 118) и Боспора (34), а также отдельные погребения кочевников (35, с. 63–73).

На основе краткого обзора немногочисленных археологических источников можно прийти к заключению о том, что первые контакты между греческими поселенцами и кочевниками степной зоны Северного Причерноморья были установлены во второй половине VII в. до н. э., вскоре после основания здесь греческих поселений. Контакты греков с оседлым населением лесостепи были установлены, очевидно, на несколько десятилетий позже.

В VII в. до н. э. источником греко-варварских контактов было поселение на о. Березань. Греческий импорт, попадавший к кочевникам в VII–VI вв. до н. э., был достаточно разнообразен, а связи кочевников с греческими центрами довольно интенсивными. Отдельные находки греческих импортных вещей хорошо «привязываются» к сухопутному пути скифских миграций.

Скудную археологическую картину взаимоотношений греческих центров с населением степи в эпоху архаики можно дополнить данными этнографии и историческими параллелями о контактах обществ, базирующихся на разных типах культурно-хозяйственной деятельности, в нашем случае – развитых земледельческих цивилизаций и кочевников.

Появившись в Северном Причерноморье, греки встретили в степной зоне этого региона кочевое общество, в котором «...основной хозяйственный тип, основной способ добывания жизненных благ состоял в экстенсивном подвижном скотоводстве» (36, с. 2), причем «с возникновения и до упадка и разложения кочевничества способы и приемы ведения кочевого хозяйства, его технический уровень, если и изменялись, то незначительно» (37, с. 285). Специфика хозяйственной деятельности кочевых обществ была тесно связана с определенной социальной структурой (38, с. 87 сл.).

Как нам представляется, в сфере взаимодействий кочевых обществ с более развитыми цивилизациями должны проявляться некоторые общие, характерные для всех эпох, закономерности.

Общеизвестно, что кочевое общество всегда было более «открытым», чем общество земледельцев, так как, в силу узкой специализации кочевого хозяйства, постоянно испытывало необходимость в ремесленных изделиях и продуктах сельского хозяйства (39, с. 43; 40, с. 7 сл.).

Поэтому быстрое установление контактов между греками и степными варварами, последовавшее вскоре после основания первых греческих колоний Северного Причерноморья, представляется вполне естественным и закономерным не только потому, что кочевья кочевников располагались в непосредственной близости от греческих центров, но, в основном, из-за чрезвычайно высокой «контактной» активности кочевников. Возможно даже, что первые контакты были установлены по инициативе кочевников, заинтересованных в получении продуктов греческого ремесла.

Эти связи не могли быть случайными и не могли развиваться стихийно, так как обычно кочевники стремились завязать регулярный товарообмен с земледельческими державами (41, с. 278 сл.; 42, с. 135). Так, например, после распада империи Чингиз-Хана часть монголов, перешедшая вновь к кочевому образу жизни и совершавшая некоторое время набеги на китайские земли, всячески стремилась к установлению регулярного обмена товарами с минским Китаем (39, с. 129 сл.).

С другой стороны, установление торговых контактов между кочевниками и земледельческими государствами являлось для последних не только источником получения продуктов скотоводства. Земледельческие народы часто вынуждены были вступать в контакты с сильной кочевой ордой независимо от степени своей заинтересованности, так как плохие отношения с номадами могли привести к набегам, грабёжам, разорению и даже гибели поселений земледельцев (43, с. 21; 44, с. 146). Об этом ярко свидетельствует, например, обращение правителя хунну к китайским чиновникам, доставившим в его ставку китайские товары по договору о мире и родстве во II в.: «...не нужно много говорить: посмотрите лучше, чтобы шелковые и бумажные ткани, равно снадные вещи, были в полном количестве, притом доброт-

ные и лучшие, ...а если недостаточно и притом худого качества, то в наступающую осень пошлем конницу потоптать хлеба на корню» (45, с. 29).

О значительной роли вождей и военных предводителей варваров в установлении и регулировании торговых отношений достаточно много писалось в научной литературе (46, с. 6; 50).

Как нам представляется, в сфере торговых контактов греческих центров с населением степи были тесно переплетены экономический и политический аспекты. Возможно, эти контакты были одним из факторов обеспечения мирной обстановки в Северном Причерноморье в течение VII–VI вв. до н. э., которая способствовала возникновению и нормальному функционированию поселений Ольвийской хоры во второй половине VI в. до н. э.

В силу узкой специализации кочевого хозяйства, ассортимент продуктов для обмена всегда был довольно ограничен, что подтверждается многочисленными историческими параллелями. Обычно кочевники сбывали своим соседям-земледелцам скот (в основном лошадей), шерсть, продукты охоты, меха (47, с. 278; 48, с. 59 сл.). Кочевники, как правило, также активно занимались работоторговлей (49, с. 81; 50, с. 244). От оседлого населения кочевники обычно получали продукты земледелия, ткани, вино, оружие, украшения и другие предметы роскоши (39, с. 43; 42, с. 133).

Греческие импортные вещи, найденные в степных погребениях Северного Причерноморья в эпоху архаики, не противоречат этой традиции. Однако, как нам представляется, в эту эпоху кочевники не могли получать из греческих центров продукты земледелия, так как, очевидно, в них испытывали нужду сами греческие переселенцы.

Торговые сделки с кочевниками средневековья и нового времени заключались обычно в форме натурального обмена (51, с. 212 сл.), так как слабое развитие ремесел приводило к тому, что товарно-денежные отношения в степи либо отсутствовали, либо были выражены чрезвычайно слабо. Примечательно, что даже в конце XIX – начале XX вв. у бедуинов Северной Аравии, вовлеченных в сферу международной капиталистической торговли, наряду с денежной существовала и была широко распространена обменная форма торга (48, с. 35).

Данные этнографии дают возможность судить о том, где могли заключаться торговые сделки с кочевниками. Постоянно упоминаются иноземные купцы в кочевом мире¹. В литературе существуют многочисленные упоминания о том, что кочевники также охотно съезжались к поселениям и городам, а также на специально созданные пограничные рынки с целью заключения торговых сделок.

Так, в XVI в. ногайцы с табунами лошадей добирались до самой Москвы (52, с. 90). С древних времен кочевники съезжались для торговых сделок в города Средней Азии и Сибири (53, с. 15 сл.).

Этнографические параллели помогают понять процесс проникновения кочевников в состав населения земледельческих центров. Как правило, к оседлой жизни чаще переходили представители беднейшей части общества, кочевники, потерявшие скот или в силу каких-то причин не способные больше вести кочевой образ жизни (51, с. 200; 37, с. 191; 54, с. 294). Предположение о том, что в VI в. до н. э. на территории греческих поселений селились в основном малоимущие представители кочевого мира, согласуется с мнением о том, что варвары, проживающие в греческих колониях в VII–VI вв. до н. э., не играли никакой роли в их общественной жизни и даже, возможно, представляли собой полувисимое от греков население (1, с. 141).

Яркий пример проникновения кочевников в города — появление монголов в китайских поселениях (39, с. 192). Обычно монголы становились чернорабочими, мещанами, мелкими домовладельцами. Китайские города и поселки наводнялись монгольскими женщинами, занимавшимися гетеризмом.

Часто кочевники, жившие в городах, не теряли связи со степью, занимаясь «традиционными» работами — транспортировкой торговых караванов, нанимаясь на шерстомойки, на работы, связанные с уходом за скотом (48, с. 33; 37, с. 115).

¹ Так, к древним монголам проникают торговцы из Средней Азии; позднее, после распада империи Чингиз-Хана — китайские купцы, а с XVII века к ним присоединяются и русские (39, с. 190 сл.). В XVI в., после присоединения Сибири к России, торговать с ногайской кочевой ордой приезжали русские и бухарские купцы (53, с. 16 сл.). Интересно, что еще в нач. XX в. в старых городах Средней Азии сохранялся древний институт «торгового друга» — посредника в торговле скотом, пригонявшимся на городские базары кочевниками (41, с. 278).

Кочевники, перешедшие к оседлости или полuosедлости на территории чужих городов, обычно не составляли изолированной группы, быстро перенимали культуру оседлого населения, теряли свое этническое самосознание и растворялись в местной среде (43, с. 26; 54, с. 295). Поэтому, как нам кажется, у нас никогда не будет возможности на основе данных археологии выделить в греческих колониях комплексы, связанные с выходцами из степи.

Об их присутствии в составе населения будут по-прежнему свидетельствовать лишь находки лепной керамики степных типов².

Как нам представляется, греческие переселенцы, осваивающие северное побережье Черного моря и заставшие в непосредственной близости от своих поселений скифскую кочевую орду, не могли избежать быстрого установления торговых связей с этой ордой. Торговые отношения с кочевниками могли служить гарантией относительной безопасности греческих поселений, возможно, греки были заинтересованы в контактах с кочевниками, так как нуждались в продуктах скотоводства. Мы не знаем находок монет в степных комплексах этого времени, следовательно, сделки заключались в форме натурального обмена. Очевидно, обмен со скифами носил натуральный характер и в последующие эпохи (ср: 55, с. 213).

О том, где могли заключаться торговые сделки между греческими колонистами и кочевниками, мы, к сожалению, можем высказывать лишь предположения, основанные на исторических параллелях. Кочевники Северного Причерноморья архаической эпохи, вполне возможно, могли наезжать в греческие поселения.

Не исключена возможность поездок греческих купцов в стойбища кочевых варваров. К сожалению, на основании находок греческих вещей VII–VI вв. до н. э. в степных комплексах нельзя решить, каким образом они были получены номадами в том или ином конкретном случае, однако распространение отдельных вещей связано с путем сезонных миграций кочевников из Приднeпровья на Кубань через Восточный Крым и Керченский пролив.

² Интересно, что о присутствии половецкого населения в составе средневековых славянских поселений на юге СССР (Судак, Тмутаракань, Белая Вежа) мы также можем судить лишь по находкам в их ранних слоях лепной половецкой посуды (51, с. 203 сл.).

С VI в. до н. э. начинается приток какой-то части степного населения в греческие колонии. Скорее всего, большинство этих переселенцев происходили из беднейших слоев кочевого общества, которые более или менее быстро теряли свое этническое «лицо».

Как нам представляется, для этого времени можно говорить и о начале воздействия греческого искусства на искусство и идеологию скифского мира. Известно, что со второй половины VII в. до н. э. в Северном Причерноморье распространяются изделия в «скифском зверином стиле» (56, с. 160; 57). В настоящее время большинство исследователей признают, что изображения животных и сцен «терзания», широко распространенные в искусстве Северного Причерноморья скифской эпохи, не сводятся к изображениям орнаментально-декоративного характера, а тесно связаны с духовной жизнью варваров (58; 59, с. 110). Некоторые исследователи считают, что так называемый «скифский звериный стиль» представляет собой систему мировоззрения, выраженную средствами прикладного искусства, а в изображениях животных видят божества скифского пантеона (60; 61; 62).

Изображения животных, которыми были украшены ро-досско-ионийские сосуды, имели эквиваленты в скифском искусстве архаической и классической эпох. Возможно, что животные, представленные на античной керамике, попавшей в туземный мир Северного Причерноморья, рассматривались его населением как мифологические существа, входившие в местную систему религиозных представлений.

К кругу греческих вещей, которые могли цениться кочевниками не только в качестве предметов роскоши, но и за их «смысловую нагрузку», можно отнести и зеркало с ручкой-подставкой в виде задрapированной женской фигуры, окруженной изображениями животных (5, табл. 18–64, с. 58).

В качестве примера подобного переосмысления греческих изображений в инокультурной среде может служить фрагмент греческой вазы первой трети VI в. до н. э. из святилища в Карнаке в Египте (65, с. 155, рис. 40 а), на котором изображена священная ладья Диониса, которую несли и сопровождали люди. Подобные процессии были известны в Афинах и в Восточной Греции. Однако, торжественное несение «ладьи Амона» ежегодно имело место в Карнаке (65, с. 154,

рис. 406). Как отмечал Дж. Боардман, греческий сосуд был поставлен в египетское святилище не вследствие случайного совпадения, а намеренно помещен туда как «очень подходящий»³.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы можем допустить, что изображения на греческой керамике и изделиях из металла, которые сбывались кочевникам в VII—VI вв. до н. э., имели эквиваленты в искусстве Северного Причерноморья и могли осмысляться варварами на основе местной идеологии. Сбыт сосудов, в декоре которых присутствовали изображения животных, мог облегчить установление греко-варварских связей в VII в. до н. э. Бытование греческой художественной керамики в туземной среде могло, в свою очередь, способствовать развитию и утверждению здесь «звериного стиля» в его причерноморском варианте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1.
2. Моруженко А. А. Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху. В кн.: Скифский мир. Киев, 1975,
3. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 2. М.—Л., 1958.
4. Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. — Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина, ч. 1, Кироваград, 1987.
5. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднпровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966.
6. Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе. — СА, 1972, № 3.
7. Корпусова В. Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму. — ВДИ, 1980, № 2.
8. Масленников А. А. Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове. — КСИА, 1980, вып. 162.
9. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифскую эпоху. — СА, 1982, № 4.
10. Лукьяшко С. И., Головова Н. Н., Обозный В. И., Гаманов А. К. Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы. — АО, 1977, М., 1978.

³ Известен целый ряд находок греческих вещей VII—VI вв. до н. э. в культовых комплексах лесостепи, которые подтверждают предположение о переосмыслении произведений античного искусства в туземной среде, однако проблема взаимодействия греческого и скифского искусства в эпоху архаики — тема специального исследования.

11. Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—V вв. до н. э. — ИГАИМК, 1935, в. 104.
12. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
13. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
14. Плетнева С. В. Кочевники средневековья. М., 1982.
15. Федоров-Давыдов Г. А. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1982.
16. Доманский Я. В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Причерноморья в VII в. до п. э. — АСГЭ, 1970, вып. 12.
17. Артамонов М. И. Скифское царство. — СА, 1972, № 3.
18. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
19. Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. В кн.: Древности степной Скифии. Киев, 1982.
20. Ольховский В. С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — Автореферат канд. дисс. М., 1978.
21. Копейкина Л. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора. — ВДИ, 1974, № 1.
22. Цветаева Г. А. К вопросу о торговых связях Пантикапея — МИА, 1957, № 56.
23. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
24. Noonan T. S. The origins of the Greek colony at Panticapaeum. — AJA, 77, No. 1.
25. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1978.
26. Ольговский С. Я., Полин С. В. Скифское погребение VI в. до н. э. на Херсонщине. — Археолог, 1983, № 44.
27. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов. — ВДИ, 1980, № 4.
28. Ястребов В. Н. Курганы и городища Херсонского края. — Новороссийский календарь, Новороссийск, 1903.
29. Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков. Спб., 1890.
30. Боплан Г. Описание Украины. Спб., 1832.
31. Яценко И. В. Скифия VII—V вв. М., 1959.
32. Онайко Н. А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднпровье. В кн.: Культура античного мира. М., 1966.
33. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988.
34. Кастаньян Е. Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981.
35. Скуднева В. М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. — ЗООИД, новая серия, т. 1, Одесса, 1960.
36. Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. — IX МКАН (Чикаго, 1973). Доклады советской делегации. М., 1973.
37. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
38. Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — СЭ, 1981, № 4.

39. В л а д и м и р ц о в Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
40. А р т а м о н о в М. И. Возникновение кочевого скотоводства. В кн.: Проблемы этнографии. Л., 1977.
41. Ж д а н к о Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
42. Г р и г о р ь е в В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. –ЖМНП, март 1875, ч. 178.
44. Т о л ы б е к о в С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.
45. Б и ч у р и н Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, СПб., 1851.
46. Wells P. Culture Contact and Culture Change. Cambridge, 1980.
47. А в е р к и е в а Ю. Н. Индейское кочевое общество XVIII—XIX веков. М., 1980.
48. П е р ш и ц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX—первой трети XX веков. М., 1961.
49. А р т а м о н о в М. И. Общественный строй скифов. – ВЛУ, 1947, № 9.
50. П и г у л е в с к а я Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI веках. М– Л., 1964.
51. Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
52. С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. Кн. II, т. VI–X, СПб., 1896.
53. Б а т р а к о в В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. –Тр. Среднеазиатского гос. университета, новая серия, эконом, науки, кн. 3. Ташкент, 1958.
54. Б а р т о л ь д В. В. История культурной жизни Туркестана. – Соч., т. II, ч. 1, М., 1963.
55. Б р а ш и и с к и й И. Б., М а р ч е н к о К. К. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа. –СА, 1980, № 1.
56. В я з ь м и т и н а М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля. – СА, 1963, № 2.
57. И л ь и н с к а я В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. – СА, 1965, № 1.
58. Раевский Д.С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971.
59. Р а е в с к и й Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
60. М а ч и н е к и й Д. А. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. – Проблемы археологии, вып. 2, Л., 1978.
61. К у з ь м и н а Е. В. Сцена терзания в искусстве саков. В кн.: Этнография и археология. М., 1979.
62. К у з ь м и н а Е. В. Конь в религии и искусстве саков и скифов. В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
63. Schiering W. Werkstetten Orientalisinden Keramik auf Rhodos. Berlin, 1957.
64. Б и л и м о в и ч З. А. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания. – ТГЭ, 1976, вып. 17.
65. Bordman J. The greeks overseas. Hardsmonworth, 1964.

М. Ю. Трейстер

МАТРИЦЫ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

(к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н. э.)

В 1978 г. при раскопках на западном плато Первого кресла горы Митридат в кладке № 11а, сооруженной в эллинистическую эпоху, был обнаружен фрагмент плитки из серо-зеленого слоистого камня типа сланца¹. Размеры плитки 15х11 см при толщине 0,8–1,0 см. На тщательно отшлифованной лицевой поверхности искусно вырезан орнамент, представляющий собой слегка закругленную полосу с тремя фризами, отделенными между собой двумя глубоко прорезанными линиями шириной 0,2 см каждая. Общая высота полосы из трех фризов – 7,8 см. Центральный фриз, расположенный между двух прочерченных линий, имеет высоту 4,3 см, представляет собой орнамент в виде побегов аканфа с различными цветками. Верхний и нижний фризы представляют собой полосы орнамента в виде бегущей волны, завитки которого у нижнего фриза ориентированы вниз, а у верхнего в противоположную сторону. Направление бегущей волны верхнего и нижнего фризов одинаковое – вправо. Между основаниями фризов и полосами, отделяющими их от центрального фриза, – свободное пространство шириной 0,6–0,7 см. Глубина выборки орнамента составляет максимум 0,1 см. Обратная сторона плитки представляет собой грубо обколотую поверхность, на которой видны косые насечки инструментом.

Сохранившийся фрагмент представляет собой четырехугольную матрицу, два боковых края которой образованы сколами. Нижний край – прямой, сохранившийся в длину

¹ М–78 Ц, пл. 30–48, кл. № 1а, б/н. Хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Благодарим В. П. Толстикова, обратившего наше внимание на данный предмет.

на 4,3 см, боковая его грань аккуратно отшлифована, расположена под прямым углом к орнаментальному фризу. Сохранившийся верхний край грубо обколот, но, вероятно, пострадал незначительно.

Публикуемая находка, несомненно, является матрицей для изготовления украшений из тонкой золотой фольги. Она не может являться литейной формой, хотя бы потому что отдельные элементы орнаментов не соединены между собой, что является одним из существенных признаков, отличающих матрицы от литейных форм. Литники и каналы для выхода воздуха, обязательные для литейных форм, отсутствуют. Изображение вырезано на незначительную глубину, при этом отсутствуют боковые вырезки, которые помешали бы снять готовый рельеф с матрицы (1, с. 97 сл.; 2, с. 116–117, см. библиографию прим. 53 на с. 116; 4, с. 429).

Техника изготовления рельефов из металлической фольги при помощи каменных и бронзовых матриц использовалась в древности наряду с холодной обработкой металла, гравировкой, резьбой, чеканкой и литьем. Техника изготовления рельефов в матрицах была известна в течение всего античного периода и в Греции, и в Риме (1, с. 114), однако с изобретением во второй половине V в. до н. э. чеканки, которая процветала вплоть до III столетия до н. э., отошла на второй план (4, с. 429).

Специалистами уже отмечалось, что при всей редкости сохранившихся античных матриц они, как правило, изготовлены из бронзы (3, с. 117). Известно лишь несколько каменных; это архаические находки из Ольвии (6, табл. VII–VIII); матрица из Коринфа, предназначенная для диадемы, которую датируют по-разному: VI или V в. до н. э. (7, с. 307–308, № 2661, табл. 126); матрица эллинистического времени из Берлинского музея, вероятно, для изготовления серебряных чаш (5, с. 197, рис. 7), и две мраморные матрицы, относящиеся уже к римской эпохе (3, с. 117). Это практически полный список известных на сегодняшний день античных каменных матриц; таким образом, находка из столицы Боспора имеет большое значение.

К какому же времени следует отнести публикуемый предмет, и что собой представляло изделие, которое можно было изготовить при помощи матрицы? При этом следует учесть прежде всего кривизну самого фриза с орнаментом

и расположение нижнего края матрицы по отношению к орнаментальному фризу. Дошедший до нас фрагмент принадлежит правому краю (практически окончанию) сегмента с фризом слабой кривизны. При этом нижний край фриза должен был иметь соответственно меньшую длину, чем верхний. Восстанавливаемая длина нижнего края оттискиваемого при помощи матрицы рельефа составляла ок. 57 см. Таким образом, предмет, для которого была вырезана матрица, мог быть золотой пластиной калафа, типа найденного в кургане Большая Близница. В пользу этого говорит сходство нашей реконструкции и развертки калафа из Большой Близницы, а также вполне сопоставимые их размеры (8, с. 21; атлас, табл. 1).

Тема реконструкции греко-скифских головных уборов достаточно разработана в отечественной историографии, начиная исследованиями М. И. Ростовцева и П. К. Степанова вплоть до недавних публикаций Т. В. Мирошиной (9, с. 69–101; 10, с. 30–45; 11, с. 46–69; 12, с. 10–17). Головные уборы, определяемые как «калафы», получили это название условно, так как греческий калаф, известный только по находке из Большой Близницы, представлял собой круглую шапку, расширявшуюся кверху, тогда как скифский огибал голову частично, имел, по реконструкции Т. В. Мирошиной, цилиндрическую форму, украшавшие его золотые пластины с орнаментом не имели кривизны, были меньшей длины и высоты (10; 12, с. 15). Впрочем, по мнению Б. А. Шрамко, реконструкция скифского калафа как цилиндрического является не бесспорной (13, с. 276–277). Таким образом, украшение, сделанное при помощи пантикапейской матрицы, могло быть предназначено только для калафа греческого типа, если пользоваться терминологией Т. В. Мирошиной².

Тем не менее мотивы растительного орнамента, вырезанного в центральном фризе пантикапейской матрицы, находят многочисленные аналогии среди золотых нашивных пластин головных уборов из скифских курганов. Т. В. Мирошина объединила сюжеты подобного рода в группу Р («растительные»), разделив ее на четыре типа (11, с. 52). Хотя среди скифских находок точных аналогий всем ком-

² Матрица не могла употребляться для изготовления золотых обивок деревянных чаш: размеры обкладок чаш обычно меньше, растительные орнаменты на них не встречаются (14, с. 31–44),

понентам публикуемого орнамента нет, все же на пластинах 1-го типа присутствуют побеги аканфа, цветы лотоса. Интересно, что подобная орнаментация известна на пластинах калафов и тиар из Толстой могилы, Чертомлыка, Рыжановского, Мелитопольского, Пятибратнего курганов (11, с. 53, табл. 4; с. 62, рис. 9).

Близкие по стилю орнаменты представлены на греческих диадемах конца IV – нач. III вв. до н. э., как оттиснутых при помощи матриц, так и на таких шедеврах античной торевтики, как диадема из Вергины (15, № 2113; 16, табл. XVIII; 17, с. 67–68, № 7; 18, с. 559–560; 19, с. 271, рис. 388; 20, № 11; 21, с. 196, рис. 158–159), в росписях ваз стиля Гнафия, на стенках деревянных боспорских саркофагов (22, табл. 11, 1–2, 20, 7). Подобный же орнамент украшает диадемы Афины на куль-обских подвесках (23, с. 396, рис. 1–2).

В качестве примеров использования фриз в виде бегущей волны для обрамления основного изображения можно привести орнаменты на боспорских саркофагах (22, табл. 21, 24, 3, 5), хрисо-элефантинном щите из «Гробницы Филиппа» и на трапециевидных кусках ткани, в которые был завернут прах женщины, помещенный в малый золотой ларец из той же гробницы (21, с. 135, рис. 93, с. 195, рис. 156–157), на золотых украшениях (17, № 54–55).

Большинство аналогий орнаментации нашей находки происходит из погребений второй пол. IV – самого нач. III в. до н. э. (24, с. 28–39; 25, с. 38–51; 17, с. 68; 18, с. 562–563). Представляется, что дата матрицы может быть уточнена. Поскольку ближайшими аналогиями, и с точки зрения функциональной, и с орнаментальной, являются греческие диадемы, которые были в употреблении достаточно непродолжительное время, а именно на рубеже IV–III вв. до н. э. (17, с. 68), этим же временем, вероятно, можно датировать и публикуемый памятник.

Изучение матрицы само по себе внесло бы важный вклад в исследование античной торевтики Северного Причерноморья, представление о которой мы имели до сих пор по самим изделиям из драгоценных металлов. Однако известна еще одна матрица из Пантикапея, дважды служившая предметом публикации американских археологов (26, с. 306–313; 27, с. 233–235), но, к сожалению, находившаяся вне поля зрения советских ученых.

Речь идет о бронзовой матрице прямоугольной формы со скругленными углами (высота 9,4, ширина 6,9, толщина 1,7 см) с фронтальным изображением головы львиноголового грифона. Матрица хранится в Археологической коллекции Университета Джона Хопкинса (США), куда она поступила из собрания ее первого издателя Д. М. Робинсона. Робинсон в свою очередь получил ее из коллекции Рицоса, по словам которого, она была приобретена у русского эмигранта, который нашел ее в могиле в Керчи (26, с. 306). Есть все основания полагать, что сведения Рицоса были точными. Археологические памятники, в том числе античные и среди последних найденные в Керчи, в первые послереволюционные годы уходили за рубеж (см., напр.: 28, с. 99 сл.).

Кроме того, само изображение на матрице, как справедливо заметил Д. Робинсон (26, с. 307–308), находит параллели с изображением на золотых статерах Пантикапея второй пол. IV в. до н. э., на реверсах которых чеканились изображения самих львиноголовых грифонов. На этом основании первый издатель матрицы датировал ее IV в. до н. э. Д. Робинсон вполне обоснованно находит близость в трактовке волос, в манере передачи щек сатира на монетах и львиных щек на матрице. Отмечая, что изображения рогатого львиноголового грифона появляются на монетах Пантикапея около середины IV в. до н. э., автор предполагал, что на матрице был изображен своего рода герб Пантикапея (26, с. 308–309).

М. И. Ростовцев обратил внимание на иконографическое сходство пантикапейского львиноголового грифона с грифоном, изображаемым на иранских памятниках (29, с. 117). Д. Б. Шелов привел целый ряд памятников с изображением львиноголового грифона, найденных в античных городах и скифских курганах Северного Причерноморья, заметив, что «изображение львиноголового грифона... является лишь одним из многочисленных примеров использования этого сюжета греко - скифским искусством нашего юга». Усматривая связь изображений львиноголового грифона и змееной богини, Д. Б. Шелов в целом определил изображения на пантикапейских статерах как результат сложного скрещения и взаимодействия греческих и местных культов, проявлявшихся во всех областях культурной жизни Боспора (30, с. 66–69).

Мы не останавливались бы столь подробно на проблеме датировки матрицы, если бы не появилась точка зрения Э. Р. Вильямс. Исследовательница считает, что форма рельефа и стиль изображения на матрице свидетельствуют о том, что она была сделана в период Юлиев-Клавдиев (27, с. 235).

Однако мнение о датировке матрицы из Керчи, высказанное Д. Робинсоном, представляется нам более убедительным, прежде всего потому, что в качестве стилистических аналогий привлекался более близкий материал – работа резчиков монетных штемпелей. Кроме того, именно в IV в. до н. э. мотив львиноголового грифона получил широкое распространение в различных сферах художественного ремесла Боспора.

Не менее важно определение функционального назначения предмета, который мог быть отчеканен при помощи матрицы. Так, Д. Робинсон полагал (26, с. 309–313), что матрица принадлежала «государственному департаменту мер и весов» и являлась эталонной «причерноморской миной», снабженной гербом Пантикапея. При этом современный вес матрицы (693,5 г) достаточно произвольно округлялся, а в качестве доказательства анализировались весовые системы Пантикапея, Ольвии, Синопы. Но, во-первых, весовые гири, в том числе эталонные с именами агораномов и эмблемами, достаточно хорошо известны по боспорским находкам, отливались в эту эпоху, как правило, из свинца. Во-вторых, вес матрицы из Пантикапея даже близко не подходит в качестве веса мины ни под одну известную денежно-весовую систему, распространенную в эту эпоху. Наконец, изображения на свинцовых весовых гирях – рельефные, а не врезанные, как на рассматриваемой нами матрице (см., напр.: 31, с. 14–76; 32, с. 183–200).

Д. Робинсон, безусловно, ошибался, давая свое объяснение находке из Керчи, и это тем более странно, что и в заголовке и в тексте его статьи употреблен термин «матрица». Что побудило исследователя отказаться от правильной трактовки предмета? Он считал, что публикуемая им находка не может быть матрицей златокузнеца по той причине, что она изготовлена из твердой бронзы, а не из более мягкого материала. Далее следует безапелляционное утверждение, что бронзовые матрицы ювелиров, датирующиеся временем позже VII в. до н. э., неизвестны, что свидетель-

ствует о том, что позднее в ювелирном деле употреблялись матрицы из известняка (26, с. 309).

Приведенные соображения достаточно легко опровергнуть: хорошо известны бронзовые матрицы, относящиеся и к классической, и к эллинистической эпохам (4; 5 с. 189–195, рис. 1–2; 33, с. 24–31). У Э. Р. Вильямс, повторно исследовавшей находку из собрания Университета Джона Хопкинса, не было никаких сомнений в том, что бронзовый предмет использовался в качестве матрицы, настолько, что критика аргументации Д. М. Робинсона была попросту опущена. Отмечалось, что изучение современного рельефа, оттиснутого при помощи матрицы из Керчи, показало, что она употреблялась для изготовления бронзовых рельефов, которые (служили для украшения удлиненных или полукруглых панцирей, появившихся, по ее мнению, в IV в. до н. э., затем вышедших из моды и получивших широкое распространение, судя по изображениям на римских панцирных статуях, в первые вв. н. э. Матрица могла служить, по мнению исследовательницы (27, с. 234; см. также: 34), как для изготовления рельефа, украшавшего парадный панцирь, так и для рельефа, который мог быть припаян или приклепан к бронзовой панцирной статуе.

В качестве примеров ранних рельефов, украшавших птериги, Э. Р. Вильямс приводила находки IV–III вв. до н. э., из Додоны, в том числе с фронтальным изображением львиной головы, близкие по форме изображению на пантикапейской матрице (27, с. 234–235, прим. 7, рис. 4). Примеры могут быть дополнены находками, сделанными при помощи одной матрицы, происходящими из кургана середины V в. до н. э. «Голямата могила» близ Дуванлы (Пловдивский окр., НРБ). На рельефах, исполненных из серебра, также изображена львиная голова анфас (35, рис. 227). Все перечисленные рельефы, как и пантикапейская матрица, имеют закругление в нижней части.

Таким образом, есть все основания предполагать, что около середины IV в. до н. э. в Пантикапее чеканились металлические рельефы для украшения птериг панцирей.

Думается, что, публикуя матрицы из Пантикапея, нельзя не обратить внимание еще на один памятник этого рода – бронзовую матрицу для штамповки бляшек, хранящуюся в Государственных музеях Берлина (ГДР). Она была приобретена в 1931 г. в Риме, место находки неизвестно. На обеих сторонах почти квадратной пластины

(10,5x11,4 см) толщиной 1,0–1,4 см вырезаны изображения розеток, пальметт, фигурок Ники, Скиллы и т. д. Издатель справедливо отмечает, что большинство аналогий изображениям на матрице происходит из боспорских памятников. Правда, анализ стиля некоторых изображений приводит И. Кризеляйт к выводу (5, с. 193–195, рис. 2), что матрица была вырезана в Этрурии или близлежащих областях и датируется первой пол. IV в. до н. э. Как ни заманчиво считать, что берлинская матрица сделана на Боспоре, признаем, что для этого имеются лишь косвенные основания. Тем не менее, анализируя матрицы как источник по боспорской торевтике IV в. до н. э., мы должны иметь в виду и данный предмет.

Введение в научный оборот матриц пантикапейских торевтов IV в. до н. э. дает нам право вернуться к неоднократно дебатировавшемуся вопросу о центрах античной торевтики и месте производства известных находок из скифских курганов Северного Причерноморья. Напомним, что большинство ученых и ранее и в настоящее время принимает точку зрения об их боспорском (пантикапейском) центре производства; значительно менее распространена гипотеза об ольвийском их происхождении (см. напр.: 36, с. 171, 362, 443, 457–461; 37, с. 66–73; 38, с. 252–253; 25, с. 43–44). Впрочем, А. П. Манцевич отстаивала идею об изготовлении целого ряда предметов торевтики из Северного Причерноморья во Фракии или Македонии. Открытие гробницы в Вергине укрепило ее точку зрения (см.: 39, с. 166 с библиографией). Наконец, М. Андроникос более осторожно допускает производство горитов как в Пантикапее, так и в Северной Греции или Македонии (21, с. 181–186).

До настоящего времени разговор о технике боспорской торевтики можно было вести в основном анализируя серии однотипных изделий, выполненных по одной матрице, что и было предпринято Б. В. Фармаковским (40), а не так давно Н. А. Онайко (41, с. 78–86). Анализ четырех обивок горитов показал, что они изготавливались по бронзовой матрице с последующей доработкой и подправкой матрицы, которая постепенно изнашивалась. В этой доработке принимали участие, по мнению Н. А. Онайко, боспорские торевты. В настоящее время мы можем утверждать, что в арсенале боспорских мастеров IV в. до н. э. были матрицы не только из бронзы, но и из камня. Есть все основания сблизить продукцию резчиков матриц и штемпелей для чеканки зо-

лотых пантикапейских статеров, что предполагалось и ранее (30), но реальное подтверждение чему – матрица с изображением головы львиноголового грифона. Таким образом, получает подкрепление гипотеза о том, что пантикапейские монетарии и торевты могли быть объединены в одну мастерскую, принадлежавшую боспорским правителям (42, с. 68). В пользу этого говорит и место находки каменной матрицы для изготовления калафов – поблизости от остатков монументального здания IV–II вв. до н. э., открытая раскопками площадь которого составляет в настоящее время более 1000 м² и которое, по осторожному предположению В. П. Толстикова, могло быть дворцом Спартокидов (43, с. 13). В качестве аналогии можно указать не только достаточно далекий пример с более поздними эргастериями пергамских царей, в которых изготавливалась роскошная «парча Атталидов» (42, с. 69), но и более близкий, правда, все же несколько более поздний, опыт организации торевтики в государстве Лагидов (44, с. 69–85).

Итак, получено доказательство существования мастерской торевтов в Пантикапее в IV в. до н. э., что, впрочем, не должно удивлять: металлообрабатывающее ремесло столицы Боспора в эту эпоху процветало – в городе существовали специализированные мастерские по отливке бронзовых статуй, в кузнечно-литейных мастерских использовались приемы обработки металла, только появившиеся у мастеров Аттики; надо полагать, что последние работали и в столице Боспора (45; 46; 47, с. 45–46). Означает ли это, что Пантикапей был центром производства всех изделий торевтики из скифских курганов?

Уже неоднократно отмечалось, что среди изделий торевтики из курганов Северного Причерноморья имеются памятники разного художественного достоинства. Исследователи, предполагавшие, что центр торевтики находился в Пантикапее, неминуемо должны были прийти к выводу о том, что в боспорских металлообрабатывающих мастерских работали выходцы из варварской среды, о наличии «варварской струи в боспорской торевтике» (41, с. 86).

Вряд ли любую грубую, неумелую работу, в том числе подправку матрицы, следует списывать на счет варваров, использование которых в качестве мастеров в царском эргастерии весьма сомнительно. Надо думать, что в IV в. до н. э. у Спартокидов не могло возникнуть проблемы с приглаше-

нием высококвалифицированных мастеров, если даже их не было в Пантикапее; в связи с тяготами, вызванными Пелопонесской войной, произошел отток ремесленников из Аттики (46 с библиографией); вообще, хорошо известно, насколько мобильны были греческие художники (48, с. 66). Вряд ли и публикуемые матрицы позволяют говорить о «варварской струе» в местной торевтике. Напрашивается иной вывод: в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. существовало по крайней мере несколько центров, в которых работали торевты. Вспомним находки штампов для чеканки бляшек в виде львиной лапы (49, с. 134–135, рис. 13, 5) и с изображением женской головы (50, с. 217–221) на Каменском городище; свидетельства изготовления золотых штампованных украшений, происходящие с Бельского городища (50; 51, с. 121); бронзовые штампы для чеканки дольчатых бус и золотых бляшек с изображением крадущейся пантеры из ритуального комплекса в Уляпском кургане № 5 (52, с. 95, рис. 50, № 252–253).

В связи с последней находкой А. М. Лесковым было высказано мнение, что сами штампы были выполнены в одном из северопричерноморских центров, тогда как производство бус и бляшек осуществлялось в местном центре металлообработки меотским мастером (52, с. 38). Впрочем, Н. А. Онайко полагала, что малочисленность находок штампов объясняется тем, что они, как и монетные штемпели, уничтожались еще в древности, поскольку Боспор крепко держал в своих руках монополию не только на выпуск монет, но и на тесно связанное с монетным делом производство золотых художественных изделий (41, с. 85). Конечно, говорить о монополии Боспора невозможно, однако вряд ли имел место импорт средств производства в ино-культурную среду. Даже форма для отливки рукояти этрусского сосуда из Хойнебурга (53) не обязательно проделала далекий путь без мастера.

Надо полагать, что штампы, найденные на территории Скифии и в Прикубанье, были изготовлены местными мастерами. Вероятно, такие местные центры торевтики удовлетворяли потребности племен в простых золотых украшениях типа бляшек, зачастую упрощенно копирующих привозные образцы, бус, накладок на деревянные сосуды и т. п., используя в основном бронзовые штампы. Античные же центры торевтики Северного Причерноморья, прежде всего

Пантикапей, поставляли скифам, возможно, в качестве даров боспорских правителей (см. 25, с. 43–44), дорогие высокохудожественные изделия, выполненные в так называемом «греко-скифском стиле» (54, с. 208–209); при этом широко употреблялись матрицы³. В пользу этого помимо соображений, высказанных приверженцами пантикапейского производства предметов северопричерноморской торевтики, свидетельствуют следующие моменты. При всей относительной редкости предметов IV в. до н. э., выполненных при помощи матриц, как отмечалось выше, значительное их число происходит из Северного Причерноморья. При исключительной редкости матриц IV в. до н. э. Пантикапей дал самую представительную их коллекцию. Приведенные выше аргументы, как нам кажется, оставляют очень мало шансов сторонникам иных гипотез.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kent Hill D. Ancient Metal Reliefs.—Hesperia, 1943, V. 12, No. 2.
2. Ogden J. Jewellery of the Ancient World. New York, 1982.
3. Williams E. R. Isis Pelagia and a Roman Marble Matrix from the Athenian Agora.—Hesperia, 1985, V. 54, No. 2.
4. Reeder E. D. The Mother of the Gods and a Hellenistic Bronze Matrix.—AJA, 1987. V. 91. No. 3.
5. Kriseleit. I. Antike Guss- und Treibformen.—Forschungen und Berichte, Staatliche Museen zu Berlin, 1980. Bd. 20—21.
6. Hackens T. Studies in Ancient Jewelry.—Publications d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain. Louvain, 1980. T. XIV.
7. Davidson G. The Minor Objects.—Corinth. V. XII. Princeton, 1952.
8. ОАК за 1865 г. СПб., 1866.
9. Ростовцев М. И., Степанов П. К. Эллино-скифский головной убор.—ИАК. 1917, вып. 63.
10. Миршина Т. В. Скифские калафы.—СА, 1980, №1.
11. Миршина Т. В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э.—СА, 1981, № 4.
12. Миршина Т. В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья.—КСИА, 1983, вып. 174.
13. Шрамко Б. А.—СА, 1984, № 1. Рец. на кн.: Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
14. Рябова В. О. Дерев'яні чаши з оббивками з курганів скіфського часу.—Археологія, 1984, вип. 46.
15. Marshall F. H. Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities British Museum. London, 1911.

³ В эллинистическую эпоху в торевтике Боспора использовались бронзовые штампы (55; 56, с. 163, рис. 2, 7—8).

16. Cochede la Ferte E. Les bijoux antiques. Paris, 1956.
17. Hoffmann H., Davidson P. F. Greek Gold: Jewelry from the Age Alexander. Mainz, 1965.
18. Van den Driessche B. Le trésor de bijouterie de Santa Eufemia.— *Antiquite Classique*. 1973. T. XLII, Fasc. 2.
19. Richter G. A Handbook of Greek Art. London—New York, 1974.
20. Schmuck der Antike. Gefasse und Gerate aus Bronze (Münzen und Medaillen A. G. Basel. Sonderliste T. Okt. 1981.
21. Andonikos M. Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1984.
22. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья.— *САИ*, 1969, вып. Г1-17.
23. Онайко Н. А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике (мастера медальонов куль-обских подвесок. — Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, т. 2.
24. Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э.— *СА*, 1987, № 3.
25. Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры.— *АСГЭ*, 1987, вып. 28.
26. Robinson D. M. A State Seal - Matrix from Pantikapaum. — *Classical Studies Presented to Edward Capps*. Princeton, 1936.
27. Williams E. R. A bronze Matrix for a Cuirass Pteryx.— *AJA*, 1977, V. 81, No. 2.
28. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain.— *Mon. Piot*, 1923, т. 26.
29. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
30. Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье (сатир и грифон на пантикапейских золотых статуэтках IV в. до н. э.).— *КСИИМК*, 1950, вып. 34.
31. Чудинов Л. И. Античные весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. — *Археология и история Боспора*. Симферополь, 1962, т. II.
32. Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии.— *ТГЭ*. 1976, вып. XVII.
33. Williams E. R. A Bronze Matrix in the Walters Art Gallery. - *Journal of the Walters Art Gallery* (1984—1985). V. 42—43.
34. Stemmer K. Untersuchungen zur Typologie, Chronologie und Ikonographie der Panzerstatuen.— *Archaeologische Forschungen*, Bd. 4, Berlin, 1978.
35. Venedikov I., Gerasimov T. Sztuka Tracka. Warszawa, 1976.
36. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1926.
37. Онайко Н. А. Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
38. Онайко Н. А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья.—1982, № 4.
39. Манцевич А. П. Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония).— *ВДИ*, 1980, № 3.
40. Фармаковский Б. В. Золотые набивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах.— *Сб. археологических статей, поднесенных А. А. Бобринскому*. Спб., 1911.
41. Онайко Н. А. Заметки о технике боспорской торевтики.— *СА*, 1974, № 3.
42. Блаватек В. Д. Пантикапей. М., 1964.
43. Толстиков В. П. Новые материалы по истории Пантикапея.— *Тез. докл. научн. сессии, посвящ. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 г.* М., 1986.
44. Burkhalter F. Place de la toreutique alexandrine dans l'economie lagide: sources papyrologiques.— *Bronzes hellenistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes" du V-e colloque international sur les bronzes antiques*. Lausanne, 1979.
45. Трейстер М. Ю. Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре. — *ВДИ*, 1984, № 1.
46. Трейстер М. Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора IV в. до н. э. — *КСИА*, 1987, вып. 191.
47. Treister M. Ju. Metalworking of Pantikapaion, Kingdom of Bosphorus Capital. — *Bull. of the Metals Museum*, 1987, v. 12.
48. Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1974.
49. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — *МИА*, 1964, № 36.
50. Шрамко Б. А. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. — *СА*. 1970, № 2.
51. Шрамко Б. А. Вельское городище скифской эпохи (Город Гелон). Киев, 1987.
52. Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985.
53. Wells P. S. Culture Contact and Culture Change. Cambridge, 1980.
54. Rudolf W. The 87th General Meeting of the Archaeological Institute of America. — *AJA*, 1986, v. 90, No. 2.
55. Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритакке. — *СА*, 1940, т. VI.
56. Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. — *МИА*, 1957, № 56.

**РАННИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СКИФСКОГО ИСКУССТВА
(новый фактический материал
и необходимость построения эффективной теоретической модели)**

За последнее время был открыт и введен в широкий научный оборот ряд новых материалов по проблеме происхождения скифского искусства – курган Аржан (Тува), курган в Гумарово (Южное Приуралье), большая серия оленных камней из Центральной Азии, новые наскальные изображения из Восточного Казахстана; в освещении этих новых данных по-иному выглядят некоторые хорошо известные комплексы, прежде всего Чиликтинские курганы в Казахстане, могильники Уйгарак и Тагискен в Приуралье и др. В целом перечисленные памятники образуют совокупность новых фактов, которая не укладывается в рамки наиболее распространенной в современной скифологии так называемой переднеазиатской концепции происхождения скифского искусства, согласно которой скифы во время военных походов VII в. до н. э. в Переднюю Азию заимствовали основные элементы своего звериного стиля у более высокоразвитых в культурном отношении древневосточных народов (1–5). Только с помощью такой версии исследователи, считавшие скифов исконными обитателями Юго-Восточной Европы, смогли объяснить отсутствие характерных сюжетов скифского звериного стиля в Северном Причерноморье ранее конца VII в. до н. э. и широкое распространение их там после этой даты. Помимо общих логических посылок, сторонники переднеазиатской гипотезы происхождения скифского искусства опираются на следующие аргументы: 1) сходство ряда образов и композиций в скифском искусстве и глиптике сти-

ля Керкук; 2) наличие скифских по стилю художественных элементов в составе Саккызского клада, найденного в Зивийе (Северо-Западный Иран); 3) определенный сюжетный параллелизм между произведениями скифского звериного стиля и луристанскими бронзами.

Основная концентрация цилиндрических печатей стиля Керкук приходится на юг Малой Азии, Северную Сирию и Северную Месопотамию. По ареалу и времени (1600 – 1300/1200 гг. до н. э.) эти печати могут быть связаны с государством Митанни, и поэтому в специальной литературе их обычно называют печатями митаннийского стиля. Наибольшее число таких печатей, а также их раскатанных отпечатков на глиняных табличках обнаружено в Нузи, недалеко от г. Керкук (Ирак). По сюжетам митаннийская глиптика представляет собой смешение нескольких художественных традиций. П. Моортгат, Э. Порада и другие специалисты связывают генезис значительной части сюжетов на печатях этого своеобразного стиля с древневавилонской и так называемой «провинциальной вавилонской» глиптикой, сиро-каппадокийской глиптикой конца III – нач. II тыс. до н. э. (6–8). Митаннийская глиптика содержит ряд общих образов и композиций с касситской, хеттской и кипрской; прослежено также воздействие на митаннийское искусство со стороны Египта и Элама. Наряду с местными традициями и определенными влияниями со стороны известных культурных центров, в митаннийском искусстве выявлена большая группа принципиально новых для запада Передней Азии сюжетов – колено-преклоненный лучник, богиня с зеркалом, двуглавые и крылатые персонажи, в том числе «владычица зверей» (на печатях правителя с индоиранским именем Шаушшатар), иногда с переплетенными «змеиными» ногами; необычайную популярность приобретают изображения оленей (до того в искусстве Древнего Востока встречающиеся редко) и козлов в различных позах и сочетаниях – лежащие, идущие, подвергающиеся нападению и приносимые в жертву, в парных «зеркальных» композициях, обычно в связи со своеобразно трактованным «древом жизни», никогда более в таком виде не представленном в древневосточной иконографии; широкое распространение получают сцены терзания копытного животного кошачьим хищником, головы хищных птиц, навершия в форме животных и т. п.; одновременно с хеттским искусством в митаннийской глиптике появляются также орлиноголовые грифоны и сфинксы.

Именно эта группа инноваций содержит мотивы, близкие скифскому искусству.

Мы уже обратили внимание на то, что распространение принципиально новых для запада Передней Азии образов и композиций в митаннийской (а также палестинской и касситской) глиптике хронологически совпадает с появлением в документах государства Митанни индоиранских имен собственных и другой терминологии; одновременно правители с индоиранскими именами появляются в ряде городов-государств Палестины; индоиранская лексика выявлена и в касситском языке (9). Уже отмечалось, что если присутствие индоиранцев в Передней Азии и можно проследить археологически, то в первую очередь именно в памятниках искусства, в глиптике (10, с. 117). Появление на западе Передней Азии около середины II тыс. до н. э. художественных инноваций, близких более позднему скифскому искусству, по моему мнению, может быть объяснено двумя причинами: во-первых, тем, что переднеазиатские арии принесли новые идеи (определенную мифологию, религиозные концепции и т. п.), которые были реализованы в изобразительном искусстве уже после прихода индоиранцев в западные районы Древнего Востока (как пример такой индоиранской мифологии, реализованной впервые в митаннийской глиптике, мы рассматриваем сюжет, приведенный недавно Д. Г. Савиновым (11, с. 115).

И переднеазиатские арии, и скифы принадлежат к индоиранской языковой семье, и потому определенный сюжетный параллелизм между искусством государства Митанни скифским искусством становится более понятным, однако вывести скифский звериный стиль непосредственно из митаннийского искусства нельзя — между ними имеется слишком большой хронологический разрыв. Предположение Н.Л. Членовой о том, что «между этими двумя стилями ... должен был существовать по крайней мере еще один промежуточный этап, пока неизвестный» (12, с. 129), так и не нашло подтверждения в материалах хорошо изученного искусства Древнего Востока. Считается, что первая индоиранская волна растворилась среди древневосточных народов; та же судьба постигает и митаннийское искусство, в частности группу сюжетов, которая предположительно может быть связана с индоиранской военно-политической верхушкой государства Митанни: эти сюжеты просто не доживают до скифского времени.

Что касается знаменитого клада из Зивийе, о котором в связи с происхождением скифского искусства написано уже немало, то широкие исследования последних десятилетий в Иране подтвердили сложившееся еще раньше у ряда исследователей впечатление об изолированности и чужеродности скифских мотивов в составе Саккызского клада на общем фоне древневосточного искусства (13, с. 20—21). Сам по себе, без подкрепления другими фактами, этот замечательный комплекс вещей не может служить основой для переднеазиатской гипотезы происхождения скифского искусства, и поэтому предпринимались настойчивые попытки доказать местный, древневосточный генезис скифских по облику элементов в составе Саккызского клада. Так, В. Г. Луконин считал, что все образы животных на предметах из Зивийе, которые можно считать скифскими, в действительности заимствованы из Луристана, где хорошо известны и олень, и баран с поджатыми ногами, головы грифов и пантера (14, с. 25). Правда, этот крупный востоковед справедливо отмечал, что сходство между скифскими сюжетами из Зивийе и луристанскими бронзами не стилистическое, а иконографическое и что можно говорить о луристанском происхождении только некоторых ведущих образов искусства европейских скифов; «эта гипотеза оставляет открытым вопрос об истоках сходного стиля на территории Казахстана и Сибири» (15, с. 71),

При более внимательном рассмотрении выясняется, что генезис ни одного характерного образа в скифском искусстве не может быть связан с Луристаном (подробнее см. 16). Здесь мы ограничимся рассмотрением одного, но, пожалуй, наиболее распространенного в скифском мире сюжета — «летащего» оленя, происхождение которого В. Г. Луконин и Н. Л. Членова предлагают связывать с Луристаном. В одной из своих статей Н. Л. Членова привела три изображения оленей из Луристана, которые, по ее мнению, могли послужить прототипами «летащих» оленей в скифском искусстве (17). Два из этих изображений встречены на кинжалах, тип которых по надписям на некоторых из них датируется XIII— XII вв. до н. э. (18, с. 124—125). Предскифским это время назвать никак нельзя, да и стилистически, и по общей художественной идее лежащие с высоко поднятой головой олени на луристанских кинжалах не имеют ничего общего со скифскими «летащими» оленями. Гораздо интереснее третье приведенное Н. Л. Членовой изображение оленя на бронзовой

бляхе или пряжке, происходящей из Харсина в Северном Луристане, неподалеку от местности, где был найден Саккызский клад. Бронзовый олень из Харсина, бесспорно, относится к числу произведений искусства скифского круга – это действительно «летающий» олень с вытянутой вперед шеей, поджатыми к животу ногами и закинутыми назад рогами. Показательно, что такие убежденные сторонники переднеазиатского происхождения скифского искусства, как А. Годар, В. Г. Луконин и Н. Л. Членова, не без сожаления признают, что изображение оленя на уникальной для Древнего Востока поясной пряжке или бляхе из Харсина свидетельствует скорее о скифском влиянии на искусство Луристана, а отнюдь не наоборот. Туловище харсинского оленя украшает фигура, напоминающая литеру «S», концы которой завершаются спиралями; отростки рогов показаны также в виде спиралей. Эти стилистические признаки, как уже было отмечено Н. Л. Членовой, не находят соответствий в искусстве европейских скифов, так же как, впрочем, и в древневосточном искусстве, но зато имеют многочисленные аналогии в искусстве Саяно-Алтая I тыс. до н. э. Так, например, S-видная фигура имеется в заполнении туловища «тигро-оленя» из 1-го Туэктинского кургана (19, с. 138, рис. 87); в могильнике Ташанта-П в долине Уландрыка найдено вб1-резанное из дерева скульптурное изображение оленя с S-видной фигурой на туловище (20, с. 103, табл. ХСХVI). Эта деталь встречается уже в самых ранних памятниках Саяно-Алтая скифского круга, достаточно вспомнить аржанскую стелу, где завитки на плече и крупе стоящего оленя образуют S-видную фигуру (21, с. 43, рис. 29, № 2). Таким образом, произведение искусства из Центрального Загроса в Иране, приводимое некоторыми специалистами в качестве одного из аргументов в поддержку переднеазиатской версии происхождения скифского искусства, при ближайшем рассмотрении оказывается несущим стилистические черты, типичные для Центральной Азии.

Уязвимость переднеазиатской гипотезы заключается не только в том, что основные ее положения слабо защищены фактическим материалом, но прежде всего в том, что она всю сложную историю в высшей степени самобытного, получившего распространение в огромном регионе, скифского искусства пытается свести к действию одного-единственного нехитрого механизма, такого как заимствование; согласно этой гипотезе скифское искусство по отношению к искусству

древневосточному выступает как явление вторичное, производное и даже в значительной степени случайное – не будь скифских походов в Переднюю Азию, не было бы и скифского искусства. По своему существу, по исходной идее переднеазиатская гипотеза мало чем отличается от так называемой античной гипотезы, авторы которой связывали зарождение скифского искусства с культуртрегерской ролью малоазийских греков (22, с. 34–37).

Античная версия отмерла естественным путем, без особой борьбы, по мере расширения наших знаний о скифской культуре. В настоящее время можно говорить только об определенном влиянии, которое греческое искусство оказало на скифское искусство. С античным воздействием, например, А. М. Хазанов и А. И. Шкурко связывают привнесение в скифское искусство таких новых образов, как грифон, дракон, лев, заяц, собака, голубь, лебедь и др.; распространение сцен терзания и геральдических композиций, а также декоративных элементов – розеток, пальметт, волют (23). Генетическая связь любого из перечисленных сюжетов с греческим искусством с успехом может быть оспорена (не говоря уже о том, что такие образы, как дракон, собака, голубь, никогда не были ведущими в скифском искусстве), однако мы не собираемся отрицать сам факт воздействия греческого искусства на скифское; стоит вместе с тем обратить внимание на то, насколько мало за три столетия – с VI по IV вв. до н. э. – греческое влияние затронуло сами основы скифского художественного творчества. Поразительная устойчивость для «заимствованного» искусства!

Несостоятельной оказалась и автохтонная гипотеза происхождения скифского звериного стиля, хотя даже в 1980 г. автор раскопок Аржана не терял надежды, что рано или поздно памятники искусства, аналогичные и синхронные найденным в Аржане, могут быть выявлены и в Северном Причерноморье (21, с. 56). Не следует, впрочем, забывать, что взгляды такого крупного ученого, как М. П. Грязнов, сформировались в те времена, когда в нашей археологической науке таких терминов, как «миграция» или «диффузия», старались не употреблять.

Уже Б. В. Фармаковский в начале XX в. упоминал имена забытых ныне исследователей, выводивших скифский звериный стиль из Азии и называвших этот стиль по происхождению «урало-алтайским» (22, с. 34). Позднее с Цент-

ральной Азией или Южной Сибирью связывали генезис скифского искусства Е. Миннз, Г. Боровка, М. И. Ростовцев (в поздних своих работах) и другие исследователи, однако в то время это были лишь догадки, базирующиеся на интуиции и косвенных данных. Прочные основания для научной гипотезы, связывающей генезис скифского звериного стиля с Центральной Азией, появились только после раскопок кургана Аржан и публикации большой серии оленных камней из Тувы и Монголии. Типологический анализ зооморфных сюжетов на оленных камнях и других произведениях искусства из Центральной Азии показал, что изображения животных в скифском стиле на наиболее ранних предметах эпохи ранних кочевников из Саяно-Алтая, Восточного Казахстана и Монголии выглядят в художественном отношении более реалистическими, а с точки зрения типологии – более архаичными, чем аналогичные изображения в остальных частях скифского мира (24–26). Например, кабан «со свисающими ногами» или в позе «внезапной остановки» на оленных камнях из Центральной Азии (а также на золотых аппликациях из Чиликты) изображается с приостренным и оттянутым назад горбом, на известном изображении этого животного из Передней Азии (Эфес), выполненном в скифском стиле, горб сохраняется в виде рудимента и с трудом опознается, а у кабанов, изображенных на секире и зеркале из Келермеса, горб уже вообще отсутствует (21, с. 43, рис. 29, № 2; ср. 27, с. 12, рис. 3, 5). По аналогиям в памятниках предскифского времени в Юго-Восточной Европе (21, с. 57–58) и по данным дендрохронологии (28, с. 10) Аржан не может быть датирован временем более поздним, чем VIII в. до н. э., а вся серия оленных камней из Монголии и Саяно-Алтая, вероятнее всего, имеет еще более раннюю начальную дату (29, с. 49).

При выяснении генезиса отдельных сюжетов в искусстве европейских скифов необходимо попутно обращать внимание на происхождение самих вещей, на которых встречаются самые ранние в Европейской Скифии изображения животных в скифском стиле. В этой связи симптоматично, например, что сама форма серебряного (с золотыми накладками работы ионийского мастера, работавшего по скифскому заказу и частично по скифским образцам) и бронзового зеркал из Келермеса – с бортиком и петельчатой ручкой – является не характерной для Древнего Востока и Юго-Восточной Европы предскифского времени, а восходит к казахста-

но-среднеазиатскому и центральноазиатскому регионам. К Центральной Азии могут быть возведены и некоторые другие «этнографические» элементы скифской культуры, например, погребальная обрядность верхушки скифской знати (30).

Все эти данные, на мой взгляд, указывают на то, что за распространением характерных элементов культуры скрываются перемещения самих носителей этих культурных традиций. По своей форме эта миграция представляла собой военный поход с участием преимущественно мужской части общества. Этот крупномасштабный поход, в силу определенного стечения обстоятельств, завершился в конечном итоге оседанием (уже после переднеазиатских походов) скифов в Юго-Западной Европе и их смешением с местным, более многочисленным населением. Напомню, что к подобному заключению еще в 1961 г. пришел А. И. Тереножкин, который писал: «...Проблема происхождения собственно скифов должна, прежде всего, разрабатываться в свете археологических исследований Сибири, Казахстана и Алтая. Все приводит нас к убеждению, что, согласно мнению А. А. Иессена, родину скифов нужно искать в глубинах Азии, а не в Европейской части СССР» (31, с. 205).

До сих пор оставалось неясным, почему же скифские древневосточные походы были столь успешными, почему скифы стали на какое-то время «владыками Азии», дошли до Египта, расценивались как равные противники (или союзники) ассирийцами, урартами и мидянами. Объясняется эта загадка, на мой взгляд, прежде всего тем, что скифские переднеазиатские походы явились продолжением того военного похода, который имел истоки в Центральной Азии; в военные столкновения с армиями передовых держав того времени вступило хорошо организованное, предельно отмобилизованное, обстрелянное, привыкшее к дальним переходам войско степных кочевников – выходцев из Центральной Азии. По археологическим данным, именно в Центральной Азии мы застаем общество, готовое по своей организации, социальной структуре к такого рода походам. Как прекрасно доказано исследованиями М. П. Грязнова, Аржан представляет усыпальницу верховного вождя мощной конфедерации племен. Судя по раскопкам такого памятника, как Аржан, именно из Центральной Азии могли прийти в Европу «царские скифы», считавшие остальных скифов своими

рабами. Ничего подобного той социальной и военно-политической структуре, которая нашла отражение в материалах Аржана, мы не застаем в Юго-Восточной Европе предскифского времени.

Иногда можно встретить утверждение, что центрально-азиатская гипотеза происхождения одного из компонентов скифского этноса будто бы противоречит данным лингвистики и антропологии (32, № 5, с. 108, 126). По поводу палеоантропологии достаточно ясно выразил свое мнение один из крупнейших современных специалистов в этой области – В. П. Алексеев: «Центральноазиатская гипотеза не в противопоставлении автохтонной, а в совмещении с ней имеет право на существование» (32, № 6, с. 82). Что касается лингвистики, то о достаточно раннем проникновении ираноязычного населения в Центральную Азию, в частности в район Саяно-Алтая, пишет, например, один из ведущих современных иранистов – Я. Харматта (33).

Если не быть пуристами в употреблении исторической терминологии, то с чисто археологической точки зрения центральноазиатское искусство, представленное зооморфными сюжетами из Аржана, Майэмира, Усть-Бухтармы, Монголии, можно называть уже в полном смысле слова раннескифским. На этом этапе уже сформировалось основное ядро тех образов, которые являются стержневыми для всего скифского мира. Эти сюжеты немногочисленны: кабан «на цыпочках» или в позе «внезапной остановки», стоящий «на пуантах» или «летающий» олень, свернувшаяся кольцом или припавшая к земле пантера и некоторые другие. В дальнейшей истории скифского искусства эти сюжеты трансформируются, исполняются в иной технике, сочетаются в других районах с местными художественными элементами, но везде в эпоху архаики они легко опознаваемы, а в чистом виде, не осложненном инокультурными воздействиями, представлены только в Центральной Азии. Если исключить именно эти ключевые сюжеты из Саккызского клада, Келермеса и любого другого комплекса эпохи скифской архаики, то уже трудно или даже невозможно будет квалифицировать эти комплексы как скифские.

Завершая разговор о наиболее раннем, центральноазиатском этапе в развитии собственно скифского искусства, следует сказать несколько слов и о тагарском искусстве Южной Сибири. На мой взгляд, тагарское искусство можно на-

зывать скифским только по первоначальному (идущему из Центральной Азии) импульсу, в целом же это было искусство, развивавшееся, скорее всего, в нескифской, неиндоиранской этнической среде. Достаточно красноречивым выглядит, например, полное отсутствие столь характерных для искусства скифов и родственных им племен индоиранского происхождения сцен терзания или борьбы зверей; иное, чем в остальных частях скифского мира, употребление оленных блях и т. п. Это искусство общества с иным, чем у скифов, мировоззрением, иными эстетическими нормами.

Полученный к настоящему времени археологический материал, хотя и изобилует информационными лакунами, все же позволяет представить развитие скифского искусства как ряд последовательных этапов. О начальном, центральноазиатском, этапе сказано выше. Следующий этап в развитии скифского звериного стиля связан с территорией от Алтая до Приуралья. Если прокартографировать для этой территории изображения «летающих» оленей архаического облика, мы получим следующую цепочку памятников, которые по кратчайшей соединяют Центральную Азию с Юго-Восточной Европой: Чиликта – Тагискен – Гумарово; олени чиликтинского типа изображены также на бляхах конской упряжи из Келермеса, которые, в отличие от многих других памятников искусства из Келермесских курганов, выполнены непосредственно скифским мастером (35, с. 43, табл. 7, 22). В сущности, мы имеем только два региона, где образ «летающего» оленя развивался на протяжении длительного времени, — это Центральная Азия (со смещением в более позднее время в Южную Сибирь) и Северное Причерноморье. Чиликта – Тагискен – Гумарово образуют своеобразный и кратковременный «мостик» между двумя этими регионами. Позднее VII в. до н. э. изображения «летающего» оленя в казахстано-среднеазиатском регионе встречаются крайне редко. В могильнике Уйгарак изображений «летающего» оленя нет, но есть изображение стоящего «на цыпочках» оленя центрально-азиатского типа. А. И. Тереножкин, Е. Е. Кузьмина, М. П. Грязнов уже обратили внимание на наличие в Уйгарке и Тагискене элементов культуры, сближающих эти комплексы с памятниками Юго-Восточной Европы предскифского времени; Е. Е. Кузьмина, например, справедливо пишет, что произведения искусства из Тагискена и Уйгарака по сопутствующим вещам могут быть датированы VII, а то и VIII вв. до н. э. (35, с. 45). Архаичный набор стрел со-

ликтинский курган; в этом кургане совершенно отсутствуют трехлопастные стрелы, которые в большом количестве представлены в Келермесских курганах рубежа VII–VI вв. до н. э. (36, с. 51). Золотые оленные бляшки из кургана в Гумарово в Оренбургской области найдены в комплексе с наконечниками стрел новочеркасского типа, типа Ендже и Высокой Могилы, т. е., скорее всего, комплекс вещей из впускного погребения в Гумаровском кургане может быть датирован временем не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э. (37; 38); именно с этим впускным погребением связана, видимо, каменная стела, похожая на северокавказские обелиски (39).

Исторические события первых веков I тыс. до н. э. в Средней Азии отражены в таком источнике, как Авеста. Примерно для VIII – начала VII вв. до н. э. Авеста упоминает враждебных по отношению к населению южных областей Средней Азии, но родственных ему кочевников тура, в которых В. И. Абаев и некоторые другие исследователи не без основания видят именно скифов (40; 41). Поскольку в других источниках этот этноним не встречается, можно допустить, что термин тура – это не самоназвание, а иноназвание, присвоенное этим кочевникам племенами – создателями Авесты. Не исключено, что название тура может указывать на происхождение этих кочевых племен. В этой связи обращает на себя внимание сходство этнонима тура с той топонимикой, которая широко распространена в Центральной Азии и Южной Сибири, – названия рек, гор и других мест с корнем «тур», «тура», «туран».

Следующий этап в развитии скифского искусства связан уже с первым появлением скифов в Юго-Восточной Европе. Первичное пребывание пришлого, центральноазиатского компонента – «царских скифов» – в Северном Причерноморье, до ухода их в военные рейды по Ближнему Востоку, судя по всему, было очень кратковременным, поэтому археологически скифские древности этого периода выявить чрезвычайно трудно. Мы полагаем, что произведения скифского искусства этого времени могут быть связаны, прежде всего, с погребениями, рассеянными в треугольнике между Волгой, Доном и Северным Кавказом, не составляющими отдельных могильников, а чаще всего впускными, как бы «вкрапленными» в инокультурные могильники и поселения. К числу памятников этого этапа можно отнести от-

около г. Константиновска на Дону впускное погребение в энеолитическом поселении, содержавшее костяную пластину с изображением оленей и кошачьего хищника в традициях, характерных для Уйгарака (42, с. 173, рис. 3). На фигурах оленей имеются «солярные» значки, характерные для Уйгарака и памятников Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н. э., в более позднее время формы «солярных» знаков существенно изменяются. Поэтому мне кажется, что первоначальная дата, предлагавшаяся В. Я. Кияшко для константиновского погребения – рубеж VIII–VII вв. до н. э., – наиболее близка к истине (43, с. 106). К этому же времени принадлежит, скорее всего, кабаньий клык с изображением протома оленя из центрального погребения в кургане 8-го Калиновского могильника в Поволжье (44, с. 425, рис. 39). В. П. Шилов пишет, что «совершенно идентичные» клыки найдены в савроматских курганах у Блюменфельда и Фриденберга в Поволжье и других памятниках. На деле же савроматские кабаньи клыки и их имитации, покрытые вычурной резьбой, очень существенно отличаются от клыка, найденного в Калиновском могильнике, с изображением оленя в реалистической манере. На кабаньем клыке из Аржана имеется близкое по манере контурное изображение копытного животного, только не оленя, а кабана (21, с. 38, рис. 24, 1). В. П. Шиловым уже было отмечено, что трактовка отдельных деталей в изображении оленя на клыке из Калиновского могильника находится «под сильным воздействием так называемого сибирского звериного стиля» (44, с. 426). К этому же этапу принадлежат, по моему мнению, и северокавказские оленные камни типа Усть-Лабинской и Зубовской стел (45, 46).

Следующий этап в формировании скифского искусства связан с пребыванием скифов в Передней Азии. Это важный этап, который существенно изменил облик скифского искусства. В это время скифы знакомятся с художественным творчеством различных древневосточных народов, по их заказу работают лучшие мастера прикладного искусства Ближнего Востока. Многие из того, что сказано М. И. Артамоновым, А. Годаром, П. Амандри, И. Потратцем, Д. С. Раевским и другими исследователями о роли переднеазиатского периода в развитии искусства европейских скифов, сохраняет свое значение. Безусловно, очень значительна роль переднеазиатского этапа в антропоморфизации скифского искусства (47). Хочу еще раз обратить внимание в этой связи

на изображение бородатого персонажа на бронзовом сосуде из Хасанлу в Иранском Азербайджане (где пребывание скифов удостоверяется находкой типично скифского трехдырчатого псаля с изображением головы «барано-грифона»); герой на чаше по позе напоминает изображения людей на известных культовых металлических сосудах из Европейской Скифии, а в одной руке он держит топорик, повернутый боевой частью к земле, точно так же, как держит такой топорик персонаж, изображенный на келермесской секире (48). Еще один этап, о котором мы только упомянем в этой работе, связан уже с возвращением скифов из переднеазиатских походов в Юго-Восточную Европу. В историческом плане этот этап связан с широким и далеко не мирным освоением скифами территории Северного Причерноморья. Наиболее ранние памятники искусства этого этапа найдены в Краснознаменском, Келермесских, Костромском, Мельгуновском и некоторых других курганах, но значительная часть этих художественных вещей изготовлена древневосточными мастерами.

В последнее время накапливается все больше фактического материала, позволяющего по-новому осветить не только историю, но и предысторию скифского искусства. Исследованиями Д. С. Раевского, Е. Е. Кузьминой, А. К. Акишева и других специалистов установлено, что семантика многих образов скифского искусства уходит своими корнями в глубокую древность и не может рассматриваться в отрыве от этнической истории скифов как одного из народов индоиранского происхождения (49–51). Однако в позиции многих историков скифского искусства имеется противоречие: если внутреннее содержание скифского искусства признается сейчас довольно древним и имеющим ярко выраженную этническую специфику, то изобразительная сторона этого искусства рассматривается обычно как позднее новообразование, обусловленное инокультурными воздействиями. Представление о том, что скифы и другие народы индоиранской языковой семьи на протяжении длительного времени не имели изобразительного искусства, базируется на значительно устаревших к настоящему времени представлениях о локализации прародины индоиранцев в евразийской степной зоне, где археологические памятники эпохи бронзы действительно бедны произведениями искусства. Мне представляется маловероятным, чтобы такая развитая идеология, как

индоиранская, нашедшая отражение в Авесте, ведической литературе, нартском эпосе и т. д., существовала на протяжении многих веков только в виде устной традиции, без всяких попыток подкрепления ее изобразительной пропагандой, а затем внезапно на протяжении ограниченного времени нашла свое выражение примерно в одних и тех же художественных формах, порою очень специфических, у различных народов индоиранского происхождения на огромной территории. Вполне правомерным представляется вопрос, а не может ли не только смысловое содержание, но и иконография ряда образов у различных индоиранских народов, в том числе и скифов, восходить к более глубокой древности? Для проверки этого предположения необходимо обратиться прежде всего к искусству того ареала и времени, где и когда письменные источники впервые достоверно фиксируют появление индоиранского этнического элемента. Таким районом на Древнем Востоке является, как известно, Митанни и Палестина 3-й четв. II тыс. до н. э. Именно в митаннийском искусстве, как уже было показано выше, засвидетельствован ряд сюжетов, имеющих аналогии в скифском искусстве. Расселение ираноязычных племен в Северном Иране также находит отражение в памятниках изобразительного искусства (52).

Инновации в палестино-митаннийском искусстве, которые предположительно могут быть связаны с индоиранцами, генетически восходят к территории Ирана и Афганистана эпохи бронзы (9; 53; 54). Это не случайно. В фундаментальных историко-лингвистических построениях последнего времени индоиранцы очень рано локализируются на Иранском плато (55, с. 19) либо в Восточном Иране, Афганистане и на юге Средней Азии (56–58). Территория Афганистана – это район, пограничный между Древним Востоком и Центральной Азией. Первый «выплеск» населения из этого ареала был около середины II тыс. до н. э. связан с передне-азиатскими ариями и может быть археологически проиллюстрирован инновациями в митаннийской глиптике. Именно с территорией Восточного Ирана, юга Средней Азии и Афганистана связано зарождение образов и композиций, которые позднее получают распространение в искусстве различных народов индоиранского происхождения. По археологическим данным, именно к этой территории восходит образ орлиного грифона, что находит подтверждение в античной традиции

(59, с. 178, рис. 7, 3; ср. 60). На памятниках искусства II тыс. до н. э., происходящих из этого региона, имеются изображения припавшего к земле кошачьего хищника с оскаленной пастью и выпущенными когтями (61, с. 231, рис. 5), зайца (61, с. 230, рис. 4), кабана со свисающими ногами (62, рис. 173), копытных животных с поджатыми ногами (63, с. 69, рис. 1, 3), сцен терзания кошачьим хищником или хищными птицами копытного животного (53, рис. 3; 64, № Н 2252) и т. д. Изучение семантики скифских наверший, предпринятое Д. С. Раевским и Е. В. Переводчиковой, привело этих исследователей к выводу о том, что скифские на-вершия служили венчающим элементом вертикальных столбов; столбы эти трактовались как материальное воплощение мирового древа с копытными животными или птицей на вершине древа (65). Скифские навершия являются одной из конечных стадий воплощения идеи мирового древа. Встает вопрос о прототипах, более близких к изначальной идее. Поиск таких прототипов приводит нас опять-таки к Восточному Ирану эпохи бронзы. Например, в верхнем слое Тепе Гиссара найдено навершие с втулкой, предназначенное для насадки на шест и изображающее козла, стоящего на стилизованном древе (64, табл. 48, № Н 3573). Здесь та идея, которая на скифском материале по крупницам была реконструирована Е. В. Переводчиковой и Д. С. Раевским, выражена достаточно наглядно. Раннескифские навершия из Центральной Азии (Аржан и др.) более близки этому прототипу, т. е. выглядят более архаичными, чем навершия из Европейской Скифии.

Где-то ближе к концу II тыс. до н. э. происходит, видимо, инфильтрация населения из Восточного Ирана, Афганистана и юга Средней Азии в более глубинные районы Центральной Азии вплоть до Монголии и Ордоса, и с этого времени здесь начинается формирование скифов как этноса и скифского искусства, а также некоторых других элементов скифской культуры. Определенную роль в этом процессе сыграли местные племена, у которых существовали собственные изобразительные традиции (окуневская и карасукская культуры). В дальнейшем именно из этих, глубинных, районов Центральной Азии происходит «выплеск» в западном направлении сначала «царских скифов», принесших в Европейскую Скифию звериный стиль, а позднее и других народов – гуинов, тюрков, монголов.

Одна из основных задач в изучении скифского искусства, на мой взгляд, заключается в создании такой модели зарождения, развития и распространения скифского искусства, которая смогла бы учесть все достоинства и недостатки предыдущих концепций и в то же время была бы в состоянии ответить на все вопросы, возникшие с появлением новых фактических данных. По моему убеждению, создание такой «работающей» теоретической модели формирования скифского искусства под силу только группе специалистов, объединенных общей идеей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Godard A. Le tresor de Ziwiye. Haarlem, 1950.
2. Potratz J. A. M. Die Scythen und Vorderasien. – *Orientalia*, 1959, 28.
3. A m a n d r y P. L'art scythe archaïque. – *Archaeologische Anzeiger*, 1964.
4. А р т а м о н о в М. И. Происхождение скифского искусства. – *Советская археология*, 1968, № 4.
5. Раевский Д. С. О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов. – *Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конференция М., 1979.*
6. Moortgat A. Die bildende Kunst des alten Orients und die Bergvolker. Berlin, 1932.
7. Флиттнер Н. Д. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. – *Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа*, т. I. Л., 1939.
8. P o g a d a E. Seal Impressions of Nuzi. – *The Ann. of American Schools of Oriental Researches*. Chicago, 1947, Vol. 24.
9. Курочкин Г. Н. Индоиранские элементы в искусстве Древнего Востока и исторические корни скифо-сибирского искусства. – *Скифо-сибирский мир (искусство и идеология)*. Кемерово, 1984.
10. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века. В кн.: *Археология Старого и Нового Света*. М., 1982.
11. Савинов Д. Г. Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса. В кн.: *Скифо-сибирский мир*. Новосибирск, 1987.
12. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
13. Ильинская В. А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М., 1976.
14. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. Л., 1977.
15. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
16. Курочкин Г. Н. Искусство звериного стиля ранних кочевников евразийских степей и Луристанские бронзы. – *Проблемы археологии степной Евразии*, т. 2. Кемерово, 1987.
17. Членова Н. Л. Иранские прототипы «скифских оленей». – *КСИА*, 1983, вып. 178.

18. Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969.
19. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960.
20. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
21. Грязнов М. П. Аржан. Л., 1980.
22. Фармаковский Б. В. Архаический период в России. МАР, № 34, Пгр., 1914.
23. Хазанов А. М., Шкурко А. И. Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира. В кн.: Античность и античные традиции в искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
24. Шер Я. А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля.– Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
25. Шер Я. А. К вопросу о происхождении культур скифо-сибирского типа. – Исторические чтения памяти М. П. Грязнова (Тезисы докладов). Омск, 1987.
26. Курочкин Г. Н. Изображения животных на оленных камнях аржанского типа. — Исторические чтения памяти М. П. Грязнова (Тезисы докл.). Омск, 1987.
27. Переводчикова Е. В. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле.– КСИА, 1986, вып. 186.
28. Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая.– Автореф. канд. дисс. Л., 1985.
29. Новгородова Э. А. Звериный стиль Монголии. В кн.: Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
30. Курочкин Г. Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских «царей» VIII–VII вв. до н. э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов). –Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
31. Тереиожкин А. И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961.
32. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии (круглый стол).– НАА, 1980, № 5—6.
33. Харматта Я. Протоиранцы и протоиндийцы, в Центральной Азии во II тысячелетии до н. э. (лингвистические данные). В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
34. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов).– АСГЭ, 1983, т. 24.
35. Кузьмина Е. Е. Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тысячелетия до н. э.– Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конференция. М., 1979.
36. Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.
37. Исмагилов Р. Б. Древнейшие образцы звериного стиля эпохи раннего железа из Южного Приуралья.– Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово, 1984..
38. Исмагилов Р. Б. К вопросу о памятниках Гумаровского типа в Восточной Европе (древнейший скифский курган из Южного Приуралья).– Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
39. Исмагилов Р. Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово.– Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
40. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра.– Аг Ор, 1956, Т. 24.
41. Абаев В. И. Зороастр и скифы.– АИ, 1975, ser. 2. Т. III.
42. Кияшко В. Я., Коренько В. А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону.– СА, 1976, № 1.
43. Кияшко В. Я. Раскопки Константиновского поселения.– АО, 1968 г. М., 1969.
44. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.– МИА, 1959, № 60.
45. Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских каменной-обелисков. В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
46. Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.
47. Раевский Д. С. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства.– АСГЭ, 1983, № 23.
48. Курочкин Г. Н. Хасанлу и скифы.– ИА, 1982, XVII.
49. Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971.
50. Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
51. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
52. Курочкин Г. Н. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана.– СА, 1974, № 2.
53. Курочкин Г. Н. Золотой сосуд из Марлика со сценами жизни горного козла (к проблеме датировки и культурной принадлежности североиранской торевтики эпохи бронзы и раннего железа).– СА (в печати).
54. Курочкин Г. Н. Северо-Восточный Иран в III—II тыс. до н. э. Автореф. канд. дисс. Л., 1988.
55. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. – ВДИ, 1981, № 2.
56. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры. М., 1971.
57. Ungu T. The Proto-Indoaryans.– JRS, 1973, p. 2.
58. Курочкин Г. Н. К археологической идентификации переднеазиатских ариев. – Переднеазиатский сборник, III, 1979.
59. Sarianidi V. I. Margiana in the Bronze Age. In: The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York, 1981.
60. Пьянков И. В. Бактрийский гриф в античной литературе. В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
61. Sarianidi V. I. Seal-Amulets of the Murgab Style. In: The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York, 1981.
62. Amiel P. L'age des echanges inter-iraniens.– Notes et documents des Musees de France, 1986, II. Paris.
63. Сарияниди В. И. Новый центр древневосточного искусства. В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
64. Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan Philadelphia, 1937.
65. Переводчикова И. В., Раевский Д. С. Еще раз о скифских наверхших. В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

С. А. Яценко

**САРМАТСКИЕ И СКИФСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПРИКУБАНЬЯ
КОНЦА IV—ПЕРВОЙ ПОЛ. III вв. до н. э.**

Недавно для уточнения восточной границы Боспорского царства во второй пол. IV – первой пол. III в. до н. э. А. З. Аптекарев использовал такой важный источник, как нумизматический материал – клады. Их картирование позволяет определить границу Боспора по линии Старо-нижнестеблиев-ская – Крымск – Новороссийск (1, с. 30). Рассмотрение антропоморфных изображений Прикубанья этого времени показывает, что по обе стороны выделенной границы внешний облик персонажей имеет существенную специфику. Для выявления и оценки синдо-меотских, скифских и сарматских элементов в этих изображениях необходимо учитывать политическую ситуацию в регионе.

Скифы, по-видимому, господствовали в Прикубанье в конце VII–VI вв. до н. э. и оказали значительное влияние на культуру аборигенов-меотов. И в V в. до н. э., судя по данным Геродота, скифы из Крыма совершали сезонные перекочевки в Западное Прикубанье (2), играя там, вероятно, значительную политическую роль.

В IV в. до н. э. Прикубанье определенно выходит из-под влияния Великой Скифии, а соседние с ним скифские территории постепенно переходят под контроль Боспора. Последний при Левконе I в 80-х гг. присоединяет Восточный Крым, а около 290 г. до н. э. – устье Дона (3, с. 11). Вместе с тем некоторые авторы склонны связывать ряд сюжетов антропоморфных изображений и сами изделия со скифами (напр. Карагодеуашх, Мерджаны), не приводя необходимых аргументов.

Сарматы-сираки впервые зафиксированы в Западном Прикубанье не позднее 310 г. до н. э. (Диодор Сицилийский). Их роль в данном районе дискуссионна. Как правило, предполагается, что участие сираков в войне на стороне Евмела связано с кратковременным их пребыванием на Кубани (4, с. 36). Вместе с тем Ю. М. Десятчиков обратил внимание на описание замка сиракского царя Арифарна, рассчитанного на длительное использование (5, с. 34), и на наличие в некрополях этого времени на Тамани ряда чисто сарматских вещей и характерных элементов погребальной обрядности (6, с. 70 сл.).

Явное отсутствие прямых связей со Скифией и отрицание активной роли сарматов автоматически приводит большинство исследователей к выводу о синдо-меотской принадлежности антропоморфных изображений конца IV – нач. III вв. до н. э. Этот тезис не бесспорен и нуждается в проверке.

В Прикубанье отмечены изобразительные мотивы и композиции, отсутствующие на соседних территориях. Точнее, без натяжек можно утверждать, что все кубанские сюжеты не имеют близких скифских, тем более фракийских, аналогов. Это мотив отрубленной мужской головы и обезглавленные трупы в контексте изображения сражений и военного триумфа (Карагодеуашх, Курджипс, свх. «Юбилейный», а также пластина из «коллекции Романовича» – из Зубовских курганов нач. I в. н. э.). И. Ю. Шауб справедливо отмечает своеобразие культа отрубленной человеческой головы в Прикубанье (7, с. 16). Свообразны также изображение богини с двумя стоящими по бокам мужскими персонажами с сосудах в руках (головной убор из Карагодеуашха, три установленных в ряд статуи в святилище у ст. Преградной) (8, с. 198), многоярусная композиция с изображением битвы разноэтничных конных и пеших «варваров» («Кубанский» ритон, рельеф с «амазономахией» из свх. «Юбилейный»), всадник с ритоном, предстоящий божеству (ритоны из Карагодеуашха и Мерджан). Композиции на предметах торевтики всегда многофигурные. Чаще всего они изображались на ритонах, что совершенно несвойственно искусству Скифии.

К группе 1 относятся памятники, найденные к востоку от границы Боспора. Изображения на них, видимо, отражают меотскую мифологию и эпос. Внешний облик персонажей имеет много общего со скифским (Ср.: ритон и головной убор из Карагодеуашха, «колпачок» из Курджипса (оба комплекса конца IV в. до н. э.), три изваяния конца IV–

нач. III вв. до н. э. из ст. Преградской (8, с. 201), «кубанский» ритон первой четв. III в. до н. э. (9, с. 178; 10, с. 223) из Эрмитажа).

Для «скифоидов» характерны основные специфические черты скифского костюма: опущенные мыском спереди полы кафтана (Курджипс, статуя из Преградской: 11, с. 33), длинные до плеч волосы с прямым пробором, орнамент на кафтане сисирне и шароварах в виде «бегущей спирали», треугольники из точек, женский длинный до земли халат, накинутый на плечи (Карагодеуашх). Это, безусловно, объясняется многовековыми связями со Скифией. Вместе с тем костюм «скифоидов» Закубанья в некоторых отношениях более однообразен (шаровары всегда заправлены в сапожки-скифики, ремешок на обуви, проходящий под сводом стопы, никогда не изображался, тип прически во всех случаях одинаков), что, вероятно, свидетельствует об относительной этнической однородности. В то же время костюм «скифоидов»-меотов в некоторых важных элементах отличен от скифского: длинная женская безрукавная накидка (ст. Преградная), длинный мужской кафтан (Карагодеуашх: персонаж справа от богини), орнамент на шароварах в виде ряда крупных завитков (Курджипс, «кубанский» ритон), застегивание кафтана на пуговицы и ряд крупных орнаментальных треугольников по его борту («кубанский» ритон). Исследовавший «кубанский» ритон И. Маразов не замечает ярко выраженные специфические черты костюма персонажей. Вызывают недоумение его утверждения о том, что мастер «лишь на первый взгляд» старался передать детали силуэта и декора одежды, а в действительности они одеты в «персидский кандис» и поэтому якобы изображают «варваров вообще» (10, с. 219 сл.).

К группе 2 относятся два чрезвычайно интересных изображения, найденные на боспорской территории, заслуживающие подробного рассмотрения.

1. Сцена на ритоне нач. III в. до н. э. из с. Мерджаны (12, с. 77). Передатировка памятника Ю. М. Десятчиковым рубежом н. э. в настоящее время не представляется мне достаточно обоснованной (6, с. 70 сл.). Автор опирался при этом на анализ костюма мужского персонажа (короткая стрижка без пробора, верхняя нераспашная одежда с горизонтальным воротом, короткий плащ) и сравнение композиции на ритоне с изображением в пантикапейском склепе Ан-

фестерия (I в. н. э.), сходных зачастую в мельчайших деталях. Действительно, основные элементы костюма мужского персонажа на ритоне до III в. до н. э. в степной зоне Восточной Европы неизвестны. Прическа такого типа получает особое распространение в сарматских памятниках рубежа н. э., хотя и во II в. до н. э. известна на фаларах из могильника Кривая Лука (Астраханская обл.). Короткий мужской плащ у северопричерноморских варваров еще дореволюционными исследователями справедливо связывался с проникновением сарматов (13, с. 18).

Представленная в Мерджанах нераспашная верхняя одежда неизвестна в скифское время и распространяется вместе с сарматами (14, с. 30), она широко бытует у племен сако-юэджийского круга в Средней и Центральной Азии. Древнейшее изображение такого плаща представлено на сходной сцене у саков Алтая в V в. до н. э. на ковре из 5-го Пазырыкского кургана.

Сцена в склепе Анфестерия связана с идеологией скотоводов-кочевников, что подтверждается бытовыми реалиями (войлочная сарматская юрта, не известная ни скифам-земледельцам европейского Боспора, ни тем более земледельцам-меотам, длинное сарматское копье). Есть основания полагать, что и в Мерджанах и в склепе Анфестерия изображено одно и то же женское божество, но в разных ипостасях. Основа композиции одинакова: сидящая на троне анфас богиня, справа от которой представлено «мировое дерево», а слева – приближающийся всадник в коротком плаще. Однако в Мерджанах «мировое дерево» – «мертвое», без листьев, а справа на кол надет череп убитого (принесенного в жертву) коня. В склепе Анфестерия, наоборот, дерево «живое», а справа композицию замыкает живой неоседланный конь покойного, явно не ездовой, которого ведет слуга (товарищ) последнего. В композициях «богиня и всадник у «мирового дерева» у ранних кочевников лук героя бывает подвешен лишь к «живому» дереву с листьями, в том числе и на застегке из Сибирской коллекции Петра I. Безлистное дерево может быть с цветами, как в 5-м Пазырыкском кургане. Некоторые детали (приносимый в жертву конь) характерны, таким образом, именно для сарматского искусства. У сарматов обнаружены и святилища с женской деревянной статуей и приносимыми ей в жертву лошадиными головами (15, с. 158).

В свете сказанного господствующая в литературе версия о том, что на мерджанском ритоне изображены божества

синдо-меотов (16, с. 173; 17, с. 135 сл.), не может быть принята.

2. Известняковый рельеф из пос. Юбилейный на Тамани, Датирован Е. А. Савостиной концом IV – нач. III вв. до н. э. Автором находки подчеркивается уникальный характер композиции, не свойственный греческому искусству, и местные черты в одежде персонажей (18). Тем не менее Е. А. Савостиной высказано мнение, что на рельефе изображена битва греков с амазонками под стенами Трои, причем в нижнем ярусе представлен Ахилл, поражающий царицу Пенфесилию. Многие заставляет усомниться в справедливости такой трактовки. Условия поединка совершенно не соответствуют текстам греческого эпоса. В изложении Овидия и Вергилия, Ахилл сражался пешим, со щитом и поразили Пенфесилию копьем, в то время как на рельефе видим прямо противоположное: «Ахилл» – всадник и сражается мечом явно негреческого облика, щита у него нет. Вопреки текстам, «Пенфесилия» сражается пешей и перед смертью держит в руках копье, а не меч и т. п.

Негреческий облик «Ахилла» выражен типом одежды, оружием, более чем странной для грека манерой подвешивать к конской узде отрубленные головы врагов (кстати, не женщин, а мужчин), известной, как уже отмечалось, именно в варварском искусстве Прикубанья.

Все сражающиеся, как пешие, так и всадники, – юноши. У пеших воинов – шаровары, распашной кафтан и длинные, рассыпающиеся по плечам волосы, как это обычно представлено у скифов. У всадников совершенно другой облик: верхняя одежда – нераспашная, с треугольным вырезом ворота, прическа очень короткая, что характерно для сарматского костюма. Всадники явно побеждают.

Все детали рельефа отражают местные реалии рубежа IV–III вв. до н. э. Реальным является и то, что именно здесь – в Западном Прикубанье и именно в это время, с 310 г. до н. э., в ходе междоусобной войны сыновей Перисада I, впервые столкнулись скифы – союзники Сатира и Притана и сарматы – союзники Евмела. Речь идет фактически о первом сарматском вторжении в Северное Причерноморье. Вскоре, вероятно ок. 275 г. до н. э., произошло другое столкновение сарматских и скифских отрядов после захвата сарматами у Боспора дельты Дона (3, с. 11).

Выводы. На рубеже IV–III вв. до н. э. скифские элементы костюма сохранили меоты, находившиеся вне пределов Боспора и не подвергшиеся эллинизации.

На боспорской территории известны изображения, где мужские персонажи имеют выраженный сарматский облик, т. е. такие элементы костюма, которые распространились у варваров Северного Причерноморья с приходом сарматов. Интересно, что наиболее древние изображения короткого мужского варварского плаща, нераспашной верхней одежды и короткой прически особого типа в Северном Причерноморье найдены на Кубани и относятся к концу IV – нач. III вв. до н. э. (ритоны «кубанский» и из Мерджан, рельеф из «Юбилейного»).

Появление этих изделий объясняется политической ситуацией в Западном Прикубанье. Известно, что Евмел одержал победу над братьями в борьбе за боспорский престол, в первую очередь благодаря многолетней помощи царя сираков Арифарна. Не исключено, что победитель предоставил часть своей территории для поселения сиракам, либо описанные памятники просто фиксируют пребывание сиракских дружин на Боспоре. Мерджанский ритон нельзя считать и отражением «сарматизации» меотов, так как контакт двух этносов к моменту его создания был очень кратковременным.

В III в. до н. э. антропоморфные образы в искусстве меотов практически исчезают, за исключением надгробной скульптуры синдов, подвергшихся значительной эллинизации. Это как-то связано с сиракским, а затем аланским господством в регионе. Дальнейшая сарматизация привела к тому, что с конца I в. до н. э. по I-ю пол. II в. н. э. в искусстве Прикубанья господствуют антропоморфные образы, чуждые предшествующему периоду. В комплексах аспурги-анской, сирако-меотской и аланской знати известны только одиночные изображения женских божеств с особо тщательно переданными специфическими головными уборами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекарев А. З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй пол. VI – первой пол. III вв. до н. э. – АЦВМ, Новочеркасск, 1987.

2. Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Рогов Е. Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма. – Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

3. Горончаровский В. А. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным). – АЦВМ, Новочеркасск, 1987.

4. Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк). В кн.: История и культура сарматов. Саратов, 1983.

5. Десятчиков Ю. М. К вопросу о локализации замка сарматского царя Арифарна. – Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.

6. Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове. – СА, 1973, №4.

7. Шауб И. Ю. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья. – АЦВМ, Новочеркасск, 1987.

8. Шульц П. Н., Навротский Н. И. Прикубанские изваяния скифского времени. – СА, 1973, № 4.

9. Придик Е. М. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа. – ЗООИД, т. XXX, 1912.

10. Маразов И. Керченский ритон с протомайкой из Эрмитажа. – Studia Thracica, вып. 1. София, 1975.

11. Горелик В. М. Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов древности. В кн.: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен (тезисы докладов). М., 1979.

12. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Ленинград–Прага, 1966.

13. Ростовцев М. И., Степанов П. К. История русской одежды. Вып. I, Пгр., 1915.

14. Яценко С. А. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин. – Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.

15. Лагоцкий К. С., Шилов В. П. Исследования Волго-Донской экспедиции. – АО, 1976. М., 1977.

16. Онайко Н. А. Антропоморфные изображения в меото-скифской торговле. В кн.: Художественная культура и археология античного мира М., 1976.

17. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.

18. «Вокруг света», 1986, № 4; Московские новости, 1986, № 5.

А. Д. Бабаев

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И ПОСЛЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В IV в. до н. э. территория Средней Азии вошла в состав империи Александра Македонского.

После его смерти в 323 г. до н. э. в державе началась длительная борьба за власть, которая привела к образованию ряда самостоятельных государств. Средняя Азия вошла в 312 г. до н. э. в состав государства Селевкидов. Около 256 г. до н. э. бактрийский сатрап Диодот, опираясь на сильное войско, провозгласил независимость Бактрии. Так было основано Греко-Бактрийское государство, которое в дальнейшем распространило свою власть на ряд соседних областей, в том числе Согд, Маргиану и Северо-Западную Индию.

На территории Бактрии и Согда в этот период, наряду с развитием рабовладельческих отношений, по-прежнему сохранялась преобладающая роль сельской общины, состоявшей из свободных земледельцев.

В различных областях Греко-Бактрийского царства происходит быстрый рост городов. Этому способствует внутреннее развитие земледельческого оазиса, а также тесный и регулярный обмен между двумя типами хозяйства – земледельческим и скотоводческим. О развитии городов ярко свидетельствуют раскопки Беграма, Емшикалы в Северном Афганистане, остатки городских поселений на территории Таджикистана и Южного Узбекистана – Кейкабад-Шах, Каламир, Кухнакала и др. Поселения в плане прямоугольные, окружены массивными стенами и башнями со множеством бойниц. Внутри городов имелись дворцы местной и греческой аристократии, выделявшиеся своей величиной и искусной архитектурой. Внутри города располагались ремесленные кварталы. В Греко-Бактрийском царстве ремесло и тор-

говля играли большую роль, все поселения городского типа находились на торговых путях. Греко-Бактрийское царство, просуществовавшее более ста лет, было в экономическом и культурном отношении одним из высокоразвитых государств того времени.

Очень своеобразно греко-бактрийское искусство. Несмотря на то, что в нем заметны элементы греческой культуры, в своей основе оно является местным. До нас дошло много золотых и серебряных сосудов, монет и различных изделий ювелирного производства. Они в какой-то мере отображают сложную картину религиозных верований населения Греко-Бактрии – зороастрийских культов и следов появления буддизма, проникшего в Среднюю Азию через Афганистан.

Примерно в 140 г. до н. э. население земледельческих областей Бактрии и Согда объединилось с кочевыми племенами да-юэджи и окончательно низвергло греко-македонское владычество в Средней Азии. Под названием да-юэджи можно с большой определенностью признать тохаров. Они осели преимущественно в Бактрии и составили основу нового государственного образования – царства Кушан.

В I в. н. э. Кушанское государство значительно расширилось. Оно вышло за пределы Бактрии и стало охватывать многочисленные области и народы. Помимо значительной части Средней Азии, в него входили современный Афганистан и часть Индии. Наибольшего могущества это государство достигло при царе Канишке (78–123 гг.).

Несмотря на скудость документальных источников, можно предположить, что кушанский период характеризуется дальнейшим развитием рабовладельческих отношений и одновременно усилением зависимости свободных общинников. В различных областях власть находилась в руках сильно окрепшей местной аристократии, которая лишь формально была подчинена верховной власти тохаров.

Высокого уровня достигла городская жизнь Бактрии и Согда. Города кушанского времени были административными и политическими центрами отдельных районов и областей.

В III в. Кушанское государство под влиянием внутренних факторов и политического усиления Ирана заметно ослабевает. На его территории образуется ряд самостоятельных государств: одно – на территории Бактрии и областей, расположенных южнее Гиссарского хребта, другое – в Афганистане, третье – в Северной Индии.

В первой пол. IV в. усугубился кризис рабовладельческого строя, приведший среднеазиатские государства к дальнейшему ослаблению. Это послужило толчком для активизации наступательных действий кочевников, которые захватывали среднеазиатские земли, создавали весьма непрочные объединения на обширных территориях и очень часто угрожали сасанидскому Ирану. Такова общая историческая картина развития оседлых народностей Средней Азии в рабовладельческий период.

Совершенно иную картину мы видим в отношении кочевых племен. В этом плане интересны сообщения Геродота о том, что XII податной округ, подчиненный Дарию, включал земли, расположенные от бактрийцев до эглов (1,111.94). Последних исследователи отождествляют с авгалами, которые обитали, согласно Птолемию, в Согдиане, между Яксар-том и Согдийскими горами (2, IV.12). Это положение было принято лишь на основе некоторой фонетической близости обоих племенных названий. Следовательно, XII округ простирался чрезвычайно далеко на север и северо-восток от Бактрии. Но, согласно Геродоту, Согдиана составляла часть другого округа, т. е. XVI (3, с. 279), следовательно, эглы и авгалы – это разные племена, которые обитали на разных территориях. О местах обитания первых мы не имеем точных данных, но из сообщений Геродота следует, что эти племена нужно искать где-то в непосредственной близости от Бактрии. Логика подсказывает, что они не могли обитать в северном направлении, так как за Амударьей простиралась территория XVI округа, в который входили парфяне, хорасмии и согды (3, с. 279). Северное направление исключается также ввиду того, что там проживали ареи, составляющие часть другого округа. В южном направлении располагалась Северная Индия, хорошо известная по письменным источникам. Остается восточное направление, и, вероятнее всего, это племя обитало восточнее Бактрии, где-то в пределах Бадахшана.

Сведения Геродота о податных округах ахеменидской державы относятся ко времени правления Дария I, но, по всей видимости, отражают положение, сложившееся в основном при его предшественнике – Кире.

Ктесий сообщает, что после подчинения Бактрии Кир вел войну с саками и взял в плен царя их Аморга. Жена последнего собрала большое войско и нанесла Киру поражение, за-

хватила много пленных, которые были обменены на царя: Аморга. Между саками и персами был заключен союзный договор (4, с. 74; 5, с. 113). Так как война с саками происходила после захвата и подчинения Бактрии, вероятно, саки обитали где-то восточнее.

Разные версии похода Кира на массагетов дают Беросс и Ктесий. Первый сообщает, что Кир погиб в битве с дайями (дахи), скифским племенем в Средней Азии (6, с. 53). По Ктесию, в последней битве Кир сражался с дербиками, на стороне которых выступили индийцы, использовавшие боевых слонов. В этой битве один индеец ранил Кира копьем в печень, и от этой раны он на третий день умер. Услышав об этом, царь скифов Аморг вместе с 20000 всадников из сакского племени поспешил на помощь Киру (6, с. 53).

И. В. Пьянков относительно термина «саки» писал, что слово «саки» употреблялось в древности в двух значениях: узком и широком. «Саки» в первом значении – это племена, обитавшие на территории от Семиречья на севере до Гиндукуша на юге. Одним из таких племен были амюргеи, занимавшие восток Средней Азии, в том числе, по мнению многих ученых, и Памир (7, с. 122).

В Бехистунской надписи среди народов Средней Азии, отложившихся от Персии в 522–521 гг., упомянуты саки без конкретного обозначения их племенного названия. В V столбце той же надписи упоминаются «саки, которые носят остроконечную шапку». В другой надписи из Персеполя на 24-м месте помещены саки тоже без конкретного обозначения, но среди среднеазиатских сатрапий. Надписи из Суз на 15-м и 16-м местах упоминают саков-хаомаварга и саков с остроконечными шапками. В надписях из Накш-и-Рустама на 14-м и 15-м местах упомянуты оба племени, но на 25-м месте появляется новое племя сакапарадрайя (заморские) (6, с. 102). Следовательно, первые племенные объединения проживали на территории Средней Азии.

Как установили А. Н. Бернштам и Б. А. Литвинский, восточнопамирские кочевые племена соответствуют сакам-хаомаварга (8, с. 303–326). Что касается саков с остроконечными шапками, то археологические находки из памятников Центрального Таджикистана позволяют относить их к северным областям Греко-Бактрийского царства. Так, в Чим-Кургане найдено несколько терракот, изображающих мужчин в остроконечных шапках (9, с. 573 сл.; 10, с. 471 сл.; 11, с. 232 сл.; 12, с. 197 сл.).

В Бехистунской надписи (V столбец) рассказывается о походе Дария против саков-тиграхауда в 519 г. до н. э. В надписи говорится: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, по ту сторону ее со всем войском я перешел».

Различные исследователи по-разному локализовали племя саков, «которые носят остроконечную шапку», но из всех доводов Ж. Опперта, Э. Херцфельда, Ю. Юнге, Дж. М. Балсера, Дж. Камерона и др. общим является то, что саки с остроконечными шапками в ахеменидских надписях всегда упоминаются вместе с племенами Средней Азии. М. А. Дан-дамаев, проанализировав надписи ахеменидских царей, приходит к выводу о том, что во всех надписях хаомваргские и острошапочные саки локализируются в соседстве со среднеазиатскими сатрапами.

Далее Ктесий сообщает, что персы не смогли подчинить саков-амюргеяцев, но они выступали в их войсках не как подчиненные, а как союзники. По всей видимости, именно эта группа саков вошла в состав XV податного округа при Дарии I. Очевидно, ему удалось укрепить свою власть над ними и превратить их из союзников в подданных. Однако это положение длилось недолго: во всяком случае, при Дарий III саки именуются в источниках как союзники персов (4, с. 75).

Ко времени похода Александра Македонского Ахеменидская держава уже не простиралась на восток далее Бактрии. «Бактрия была столь могущественной, что могла претендовать на главенствующее положение в Ахеменидской державе в целом; союз их с бактрийской знатью обеспечивал устойчивость Ахеменидам на востоке, развязывал им руки для активных действий на западе» (13, с. 211). Следовательно, из былого могущества персидской державы ко времени завоеваний Александра Македонского почти ничего не оставалось. Бактрия и Согдиана были теми областями, которые стали пределом завоевания Александра на Востоке. Источники сообщают, что Александр совершил нашествие на земли саков, разорил и увел много пленных и скота.

В истории Памира греко-бактрийского периода восточным областям отводится особая роль. Из сведений, сообщаемых Страбоном, известно, что в Греко-Бактрию входила Сог-

диана (14, XI; II, 2). Однако не ясно, следует ли включать туда Южную Фергану. Мнение, что вся Фергана была подвластна греко-бактрийским царям, которое отстаивал В. Тарн (15, р. 89), не может считаться обоснованным (16, с. 455 сл.).

Страбон указывает также, что греко-бактрийцы завоевали территорию вплоть до серов и фаунов (14, XI; II, 1). Название их встречается в иных вариантах у Плиния, Дионисия Периегета и комментатора последнего – Евстрафия. Плиний (17, VI, 55) упоминает фаунов и тохар в числе племен, обитающих где-то на Востоке, вблизи от берегов океана; в перечне они стоят после аттокоров (4, с. 76).

Дионисий, описывая Среднюю Азию, говорит, что за Согдианой по Яксарту обитают саки, тохары, фруны и варварские серские народы (4, с. 76), что, конечно, не является свидетельством того, что все эти племена обитали именно на Яксарт; здесь лишь дается последовательность их распространения с запада на восток.

Ефстрафий дает следующее пояснение к этому разделу произведения Дионисия: фауны – скифский народ, название которого пишут фруны (4, с. 76).

Из приведенных данных видно, что фауны, или фруны, по представлениям античных географов, были народом, обитавшим где-то на востоке, вблизи от серов, под которыми подразумеваются не китайцы, а жители Восточного Туркестана. Последовательность перечисления позволяет также считать, что территория фаунов, или фрунов, находилась восточнее Согдианы, у северной окраины Восточного Туркестана или даже в пределах последнего.

Исследователи предполагают, что процесс распространения иранских племен в Средней Азии в конце II или в начале I тыс. до н. э. происходил следующим образом: большой массив «праскифов» расселился в Восточном Туркестане, заняв преимущественно его западные и южные оазисы. Они вклинились также и в северные районы, которые были основной территорией тохаров. Именно тогда предки будущих носителей хотанско-сакского языка отделились от остальных «праскифов» (18, с. 105).

В результате этого процесса значительная часть Восточного Туркестана была занята индоевропейскими тохаро-язычными племенами.

Есть основания считать, что территория, подвластная Греко-Бактрии, в определенный период распространилась до

границ Восточного Туркестана. Существует мнение, что греко-бактрийским царям даже была подчинена часть последнего, однако из фактов, приводимых в пользу этого, можно лишь вывести заключение о развитых торговых и культурных связях между этими территориями (4, с. 77; 16, с. 456).

Вероятно, греко-бактрийские цари контролировали южную часть Памира. Чжань-Цянь сообщал о попытках Дахя установить связь с Китаем. Очевидно, греко-бактрийские цари предпринимали шаги в этом направлении после того, как упрочили свой контроль над путями, связывающими Бактрию и Восточный Туркестан. Не исключено, что Чжань-Цянь возвратился из Бактрии по пути, проходившему через Вахан (4, с. 77).

Как долго сохраняло Греко-Бактрийское царство этот контроль, нам не известно, но ввиду несомненного ослабления его уже в середине II в. до н. э. можно предполагать, что этот контроль перестал быть действенным еще до вторжения кочевников, положившего конец существованию этого государства (16, с. 455).

Политические события, происходившие в северной части Средней Азии, повлекшие за собой в конечном результате гибель Греко-Бактрийского царства, не могли не отразиться на политической судьбе Памира, причем еще до того, как Среднеазиатское Междуречье подвергалось вторжению из-за Сырдарьи. Как известно, начало этих передвижений связано с событиями, происшедшими далеко за пределами Средней Азии, около границ Китая, – столкновением между хунну и юэджами, которое вынудило последних уйти на запад. Эти события произошли, вероятно, до 160 г. до н. э. (19, с. 78). О последствиях имеются краткие указания в китайских хрониках, в частности в Цяньханыну. В описании усуней сообщается, что занимаемая ими территория ранее принадлежала сэ (сакам); юэджи разбили царя сэ (сэ-ван), который после этого ушел на юг за висячий переход; затем юэджи передвинулись на запад и покорили Дахя, усунь же заняли оставленную ими территорию (19, с. 190 сл.).

В Цяньханышу сказано: «Когда хунны разбили Большого Юэджи, то Большой Юэджи занял на западе государство Дахя, а сэйский владетель занял на юге Гибинь» (20, с. 188). Описание Гибини дает дополнительные сведения об этих событиях, но в более обобщенном виде: после того, как хунну

разбили юэджей, последние овладели Дахя, а царь сэ (сэ-ван) овладел на юге Гибины; племена сэ рассеялись и образовали несколько владений в разных местах: Хюсюнь и Гюаньду на северо-западе от Сулэ (Кашгара) владели потомки сэ (19, с. 179). Данные Цяньханьшу позволяют считать, что вторгшиеся с востока юэджи столкнулись где-то на территории Северного Припамирья («бывшие земли сэ») с племенным союзом восточных «амюргейских» саков; результатом этого столкновения было поражение саков и распад их союза. Часть племен оставалась, как это явствует из текста, на своей территории, а часть покинула ее. Цяньханьшу указывает, что царь сэ, т. е. глава сакского племенного союза, ушел за «висячий переход»; из этого видно, что передвижения племен, вызванные появлением юэджей, во всяком случае, частично, произошли в пределах Памира и припа-мирских областей.

О том, каков был реальный путь ушедших в Северную Индию саков, имеются лишь некоторые предположения (20, с. 188). По «висячему переходу», описанному китайскими хрониками, вряд ли могли пройти большие массы кочевников. Наши исследования, основанные на новых археологических данных, опровергают это.

А. Н. Бернштамом было выдвинуто предположение о роли Ваханских крепостей в деле защиты Западного Памира от нашествия кочевников востока. Найденные нами новые могильники сакского типа на территории Западного Памира показывают, что кочевники, проникшие на территорию древнего Вахана, продолжали традиционные погребальные обряды (21, с. 15). По всей вероятности, это были большие группы, о чем свидетельствует количество могильников.

Описанные выше события относятся примерно ко второй четв. II в. до н. э.: они имели место после того, как хунну заставили юэджей начать свое движение на запад, но до того, как последние вторглись в Среднеазиатское Междуречье, т. е. в пределах между 160 и 140 гг.

Падение Греко-Бактрийского царства под ударами кочевников, среди которых ведущее место занимали юэджи, оставило след и на интересующей нас территории (22).

Данные Цяньханьпу и археологические материалы свидетельствуют о том, что уже в I в. до н. э. в пределах Западного, Южного и Восточного Припамирья существовало несколько владений с оседлым земледельческим населением.

Археологические данные свидетельствуют о наличии на Восточном Памире в этот период и кочевников, родственных сакам (8, с. 316). Где проходила и была ли граница между группами, точно не установлено.

Западное Припамирье и Вахан, как это явствует из данных Цяньханьпу, были подчинены юэджам. Что касается кочевников Восточного Памира, то они, по-видимому, были совершенно независимы и не подчинялись ни одному из крупных государственных объединений Востока и Запада.

Юэджи, занявшие территорию Бактрии, постепенно простерли свою власть на Восток, в глубь Памира. В Цяньхань-шу, среди подвластных юэджам пяти хихзу, упоминаются «Хюми» (древнее звучание). Это сообщение относится, бесспорно, ко времени до рубежа н. э. (19, с. 184). А. Кунингам более ста лет назад идентифицировал Хюми с Ваханом (23, р. 60). Такой же точки зрения придерживался Н. Маркварт (24, с. 22). Что из себя представляют Хюми того времени, сказать с полной уверенностью трудно. Во всяком случае, туда, по-видимому, включалось и оседлое население, и значительные группы кочевого или полукочевого сакского населения.

В эпоху Кушанского государства Хюми – Вахан играл активную роль в событиях, происходивших на территории Восточного Туркестана, что свидетельствует о том, что владения Кушанской династии простирались до границ Восточного Туркестана.

Завоевание Северной Индии юэджами, по всей вероятности, повлекло за собой подчинение им владения Наньду, т. е. части Южного Припамирья. Об экспансии Кушан в этом направлении в I в. н. э. свидетельствуют также надписи в Ладаке с упоминанием имени Кадфиза II, монеты Кушанской империи, найденные на Памире, и уникальный материал I–III вв. из могильников древнего Вахана.

Можно предполагать, что причиной, побудившей Кушан первоначально поддерживать активную политику Китая в Восточном Туркестане, была какая-то договоренность о разделе влияния. Однако в конце I в. н. э. взаимоотношения между Кушанами и Китаем приобретали совсем иной характер, по-видимому, благодаря энергичной деятельности Бань-Чао. В 88 г. он овладел Яркендом, и единственным крупным владением, враждебным Китаю, оставался Кучар.

Силы Кушан были значительно больше тех, которыми располагал Бань-Чао, вследствие чего его войско охватило

страх перед приближавшимся противником. Однако Бань-Чао сумел найти выход из создавшегося затруднительного положения, используя ограниченность продовольственных ресурсов Восточного Припамирья. По его приказу продовольствие было собрано в безопасное место, и пришедшая через Цунлун (Памир) кушанская армия очутилась под угрозой голода. Се пробовал разбить китайцев, но успеха не имел. Очевидно, Бань-Чао сумел хорошо укрепиться в Яркенде. По расчетам Бань-Чао, продовольствие в кушанской армии должно было быстро иссякнуть, и единственным источником пополнения его для Се мог быть Кучар. Поэтому он устроил на пути, ведущем туда, засаду, в которую попали кушанские всадники. Гибель отряда, показавшая невозможность обеспечить войска продовольствием, заставила Се вступить в переговоры с Бань-Чао и затем удалиться из Восточного Туркестана. После этой неудачи, как сообщается в Хоухань-шу, юэджи были сильно напуганы и каждый год присылали ко двору дань (4, с. 79). Сообщение не подкрепляется другими данными, но позволяет предполагать, что события 90 г. н. э. повлекли за собой прекращение связей между Кушанским государством и Китаем.

Неудачный поход Се, вероятно, следует рассматривать, как попытку Кушан распространить свою власть на территорию, расположенную за Восточным Памиром. В следующем году (91 г. н. э.) Бань-Чао овладел Кучаром, что знаменовало собой фактически завершение подчинения всего Восточного Туркестана. В Хоуханьшу приводится текст императорского указа, изданного в 95 г. н. э. по этому поводу, где говорится, что после умиротворения Юйтяне (Хотана) и владений, лежавших западнее его, Бань-Чао перешел через Пунлин и дошел до «висячего перехода» (4, с. 79). Это как будто свидетельствует о том, что после неудачного вторжения кушанского войска в 90 г. н. э. Бань-Чао, в свою очередь, предпринял поход против Кушан и проник в Южное Припамирье. Но поскольку об этом походе ничего не говорится ни в разделе о «Западном крае», ни в основном тексте биографии Бань-Чао, он, очевидно, был безрезультатным. Возможно также, что в данном случае имеется в виду лишь преследование отступающих кушанских войск до Южного Припамирья. Во всяком случае, мы не имеем данных, свидетельствующих о том, что власть Китая в конце I в. н. э. распространилась на Памир или какие-либо территории, лежащие западнее его.

История Кушанского государства, скорее его центральной части, нач. III в. нам хорошо известна (13). О восточных же окраинах сведений чрезвычайно мало, и поэтому мы не имеем возможности установить даже относительно, до какого времени входила в его состав часть Западного Памира. Описание «центрального» пути из Китая на запад, данное Бейши, содержит указание о зависимости ряда мелких кочевых владений, локализуемых в Северном Припамирье, от Кашгара (4, с. 81). Это позволяет предполагать, что в нач. III в. произошло некоторое сокращение Кушанских владений на северо-востоке. Примерно в этот период Кушаны потеряли и некоторые другие области на севере и юге. Причины этого следует, очевидно, искать в ослаблении Кушанского государства, однако говорить о потере восточных владений или о полном распаде Кушанского государства, несомненно, нельзя.

В надписях Шапура I на так называемом «Каабе Зороастра» указывается, что кушаншахр простирается до Пешкабура (Пешавар), Каша (Кашгар), Согда и Чачетано (4, с. 90). Наличие границы с Кашгаром позволяет считать, что на восточной границе владений Кушан до середины III в. н. э. произошли отмеченные древними хрониками только мелкие изменения.

Для этого периода имеются некоторые сведения о населении Западного Памира. Согласно сообщениям Птолемея, основанным на данных Марина Тирского, Памир и прилегающая к нему с севера территория являются страной саков. Вблизи от Яксарта обитали караты и комары; вдоль Аска-таикских гор – массагеты, вдоль Комедских гор – комеды, между последними и массагетами, т. е. в центральной части страны, обитали скифы, гринеи и тоорны, южнее их бил-ты (2, VI, 13). Население страны саков характеризуется Птолемеем как исключительно кочевое, городов в ней не было. Жители обитали в лесах и пещерах. Массагеты, упоминаемые Птолемеем, очевидно, обитали на южных склонах Ферганского хребта. Караты и комары, по-видимому, занимали сравнительно небольшую территорию – восточную окраину в горной части Ферганы. Весь Западный Памир, по данным того же автора, был населен комедями: названные по ним горы простирались от истоков Яксарта, т. е. Алая, до области ламбатов, лежавшей у истоков Коаса-Купара, т. е. Мастуджа. Но эти данные вряд ли можно считать точными,

поскольку Птолемей ничего не знает о Вахане, где существовало владение с оседлым населением. По-видимому, комеды обитали лишь в северной части Западного Памира и главным образом в Северном Припамирье. Поскольку Комед (Цзуймито) в VII в. граничил на юге с Шугнаном, можно предполагать, что и до нашей эры территория, занятая Комедами, не простиралась на юг далее Дарваза и Рушана.

Гринеи и тоорны, по-видимому, занимали Восточный Памир. Что касается билтов, то название их не связано с наименованием Балтистана – области, лежащей, безусловно, вне пределов страны саков, как она определена Птолемеем (2, VII, 1). Их, вероятно, следует локализовать где-то в Южном Припамирье, о котором Птолемей имел очень смутные данные; можно допустить, что под ними подразумевается древнее население Ясина, Канджута и Гильгита. В западной части Южного Припамирья Птолемей указывает область ламбатов, которую следует локализовать в Мастудже и, возможно, также в Читрале, но она включается им в Индию.

А. Херрманн высказал мнение, что из всех перечисленных у Птолемея племен, несомненно, саками являются только комары, которых он локализует в Вахане (25), однако сколько-нибудь убедительных доводов в пользу этого им не приведено. Обоснованное сомнение в принадлежности к сакам может быть высказано лишь в отношении билтов; но и в данном случае нельзя делать категорических выводов, ибо связь их с Балтистаном неясна. Данные Птолемея, конечно, должны восприниматься критически, но, поскольку весь Памир включается им в пределы страны саков, можно предполагать, что население его в основном составляли саки и родственные им оседлые ираноязычные племена. Это положение находит себе подтверждение и в китайских хрониках, которые относят к сакам племена Гюаньду и Хюсюнь, обитавшие на восточной окраине Северного Припамирья.

Таким образом, археология, этнография и письменные источники свидетельствуют о том, что на территории Средней Азии проживали два типа населения, отличающиеся друг от друга основой хозяйства, – оседлые, городские народности и кочевые племена. Между этими племенами существовали глубокие экономические, политические связи, которые, несомненно, определяли развитие истории Средней Азии.

1. Геродот. История в девяти книгах (пер. и примеч. Г. А. Стратановского). Л., 1972.
2. Geography of Claudius Ptolemy. New York, 1932.
3. Хлопин И. Н. Этнография державы Ахеменидов по Геродоту. – Страны и народы Востока. М., 1969, вып. 8.
4. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957.
5. Пьянков И. В. Аскатаки-скифы и восточные Кассии. – Памироведение, вып. 1. Душанбе, 1984.
6. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
7. Пьянков И. В. К вопросу о саках Памира. – Памироведение, вып. 2. Душанбе, 1985.
8. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.–Л., 1950.
9. Бабаев А. Д. Находки из Чим-Кургана II. – АО 1978 года. М., 1979.
10. Бабаев А. Д. Раскопки Чим-Кургаана II. – АО 1980 года. М., 1981.
11. Бабаев А. Д. Корoplastика Чим-Кургана II. – СА, 1982, № 3.
12. Бабаев А. Д. Саки, юэджи и Северная Бактрия. – Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
13. История таджикского народа, т. I. М., 1963.
14. Страбон. География в 17 кн. (Пер., статья и комм. Г. А. Стратановского). М., 1964.
15. Tarn W. W. Greek in Baktria and India. London, 1951.
16. Бартольд В. В. Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток. Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964.
17. Pliny. Natural History. London, 1947–1958, Vol. I–IX.
18. Литвинский Б. А. Архив древнепамирской культуры. – Памироведение, вып. 2. Душанбе, 1985.
19. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950.
20. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
21. Бабаев А. Д. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Душанбе, 1965.
22. Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душанбе, 1973.
23. Stein A. Serindia. Oxford. 1921, V. 1.
24. Marquart I. Eransachr nach der Geographie des Ps Moses Xorenaci. Berlin, 1901.
25. Herrmann A. Sacae. – PWRE, 2. – Reine, 1920, Bd. I,

Н. Ф. Шевченко
САРМАТЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ
(I в. до н. э. — II в. н. э.)

Обширность территории, занятой сарматскими племенами в степной полосе Предкавказья, обуславливает невозможность рассмотрения их культуры без учета местного исторического контекста, т. е. без учета конкретных историко-географических особенностей каждого региона.

Так, история сарматских племен, населявших степи Восточного Приазовья, была во многом определена близостью Боспорского царства, оказавшего большое влияние как на экономическое развитие, так и на ход политической истории кочевников. Для выявления закономерностей изменения взаимоотношений двух политических сил Северо-Восточного Причерноморья была сделана попытка изучения серий массового керамического импорта боспорского производства, отвечающего требованиям синхронности и однородности. Изучение цикличности поступления, выявление качественных и количественных изменений позволило использовать этот материал как один из основных индикаторов изменчивости боспоро-сарматских отношений.

Проведенный анализ дал возможность выделить четыре основных этапа отношений: I — конец IV — первая пол. II вв. до н. э.; 2 — вторая пол. II — первая пол. I вв. до н. э.; 3 — вторая пол. I в. до н. э.; 4 — I — первая пол. II вв. н. э. В данной работе рассматривается только последний этап, охватывающий период, который, пожалуй, наиболее часто упоминается в литературе, но, тем не менее, остается наиболее проблемным.

Его особенности определены нарушением с конца I в. до н. э. традиционно действующих почти в течение трех столетий связей сарматов с Боспорским царством и дестабили-

зацией политической обстановки в регионе, что выразилось в значительном уменьшении количества импорта в памятниках Восточного Приазовья. Отмеченное явление выявляется при сравнении с объемом импорта во втором этапе, когда отношения с сарматами формируются правителями Боспора как одно из направлений государственной политики. Наиболее полное выражение такая тактика получила в период царствования Митридата VI Евпатора и Фарнака, делавших ставку в борьбе с Римом на вооруженные силы северочерноморских кочевников (1, с. 305). Это обусловило стабильно высокий уровень значимости сарматов в делах государства. Расширение политических контактов сравнительно быстро отразилось на экономических связях — меняется качественный и количественный состав привозных изделий. С конца II в. до н. э. объем поступающей к варварам массовой керамики боспорского производства возрастает настолько, что уже может быть квалифицирован как импорт, планомерно поставляемый в степь (2, с. 50). Одновременно возрастает приток таких вещей, как бронзовая и стеклянная посуда, металлические украшения и другие предметы роскоши, поступающих к кочевникам как в результате обмена, так и в виде даров, трофеев или в результате грабежа.

В годы правления Асандра сложившаяся ситуация по сути существенно не меняется, и, хотя усилия царя, направленные на достижение политического равновесия, в какой-то мере определяют уменьшение влияния сарматов, к значительному изменению их роли это не приводит, и к концу I в. до н. э. она остается достаточно высокой. В основе заинтересованности Асандра в варварах, вероятно, лежит попытка использовать их в качестве пассивного противовеса боспорским городам и Риму. События, приведшие к кардинальным изменениям в боспоро-сарматских отношениях, происходят только в последние два десятилетия I в. до н. э.

В Северном Прикубанье эти события проявляются сначала в резком сокращении, а позднее почти полном исчезновении в сарматских погребениях античного керамического импорта. Как нам представляется, основные причины, определившие характер перемен, неразрывно связаны с изменением ведущих акцентов внешнеполитического курса Боспорского царства (1, с. 317). По крайней мере, быстрое усиление реальной зависимости Боспора от Рима со времен царицы Динамии не вызывает сомнений (4, с. 202). Характер зависимости во многом был определен стратегической значимостью

Боспора, особенно проявившейся в свете римской политики на Востоке. Логическим следствием явилось оформление отношений между Римом и Боспорским царством путем заключения договора, который предусматривал союзнические отношения, хотя и обуславливающие определенную степень подчиненности Империи, но оставлявшие за боспорскими правителями достаточную свободу действий в местных делах (4, с. 207). Все это, надо думать, способствует дальнейшей государственной стабилизации и содействует значительному подъему экономики Боспора. Вместе с тем вряд ли можно сомневаться, что занятие боспорскими династами твердой проримской позиции сказывается в изменении отношений с сарматами, так как автоматически уменьшается потребность в военных силах кочевников и, естественно, снижается их значимость в делах государства. Вероятно, такие тенденции начинают проявляться еще в конце правления Асандра, но четкую направленность они приобретают только со времен Аспурга. Судя по надписи 23 г. н. э., посвященной царю, можно говорить о переходе этого правителя к довольно решительной политике по отношению к варварам (5, с. 69). Сарматские племена в надписи не упомянуты, но для нас существенно то, что она, очевидно, отражает вполне сформировавшиеся тенденции. И хотя к концу I в. до н. э. группировки восточноприазовских кочевников во многом сохраняют свои позиции и продолжают функционировать какие-то торговые пути (6, с. 140), весь имеющийся материал свидетельствует о нарушении существовавших ранее стабильных экономических контактов, которые боспорская сторона прерывает в силу описанных выше причин.

Обострение отношений Боспора и сарматов в это время становится особенно очевидным, так как значительные военные силы кочевников, сконцентрированные у границ государства и могущие легко привлекаться во время смут, становятся потенциальным источником военной опасности. Реальным проявлением такой опасности, а также поводом, ускорившим события, явилась война 49 г. н. э. Характер этого столкновения в нашей литературе чаще всего рассматривается либо с позиций внутrigосударственного конфликта и его последствий, либо конфликта между двумя сарматскими племенами, в результате которого произошло падение одной, сиракской, и возвышение другой, аорской, группировки.

Не менее перспективным может стать изучение данного столкновения в аспекте боспоро-сарматских отношений. Трудно допустить, что Котис и стоящий за ним Рим не сознавали всех возможных последствий сложившейся ситуации, при которой Митридат II без особых усилий мог организовать обширное выступление сарматских племен (7, с. 229). В этом случае последовавшие действия союзников против Митридата II, наряду с борьбой против мятежного царя, приобретают окраску превентивной войны, направленной на подрыв мощи ближайшего к Боспору и союзного Митридату сарматского объединения сираков. Объяснимы мотивы уничтожения сарматского города Успы, как акции устрашения, что, несомненно «...вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости...» (8, с. 202 сл.). В связи со сказанным необходимо отметить, что раскопки, проводившиеся в последние годы на территории Восточного Приазовья, дают картину резкого сокращения населения в этом регионе в I в. н. э. (9, с. 49). Среди почти тысячи исследованных погребений комплексов первых веков нашей эры пока встречены единицы. Связывать такое сокращение населения с последствиями сирако-аорской войны вряд ли оправданно, так как активные военные действия, способные привести к падению одной из группировок, вообще могут быть поставлены под сомнение: ни рассказ Тацита, ни другие источники не дают оснований для подобных выводов. Тацит сообщает только о конкретном случае кратковременного использования военных формирований одного племенного союза кочевников против другого (8, с. 202–204). Примеры такого использования хорошо известны для Северного Причерноморья эпохи эллинизма (10, с. 60). Гораздо правомернее связывать факт сокращения населения с деятельностью активно поддерживаемых Римом боспорских правителей, которые были в первую очередь заинтересованы в изменении расстановки сил в регионе. Согласно Тациту, поражение сираков в столкновении 49 г. н. э. могло привести к их значительному ослаблению, оттеснению от границ Боспора, но далеко не к полному разгрому (8, с. 204). Возможно, это было связано с сохранением крупного военного потенциала сираков и сложностями ведения войны в условиях степи; возможно, какую-то роль сыграла инерция политического мышления по отношению к сарматам, бывшим долгое время в тесных контактах с Боспором. По крайней мере,

бесспорно, что к середине I в. н. э. в Восточно-Приазовской степи еще сохраняется сиракское население. Дальнейшее углубление конфликта происходит вследствие активизации самостоятельной внешней политики Боспора в последней трети I в. н. э. уже в период царствования Рескупорида II и Савромата I. О происшедших в то время успешных для Боспора столкновениях с варварами может свидетельствовать появление с 80-х гг. I в. н. э. так называемой «военной чеканки» меди, повествующей о боевых подвигах правителей (11, с. 58). Чеканятся монеты с изображением доспехов, конной статуи царя над воротами города, царя, попирающего коленопреклоненного пленника. Победный характер этих монетных типов определенно связан с новым положением царя, как царя самостоятельно и успешно охраняющего границы государства от варваров (11, с. 58). Учитывая сложную военно-политическую обстановку, сложившуюся в I в. н. э. в Восточном Приазовье, вполне правомерно предположить, что военные действия охватили и этот регион. Для уточнения вопроса о времени и месте происшедших событий необходимо полностью привести надпись на стеле, найденной в Танаисе: «...тысячи завоевав сираков и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавателей в Понте и Вифинии, при страте граждан... Зеноне, сыне Дада, сына Эвия и при Юлии Д... и Юлии Родоне, бывших наместниках царской резиденции, я, Зенон, сын Зенона сына Дада, посланный царем в эмпорий, посвятил Зевсу, Аресу и Афродите при Бораспе, сыне Баба, архонте Танаиса, Эллинархе Родоне, сыне Харитона. В 490 г. 1-го Дистра». Надпись датируется 193 г. н. э. и свидетельствует о большой победе, одержанной Боспором в тот год или незадолго до этого (12, с. 728). В тексте говорится о конкретном завоевании, связанном с племенами сираков. Судя по характеру упоминания сираков наряду со скифами, звучащему как-то обыденно, здесь имеются в виду племена, хорошо известные грекам и, скорее всего, обитавшие в Приазовской степи, в реальной близости к границам Боспора. Однако сарматские памятники конца II в. н. э. на указанной территории практически неизвестны. Противоречие это может быть объяснено только в том случае, если считать, что в надписи отражены более ранние события времен Савромата I или Рескупорида II. Сам текст этому не противоречит, так как позволяет сделать предположение о том, что плита воздвигнута сыном в ознаменование событий, происшедших при жизни

или с участием его отца, видимо, являвшегося архонтом Та-наиса. Следовательно, сама победа может быть отодвинута на 40–60 лет назад, а события, ей предшествовавшие, вообще отнесены к концу I – нач. II вв. н. э. Предположение станет более вероятным, если принять во внимание популярность имени Рескупорида у последующих царей боспорской династии (13, с. 61).

Правда, в некотором противоречии с высказанной гипотезой находится отсутствие в Северном Прикубанье сарматских погребений названного периода. Можно предположить, что резкое сокращение импорта обусловило исчезновение в археологическом материале именно тех предметов, которые широко применялись для датировок ранних этапов. Следовательно, поиск целесообразнее направить не на обнаружение погребений этого времени, а на выделение их из массы имеющихся комплексов.

Таким образом, единственный источник, помещающий сираков в Приазовье в самом конце II в. н. э., не противоречит археологически подтвержденному выводу о том, что начало активного оттока населения из степных районов к северу от р. Кубань хронологически совпадает с событиями I – нач. II вв. н. э. Причем немаловажным доводом в пользу тезиса о целенаправленном вытеснении сарматов из приграничных с Боспором территорий является то, что смены населения здесь не происходит и в позднесарматское время эта область степи остается не заселенной кочевниками.

Таким образом, с середины I в. н. э. Боспор переходит к наступательной военной политике по отношению к сарматским племенам Восточного Приазовья. И операции такого плана не только проводились, но и достигли значительного успеха, оградив тем самым северо-восточные границы государства от долговременной варварской угрозы. Происшедшие события во многом обусловили перестановку сил в среде местных сарматских и меотских племен и привели к изменению этнополитической обстановки на всем Северо-Западном Кавказе.

Весьма важным сейчас является выяснение основных тенденций в перемещении сарматских группировок, которые, бесспорно, не носили характера однозначного и единовременного движения. Небезынтересен в этом отношении факт усиления с рубежа нашей эры сарматского влияния, отмечавшийся, в меотских памятниках правобережья р. Ку-

бань. Возрастает процент погребений с типичной для сарматов Восточного Приазовья западной ориентировкой, изменяются типы оружия и набор инвентаря. Увеличение сарматских черт было настолько существенным, что дало возможность предполагать полное подчинение сиракам оседлого меотского населения (14, с. 115; 15, с. 14 сл.). Необходимо отметить, что многие черты обряда и вещи из меотских могильников первых веков нашей эры, отождествляемые с материальной культурой сарматских племен, более близки среднесарматским памятникам Поволжья, а не Приазовья, у которых много специфических черт, не прослеженных в меотской культуре. Таким образом, не исключено, что материалы меотских могильников отражают только последствия событий, приведших к отмеченному перемещению. Что же касается вопроса о полном и безоговорочном подчинении сарматами меотских племен, то пока это представляется значительным упрощением реальной обстановки.

Передвижение приазовских сарматов к северу – в Подонье, и далее в Поволжье, возможно, имело место не один раз и в связи с разными событиями и чаще всего носило характер перемещения небольших групп населения (16, с. 166). Что же касается движения конца I в. н. э., то оно отличалось гораздо большим масштабом и было более значительным по своим последствиям, но выявление его направлений и основных особенностей является задачей отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949.
2. Шевченко Н. Ф. Античный керамический импорт в сарматских погребениях Восточного Приазовья.– Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
3. Сапрыкин С. Ю. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н. э. – Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
4. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга.– СА, 1965, № 2.
5. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея.– МИА, 1957, №56.
6. Ср., напр.: КБН, № 142.
7. Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. В кн.: Античная археология и история. М., 1985.
8. Корнелий Тацит. Соч., т. 1. Л., 1969.
9. Ждановский А. М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I–III вв. н. э.– Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

10. Абаев В. И. Сармато-Боспорские отношения в отражении нартовских сказаний.– СА, 1958, XXVIII.

11. Фролова Н. А. Монетное дело Рискупорида II. В кн.: Нумизматика и эпиграфика, вып. VII. М, 1968.

12. КБН, № 1237.

13. Блаватский В. Д. О Рискупориде I.– СА, 1976, № 4.

14. Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе.– СА, 1965, № 1.

15. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М, 1974.

16. Капошина С. И. Сарматы на Нижнем Дону. В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

А. И. Мартынов

О КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВ ДРЕВНЕГО МИРА И СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Значительную роль в событиях мировой истории I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры сыграли взаимоотношения обществ так называемого Древнего мира античной и эллинистической эпохи и скифо-сибирского мира. Отдельные события этих взаимоотношений, как например, переднеазиатские походы скифов, войны Кира в Средней Азии и борьба с кочевниками, поход Дария I в Скифию, Восточный поход Александра Македонского, достаточно широко освещены в научной литературе.

Однако в их интерпретации прослеживается определенный недостаток: почти всегда они рассматривались как события, эпизоды истории раннеклассовых обществ Древнего мира. При этом, естественно, принижалась историческая роль обществ степной Евразии, а сами эти общества, несмотря на накопленный колоссальный археологический материал, не рассматривались как своеобразная степная цивилизация, как особая зона исторического развития.

Взаимоотношения этих двух миров отдельно не рассматривались. Очевидно, это произошло потому, что скифо-сибирский мир не воспринимался как историческое единство, как цивилизация, охватывающая территориально степную евразийскую зону от Придунавья на западе до Центральной Азии и Ордоса на востоке.

Рассматривая проблему с таких позиций, мы должны отметить наличие прямых контактных зон: на западе скифы и греки, в центральной части этой территории – саки и персы, а позднее эллинистические общества, на востоке – хунну и Китай.

События в этих контактных зонах приобретали определенную закономерность и историческую обусловленность. Однако, как сейчас ясно, военные походы и другие взаимные контакты нельзя рассматривать только как местные, не влиявшие глубоко на события истории всей исторической зоны.

Вместе с тем, рассматривая эти события как вполне определенную систему взаимоотношений двух исторических миров, можно отметить несколько хронологических периодов, отношения внутри которых отличались своими целями и содержанием, направленностью.

Первый период охватывает первую пол. I тыс. до н. э., точнее, до конца VI в. до н. э., до сложения скифо-сибирского исторического единства. Второй период – рубеж VI–V веков до н. э. и до нач. II в. до н. э. Третий период охватывает последние два века I тыс. до н. э. и первые века н. э., характеризующиеся усилением роли кочевнических обществ гунно-сарматской эпохи, их активным влиянием на события евразийской истории.

В первый период, как известно, шло сложение в степной зоне Евразии основ культурно-исторического единства (1; 2). Этот период отмечен следующими основными событиями, прямо не связанными друг с другом, но характеризующими эту эпоху: походы сначала киммерийцев, потом скифов в Переднюю Азию; начало греческой колонизации Причерноморья и включение Персией в сферу своего влияния части районов Средней Азии.

Известно, например, что в 679–678 гг. до н. э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но потерпели там поражение в верховьях реки Тигр. Около 676–674 гг. до н. э. киммерийцы в союзе с Ванским царством разгромили находившееся в центре Малой Азии государство Фригию, и в дальнейшем борьба продолжалась.

К семидесятым годам VII в. до н. э. относится упоминание в ассирийских источниках о скифах, которые, обосновавшись где-то в Мильской степи, в союзе с маннейцами и мидянами выступают против Ассирии под руководством Ишпакаи (3, с. 20). Маннейцы с участием скифов захватили ряд пограничных ассирийских крепостей.

В дальнейшем, в результате перемены в политике скифов, Ассирии с их поддержкой удалось отбить мидян и удержать часть своих владений в их стране. Зато значительная

часть Мидии освободилась от власти Ассирии, и было основано независимое Индийское царство. В тылу у него, однако, находилось союзное с Ассирией Скифское царство (3, с. 21),

В последней четверти VII в. скифы вновь появляются на исторической арене. Тогда руководящая роль в политической истории Древнего Востока определенно переходит от Ассирии к Вавилону. В 627 г. до н. э. произошло восстание в Вавилоне, который находился в подчинении Ассирии. Эту борьбу поддержали мидяне и в 623–622 гг. до н. э. осадили столицу Ассирийского царства Ниневию. Однако город спасли скифы, оставшиеся верными союзниками Ассирии и в дальнейшем. С этих событий начинается отмеченный Геродотом 28-летний период господства скифов в Азии, когда скифы, словно ураган, прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта.

Новое обострение борьбы между противниками, в которой участвуют скифы, относится к концу VII в. до н. э. В 614–613 гг. до н. э. мидяне и скифы двинулись на Ассирию (3, с. 27). Соединенные силы союзников осадили Ниневию в августе 612 г. до н. э. и штурмом овладели ассирийской столицей. Борьба продолжалась еще несколько лет. Главным противником Вавилона в это время был Египет. Вавилоняне воевали с Египтом то с помощью мидян, то с помощью скифов.

В 609–607 гг. до н. э. военные действия велись на территории Ванского государства. Кроме скифов, в них принимали участие вавилоняне и мидийцы. Мидяне на первое время удовлетворились захваченной ими в Ниневии добычей. Между 605 и 660 гг. до н. э. скифы вместе с вавилонянами в Палестине, а потом Египте.

В 597 г. согласие между скифами и Вавилоном нарушилось, нависла угроза со стороны скифов и подвластных им Маннейского и Ванского царств над Вавилоном, который от разорения спасли мидийцы.

М. И. Артамонов (3) приводит данные, что в 590 г. до н. э. разгорелась война между Мидией и Лидией, которая продолжалась более пяти лет, пока, наконец, при содействии Вавилона между враждующими сторонами не был заключен мир, по которому владения скифов в Азии, включая Каппа-докию, отошли к Мидии, граница которой отодвинулась на запад до реки Галис. Существенное добавление к своим владениям получила Киликия.

Упомянутое Геродотом 28-летнее господство скифов в Азии соответствует времени между падением Ниневии в 612 г. до н. э. и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 г. до н. э. Таким образом, в период образования государства в степном Причерноморье скифы в Передней Азии были силой, которая имела определенное военное положение.

После этого начинается период относительно спокойных и устойчивых экономических и политических отношений с греческими полисами Северного Причерноморья, которые достаточно широко освещены в исторической литературе.

Другая устойчивая линия взаимоотношений – это скифо-сибирский мир и Персидская держава, сложившаяся в середине VI в. до н. э., когда в 560 г. до н. э. персы под началом Кира сокрушили владычество мидян и основали огромную мировую державу. В 539 г. до н. э. была захвачена Вавилония, а потом весь запад: Сирия, Палестина, Финикия подчинились персам. Однако основной зоной исторических контактов складывающегося скифо-сибирского мира и Персии в этот период были районы Средней Азии с их традиционно сложившимися двумя направлениями развития хозяйства: оседлого орошаемого земледелия и скотоводства.

К царствованию Кира II (558–530 гг. до н. э.) относится начало покорения Средней Азии персами. Первой пала Бактрия, потом Кир вел войну с саками и взял в плен царя Аморга, который возглавлял племенной союз амюргиев, или хаумаварта. Однако жена Аморга, собрав войско, нанесла поражение персам и даже захватила некоторых родственников Кира, освободила Аморга и заключила союз с персами. Фактически Кир не смог подчинить саков, обитавших вблизи Бактрии, и, по сведениям Геродота, сам погиб в Средней Азии в борьбе с кочевниками в 530 г. до н. э. При Дарии I (522–486 гг.) Средняя Азия уже прочно входила в Ахеменидскую державу. Это закреплено в надписях на дворцах Дария в Персеполе и Экбатане.

Третьей зоной исторических взаимовлияний степного мира и древних цивилизаций были восточные территории: Китай и степные районы Центральной Азии. Восточным пределом этих контактов был Ордос. Для первой пол. I тыс. до н. э. контакты отмечены, в основном, распространением археологических материалов, которые дают некоторое историко-географическое представление о границах двух миров в этом

районе. С. Г. Кляшторный обратил внимание на распространение памятников культуры плиточных могил и оленных камней (4, с. 168).

Памятники культуры плиточных могил уходят далеко на юг, охватывая огромную территорию от Забайкалья до Северного Тибета, включая степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию.

Характеризуя период до рубежа VI–V вв. до н. э., надо отметить относительное равновесие двух миров, глубокие проникновения в глубь территорий древних обществ скотоводов.

Значительно меняется историческая обстановка и содержание отношений с рубежа VI–V вв. до н. э. С этого времени складывается качественно новая ситуация. Она характеризуется тем, что сложился скифо-сибирский мир как определенное культурно-историческое единство, как степная скотоводческая цивилизация со своим набором исторических ценностей. Качественно иной стала обстановка и в мире первичных цивилизаций. К тому же эти две цивилизации непосредственно соприкоснулись на значительной территории Европы и Азии: Причерноморье, Кавказ, Средняя Азия, Центральная Азия и Ордос. В первой половине I тыс. до н. э. развитие шло почти безболезненно вширь как с одной, так и с другой стороны. Теперь же две зоны исторического развития приходят в непосредственное соприкосновение на огромном протяжении.

Можно назвать устойчивыми и сбалансированными экономически и в основном политически отношения между эллинским и скифским мирами в Причерноморье до возвышения Македонии.

Совсем по-другому складываются отношения с Персией. Уже к концу VI в. до н. э. границы Персидской империи при Дарий (521–485 гг.) простирались от Фракии на западе до Северной Индии на востоке. Зона непосредственных контактов двух миров была значительной: Причерноморье, Прикаспий и Аральское море и далее на восток. При такой исторической ситуации у Персидской империи были только две противостоящие ей политические силы: союз греческих полисов и скифо-сибирский мир Евразии. Причем события истории отношений персидской монархии и греческого мира освещены досконально, до мельчайших подробностей. Значительно хуже освещены напряженные взаимоотношения

Персии с обществами скифо-сибирского мира. Это не случайно, так как до сих пор степной мир методологически рассматривался находящимся на одном из этапов первобытных общественных отношений и не воспринимался историками и археологами как система своеобразных раннегосударственных образований, отличных по своему базису, общественной структуре и культурным ценностям от персидского и греческого мира. Правильнее будет сказать, что в V–III вв. до н. э. мир характеризовался тремя основными политическими силами: Персидская держава, эллинский мир и скифо-сибирский мир.

На рубеже VI–V вв. до н. э. ситуация меняется в том отношении, что если в предшествующий период кочевники использовались разными политическими силами в своих интересах (Вавилон, Лидия, Персия и др.), то теперь, со сложением скифо-сибирского мира как определенного политического единства, возникает реальная опасность со стороны этого мира. Именно этим продиктованы походы персов и их стремление ослабить, оттеснить, подчинить скотоводов евразийских степей.

В Бехистунской надписи говорится о политически важном походе Дария в 519 г. до н. э. на саков с острыми шапками. Вероятно, речь идет о саках-тарадарая, которые были разбиты и вождь их Скунх захвачен Дарием, назначившим правителем саков какое-то другое лицо. Здесь речь идет о завоевании, которому Дарий придавал большое значение: фигура Скунха в остроконечной шапке и с веревкой на шее была добавлена к изображениям на Бехистунской скале.

Важным политическим событием в борьбе трех основных мировых сил была война Дария I со скифами в 514–513 гг. до н. э. Однако поход нельзя рассматривать в отрыве от всей мировой ситуации того времени. Ситуация была такова. Территория Средней Азии была уже подчинена Персией, т. е. юго-восточная часть скифо-сибирского мира входила в сферу влияния персов, самостоятельной оставалась его западная часть. Этим и диктовалась необходимость похода. Поход был неудачным, и после этого в 492 г. до н. э. персы предприняли первый поход против Греции. Началась принципиально важная в истории борьба двух миров: наследника древневосточной цивилизации, какой была Персидская держава не только территориально, но и по своей сути, и мира нового – греческих полисов классического рабовладения.

С севера лежал третий мир – скифо-сибирский, которому суждено было вступить в политическую борьбу позже, во время Восточного похода Александра Македонского. Восточный поход греко-македонской армии был фактически продолжением тех отношений, которые стали основными на протяжении V–IV вв. до н. э. Уже в 335 г. до н. э. Александр Македонский совершил поход на север: его армия дошла до Дуная, проникла в Скифию. Этому походу предшествовал в 339 г. до н. э. поход Филиппа II Македонского на север. В борьбе погиб скифский царь Атей. Вслед за этими событиями в 331 г. до н. э. Запирион, наместник Александра Македонского во Фракии, вторгся в западные владения Скифии, осадил Ольвию, но войско его потерпело поражение. Все это свидетельствует о том, что и персы, и греко-македонцы ранней поры эллинистической эпохи неизменно стремились расширить свои владения за счет частей скифо-сибирского мира (5, с. 239).

На востоке напряженные события развернулись уже после 330 г. до н. э., когда Дарий был убит и фактически Александр Македонский стал правителем всей территории. Македонская армия заняла Парфию, Арию и Араходию (Афганистан) и оттуда в 329 г. до н. э. двинулась на север, в области Окса и Яксарта (Амударья и Сырдарья), на Бактрию и Согдиану.

В то же время складываются новые исторические отношения между земледельческим Китаем и сюнну. Здесь выделяется определенный период, охватывающий V–III вв. до н. э. Считается, что здесь сказались как экономические, так и политические факторы. В Китае, с распространением железа, начиная с эпохи борющихся царств и в период Цинь-Хань, определенный экономический интерес стали представлять степные земли как объект земледелия. Поэтому западные и северные земли, которые были заселены скотоводами хунну, приобретают определенную хозяйственную ценность.

С V в. до н. э. сложилась определенная экономическая система у хунну: скотоводство как основной источник получения прибавочного продукта в условиях степной зоны; степи как основа развития скотоводства; особая ценность коней для конницы хунну и для китайской армии и двора.

В это время складываются отношения между китайскими княжествами и хунну как отношения двух различных экономик и культур. Пользуясь междоусобицей, царившей в

Китае в V–III вв. до н. э., хунну совершают частые набеги на царства Цинь, Чжао, Янь. Глубокие набеги во внутренние районы Китая совершались за зерном, металлом, шелком, ватой. Это особая, наполненная событиями история отношений, которую нет необходимости здесь приводить. Замечу только, как фактор определенной закономерности, что по своей сути и характеру эти отношения были похожи на те, которые сложились между миром Древнего Востока, киммерийцами и скифами в раннюю пору истории, а позже – между персами, греко-македонцами и скифами. В. С. Таскин приводит слова Ли Сы – одного из сподвижников Цинь Ши-хуана, которого он отговаривал начинать войну с хунну: «Сюнну не имеют городов, обнесенных стенами, у них нет запасов, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими... Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем» (6, с. 112). С IV в. до н. э. китайцы называют хунну своими основными соперниками. Они борются за Ордос с царством Чжао. В 308 г. до н. э. кочевники выступили против Китайской империи и на землях Хуася создали свои государства. После этих событий почти 300 лет Среднекитайская равнина была в руках северных кочевников (7, с. 55).

С конца III в. до н. э. наступает новый этап в отношениях степного мира и древних цивилизаций. Он характеризуется усилением подвижности населения внутри степного мира, сложением иной, чем прежде, военной системы, новой политической ситуацией, в которой основными силами становятся не скифы, саки и другие народы скифо-сибирского мира, а хунны (сюнну) и сарматы.

Начиная с династии Хань в 202 г. до н. э., и даже раньше, Китай теряет свое доминирующее положение в военной, политической и дипломатической областях в борьбе с хунну (7, с. 111). С большим трудом императору Шихуану с 300-тысячным войском удалось отвоевать у хунну район к северу от излучины Хуанхэ. С 215 г. до н. э. отмечается расширение оборонительных стен, которые имели северные китайские царства, их соединение. Общая протяженность стены-границы стала уже свыше 10 тыс. ли (7, с. 108).

Борьба обостряется после 209 г. до н. э., когда Маодунь, приняв титул шаньюя, объединил хунну, консолидировал

власть, преобразовал политическую структуру. Со времени правления в Китае Лю Бана (202–194 гг. до н. э.) и до правления У-ди (140–86 гг. до н. э.) хунну стали активной, сокрушающей политической силой. К этому периоду относится серия неудачных для Китая походов, попытки изменить положение.

В 193 г. Маодунь с 300-тысячной армией вторгся и подчинил северные округа Китая. Сам император был при этом окружен и чуть не попал в плен. В результате между Гао-цзу и Маодунем был заключен «договор о мире, основанный на родстве» (Хэ Цинь Юэ). Неудачно окончился для китайцев в 129 г. до н. э. поход. Хунну разгромили часть армии и совершили глубокие рейды из Ордоса на территории, близкие к столице империи. Войны с хунну продолжались почти все годы правления императора У-ди.

Особым событием мировой истории стал Великий шелковый путь, главная трасса которого начиналась в столице Ханьского Китая Чаньяни и шла на запад вдоль коридора Ганьсу, пересекая бассейн Тарима и горы Памира, проходила через Туркестан, затем через современный Ирак, Иран, Сирию к Средиземному морю. Во II–I вв. до н. э. шелковый путь связывал общества. Теперь не только война, но и торговля стала активной частью политики. В результате Китай, Средняя Азия, Ближний Восток и Римская империя оказались вовлеченными в активную международную торговлю. Не случайно Плиний в I в. н. э. включает шелк в свой список наиболее дорогих и ценных товаров. Из Рима ежегодно выкачивалось при помощи шелка около 100 миллионов сестерций (7, с. 127).

На рубеже и в первые века нашей эры отмечается активизация борьбы скотоводческих народов. На западе реально в это время были две коалиции: римляне, которых поддерживали даки, бастарны, и противостоящие им сарматы, роксоланы и скифы. В 69 г. роксоланские катафрактары вторглись на Балканы. В конце I – нач. II вв. наблюдаются волны сарматского нашествия в Придунавье. Обостряются в это время отношения степняков с причерноморскими городами. Это особая тема исследования. В данном случае только по Ольвии отмечается в декрете в честь Протогена одновременная угроза городу со стороны галатов, скифов, саев сарматской принадлежности (8, с. 68). Не менее тревожными были отношения в других пограничных районах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
2. Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур. В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.
3. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). – Л., 1974.
4. Кляшторный С. Г. Гуннская держава на востоке (III в. до н. э. – IV в. н. э.). В кн.: Упадок древних обществ. М., 1983.
5. Доманский А. В. Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время. В кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
6. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.
7. Крюков М. В., Переломов Л. С. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
8. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983.